

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 4 • 2011 • ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Гарбовский Н.К.* Перевод и «переводной дискурс» 3
Микоян А.С. Роль перевода во взаимопознании и взаимообогащении культур 20

История перевода и переводческих учений

- Миронова Н.Н.* Михайло Ломоносов в Германии: история рецепции и история перевода 35
Шабига И.Ю. Переводческие приёмы М.В. Ломоносова при работе с научным латинским текстом 43

Методология перевода

- Береснева В.А.* Предпереводческая экспликация скрытой семантики на основе метода лингвистического синкретизма 62

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Корниенко А.А.* Типология рассказчика и проблемы перевода 70
Шомахова Т.М. Отражение лингвоконцепта *совесть* в семантической теории перевода (на материале современного французского языка) 78

- Указатель статей и материалов*, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» за 2011 г. 98

General Translation Theory

Garbovsky, N.K. Translation and Translation Discourse 3
Mikoyan, A.S. The Role of Translation in Mutual Understanding and
Mutual Enrichment of Cultures 20

Translation History

Mironova, N.N. Mikhail Lomonosov in Germany: History of Reception
and History of Translation 35
Shabaga, I.Y. Scientific Latin Text and Translation Techniques Used by
M.V. Lomonosov 43

Translation Methodology

Beresneva, V.A. Pre-translation Explication of Covert Semantics through
the Method of Linguistic Syncretism 62

Translation Criticism

Kornienko, A.A. Typology of the Narrator and Translation Issues 70
Shomakhova, T.M. Reflection of the Linguoconcept *Conscience* in Se-
mantic Translation Theory (Based on Modern French) . . . . .
Index of Articles and Materials, published in the Magazine “Vestnik of
Moscow University. Series 22. Translation Theory” in 2011. 98

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Н.К. Гарбовский,

доктор филологических наук, профессор, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: garok1946@mail.ru

ПЕРЕВОД И «ПЕРЕВОДНОЙ ДИСКУРС»

В статье рассматриваются вопросы влияния переводческой деятельности на состояние словесности принимающей культуры, как в историческом плане, так и в современной действительности. Автор статьи опирается на отечественный и европейский, в частности французский опыт перевода, уделяя особое внимание идеям М.В. Ломоносова как основателя русской словесности. В статье высказывается предположение об особом «переводческом дискурсе», создаваемом в результате переводческой деятельности в словесности принимающей культуры.

Ключевые слова: перевод, история перевода, Ломоносов, переводческая интерференция, переводной дискурс.

Nikolai K. Garbovsky,

Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok1946@mail.ru

Translation and Translation Discourse

The article examines the influence of translation activity on the receiving culture’s philology from both the historical and contemporary perspectives. The author analyzes Russian and European (particularly French) translation traditions while paying special attention to the ideas put forth by Mikhail Lomonosov, the founding father of Russian philology, and hypothesizes that there exists a distinct translation discourse which develops as a result of translation activity in the receiving culture.

Key words: translation, translation history, Lomonosov, translation interference, translation discourse

С древних времён и до наших дней методология перевода, переводческий опыт выдающихся переводчиков прошлого, размышления о переводе гуманистов разных времён и народов оказываются одними из приоритетных объектов лингвистических разысканий, исследования речевой деятельности, дискурса, художественного речевого творчества и др.

Независимо от исторической обусловленности, условий коммуникации, языковых комбинаций, сталкивающихся в переводе, различий прагматической ориентированности перевод как особый вид речевой деятельности позволяет обнаружить универсальные имманентные свойства. Переводные тексты в своей совокупности предстают как особая часть общего дискурсивного пространства,

которая могла бы быть определена как «переводной дискурс». Именно поэтому до сих пор остаются актуальными размышления о переводе великих гуманистов прошлого. Переводческий опыт Цицерона, св. Иеронима, Лютера, Доле, Тайтлера, Ломоносова и многих других показывает онтологическую общность переводных текстов и некоторые общие закономерности их функционирования в дискурсивном пространстве принимающей культуры.

1. Ломоносов и актуальные вопросы науки о переводе

В год 300-летнего юбилея М.В. Ломоносова имя основателя Московского университета, российского просветителя-энциклопедиста упоминается в парадигмах множества отраслей научного знания, наукоёмких областей человеческой деятельности, самых различных объектов познания: «Ломоносов и химия», «Ломоносов и астрономия», «Ломоносов и металлургия», «Ломоносов и иностранные языки», «Ломоносов и...».

Среди наук, занятий и объектов познания, которые охватил Ломоносов, нашлось место и переводу. Вклад Ломоносова в отечественную науку неоспорим. Его заслуга как филолога, лингвиста, переводчика прежде всего в том, что он показал возможности русского языка к саморазвитию и обогащению для обозначения новых предметов мысли, для формулирования и выражения новых идей.

Переводческая деятельность, возможно, не в меньшей степени, чем наблюдения и эксперименты в области естественных наук, способствовала становлению Ломоносова как учёного и в дальнейшем как популяризатора научного знания в российском обществе. Ведь именно «переводческое» прочтение любого текста, художественного или научного, оказывается наиболее внимательным, глубоким и детализированным. Переводчик не может упустить даже мельчайшей детали текстовой материи для постижения системы смыслов, заключённой в тексте оригинала, обладающего не только информативной, но и эстетической значимостью.

Переводческая деятельность Ломоносова, оставившая яркий след в отечественном поэтическом наследии, осуществлялась главным образом в форме переложений произведений древних поэтов. Пушкин в критической заметке «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова» отмечал заслугу Ломоносова в том, что тот открыл «истинные источники нашего поэтического языка» [Пушкин, т. 5, с. 18]. Знаменательно то, что, по мнению Пушкина, именно «переложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности,

по ним долго ещё мы будем изучаться стихотворному языку нашему» [там же].

Вспоминая о переводах Ломоносовым научных книг, чаще всего называют «Вольфианскую экспериментальную физику» — перевод с латинского языка книги немецкого учёного Л.Ф. Тюммига. Целью переводческой деятельности Ломоносова было сделать доступным и понятным то, что прежде было недоступным и непонятным для представителей принимающей русской культуры. Но в то же время его переводы формировали новое дискурсивное пространство, вводили в переводящем языке новые нормы, делая возможным появление новых речевых произведений с новыми сюжетами и идеями. Последователи Ломоносова для своих рассуждений о физике, для описания своих экспериментов и даже открытий получили речевые образцы и термины, введенные Ломоносовым в научный речевой оборот, в частности и в результате переводов научных текстов.

Однако только очередное юбилейное упоминание о переводческом опыте Ломоносова вряд ли может представлять истинный интерес для современной науки о переводе. Ведь перевод — это весьма распространённый вид интеллектуальной деятельности поэтов и писателей, ораторов и учёных всех времён и народов.

В переводческом опыте Ломоносова для современной науки о переводе наиболее существенными представляются философская и дидактическая составляющие. Обращение к этому опыту заставляет современных исследователей в очередной раз задуматься над общими философскими вопросами теории перевода.

Прежде всего, немаловажным представляется извечный вопрос о том, как переводческая деятельность влияет на выразительные способности переводящего языка, расширяет и изменяет его дискурсивное пространство. В сложной и противоречивой системе отношений перевода и принимающей языковой культуры отчётливо различаются две линии воздействия, направленные друг против друга. С одной стороны, следует определить и оценить, возможно, со знаком плюс или минус, характер и силу воздействия переводческой деятельности на состояние переводящего языка. Очевидно, что перевод видоизменяет дискурсивное пространство, наполняя его текстами, построенными с использованием новых форм. Переводчики формируют либо, напротив, деформируют дискурсивные нормы переводящего языка. С другой стороны, для науки о переводе чрезвычайно важно понять, как влияет словесность переводящего языка на переводческую практику, на сознание переводчика, обуславливая его выбор тех или иных речевых форм.

Это приводит нас к вопросу об онтологии переводных текстов. Какое место занимают переводные тексты, с неизбежностью соче-

тающие в себе «чужое» и «своё» в дискурсивном пространстве принимающей культуры? Существует ли действительно некий «переводной дискурс», имеющий особый статус, или же, напротив, дискурсивное пространство принимающей культуры полностью поглощает переводные тексты, адаптируя их под собственные традиции и нормы.

И, наконец, вопрос о дидактической функции перевода для развития риторических навыков.

Переводческая деятельность Ломоносова осуществлялась в сложный для речевой практики период языковой неустойчивости. В конце XVII в. русский дискурс, по свидетельству современников, существовал в двух ипостасях: разговорный русский противопоставлялся письменному «славянскому». Автор первой русской грамматики для иностранцев, изданной в Оксфорде в 1696 г., Г.В. Лудольф полагал, что «никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам, не пользуясь Славянским языком, так и наоборот, — в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского языка, потому что названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по которым научаются славянскому языку» [Лудольф, 1937, с. 110] (выделено мной. — *Н.Г.*). Таким образом, славянский язык оказывался недостаточным для отображения новой информации, привносимой в русский научный мир путём перевода книг. Эту когнитивную функцию выполняла некая особая письменная форма языка. Исследователь истории создания Ломоносовым «Российской грамматики» В.Н. Макеева отмечала, что «филологически образованные люди того времени затруднялись иной раз дать верное название», тому языку, на котором изъяснялись письменно: они именовали его то русским, то славенским, то славенороссийским» [Макеева, с. 7].

В эпоху петровских реформ, которые вместе с новыми знаниями и технологиями принесли из-за границы массу иноязычных заимствований, русское дискурсивное пространство чрезвычайно быстро пополнялось новыми текстами, создаваемыми на русском языке в процессе перевода.

Несмотря на требования Петра I переводить, как *внятной будет*, русское дискурсивное пространство наводняли переводные тексты, калькировавшие чужие дискурсивные модели: заимствование идей и предметов с необходимостью влекло за собой заимствование форм выражения. К моменту завершения периода царствования Петра I язык, как отмечает Макеева, «содержал лексические, морфологические, фразеологические и стилистические элементы простонародной и церковнокнижной речи, отжившие диалектизмы, грубые вульгаризмы, невразумительные архаизмы, унылые канце-

ляризмы и неуклюжие варваризмы. Научная терминология отличалась вопиющей скудностью» [там же, с. 6].

Пушкин в статье *О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова* так охарактеризовал состояние русского языка Петровской эпохи: «В царствование Петра I начал он приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то время покровительствуемых государями и вельможами; к счастью, явился Ломоносов» [Пушкин, т. 6, с. 11].

Языковый хаос, доставшийся в наследство от эпохи реформ поколению середины XVIII века, необходимо было заменить системой правил, определявших речевые нормы. Ломоносов, Тредиаковский и Сумароков берутся за освобождение русского языка от чуждых форм, принесенных с переводом.

Ломоносов высоко оценивал богатый выразительный потенциал русского языка, его способность выражать самые сложные и витиеватые предметы мысли, содержащиеся в переводимых произведениях. «Сильное красноречие Цицероново, великолепная Virгилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на Российском языке», — отмечал он [Ломоносов, Российская грамматика, 1755, с. 7]. Иначе говоря, он полагал, что перевод на русский язык возможен без значительных потерь при условии, что за перевод берутся люди обученные. В этом же посвящении Великому князю Павлу Петровичу, предваряющем основной текст *Российской грамматики*, он продолжал: «Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира, и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем» [там же].

Ломоносов видел свою задачу в том, чтобы научить молодое поколение писать и говорить о любых предметах мысли по-русски. Для этого создаются *Российская грамматика*, *Краткое руководство к риторике в пользу любителей сладкоречия*, и *Краткое руководство к красноречию*. В посвящении к *Краткому руководству к красноречию* в редакции 1759 г. Ломоносов отмечает дидактическую направленность этого серьёзного научного труда: «Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся. Сим обнадежен, предпринял я сочинение сего руководства, но больше в таком намерении, чтобы дру-

гие, увидев возможность, по сей малой стезе в украшении российского слова дерзновенно простирались» [Ломоносов, 1748].

Переводческая деятельность тесно связана как со словесностью принимающей культуры, оказывая на неё весьма заметное воздействие, так и с риторическим мастерством самих переводчиков.

В своих руководствах в качестве примеров правильной речи Ломоносов использует собственные переводы на русский язык фрагментов классических произведений. Перевод, таким образом, приобретает отчётливую дидактическую функцию.

В первом параграфе *Краткого руководства к красноречию*, Ломоносов определял красноречие как «искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово» [Ломоносов, с. 91]. Слово или речь оказываются у Ломоносова той материей, которая в своей совокупности позднее стала называться словесностью. Но материя эта не хаотична, и Ломоносов определяет, что необходимо для овладения красноречием, т.е. «знанием, касающемся до словесных наук».

«К приобретению оного, — писал он, — требуются пять следующих средств: первое — природные дарования, второе — наука, третье — подражание авторов, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук» [там же, с. 92].

Оставив в стороне природные дарования и технические способы овладения искусством слова, такие, как подражание авторам и упражнение в сочинении, обратимся к тому, что понимал Ломоносов под *наукой* как одним из «средств» овладения искусством речи.

«Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию. Они должны быть, первое, кратки, чтобы не отяготить памяти многим изусть учением, а особливо тем, чему легче можно с примеров научиться, нежели по правилам; второе, порядочны, для того чтобы они были вразумительны и тем к научению способственны; третье, удовлетворены примерами, которые бы показывали самую оных силу для яснейшего их понятия и для способнейшего своих примеров против оных сочинений. Мы будем стараться, чтобы в настоящем нашем предприятии поступить по сим требованиям» [там же, с. 93].

Красноречие — одна из главных характеристик, свидетельствующих о профессионализме переводчика. Нередко из уст переводчиков, не особенно искушённых в искусстве «переложения», можно услышать признания: «Всё понял до последней детали, а как передать это на переводящем языке не знаю!»

Эти признания весьма распространены среди начинающих переводчиков и людей, обучающихся переводу. Преодоление герменевтических трудностей постижения смыслов исходных сообщений

еще не означает, что эти смыслы могут быть переданы средствами переводящего языка. Это происходит в современном мире, когда большинство мультифункциональных языков в полной мере обладает всеми необходимыми средствами для выражения любых предметов мысли, когда понятие «чужого» размывается, уступая место понятию универсального либо общепринятого.

Переводческая и дидактическая деятельность Ломоносова осуществлялась в период «языковой неустойчивости». Именно в такие периоды вопрос о влиянии перевода на состояние переводящего языка, о месте переводных текстов в дискурсивном пространстве принимающей культуры ставился особо остро.

2. Перевод и переводящий язык. Фрагменты истории

На протяжении нескольких веков гуманисты разных народов старались понять истинную роль переводческой деятельности в развитии или, напротив, в замедлении развития, если не в деградации, словесности переводящего языка. В основе определения этой роли лежала философия освоения «чужого» или его отторжения.

Характер воздействия переводческой деятельности на состояние переводящего языка обсуждался в течение предшествующих двух тысяч лет неоднократно.

В конце XVIII века Иоганн Готфрид Гердер, ратуя за самобытность немецкой словесности, обвиняет перевод в «порче» национального языка. Он сравнивает национальный язык до того, как на него начинают переводить, с юной девственницей. Речь на таком языке чиста и непорочна, она же есть точное отражение характера своего народа. Даже будучи бедной, капризной и непоследовательной, она отражает исконно национальную культуру. Девственница не задумывается над тем, какой плод может появиться на свет в результате смешения кровей [Вегман, 1984, р. 67].

Наиболее жаркие споры велись обычно в те периоды, когда тот или иной национальный язык оказывался «на переломе», когда общество наиболее отчетливо ощущало необходимость осознания выразительных возможностей своего языка. И если в XVIII в. германские поэты могли обвинять перевод в порче немецкой словесности и мечтать о былой её непорочности, пользуясь при этом вполне развитым и богатым немецким языком, то двумя веками ранее, когда немецкий язык только начинал оформляться как единый национальный язык, ситуация была иной. Общеизвестным является тот факт, что книга книг немецкой словесности, заложившая основы современного немецкого языка, — это перевод Библии, осуществлённый немецкими гуманистами XVI в. под руководством Мартина Лютера.

В Англии такой книгой считается перевод Библии, известный под названием *Авторизованной версии* или *Библии Короля Якова*, выполненный в начале XVII в. Текст *Библии Короля Якова* признан одним из мировых шедевров библейского перевода, главной книгой англичан, благодаря которой они получили свой язык.

Во Франции переломным периодом для французского языка и французской словесности оказался XVI век, когда после Ордонанса короля Франциска I французский язык стал последовательно вытеснять латынь из сферы государственного управления, права, а также науки и литературы.

В трактате «Защита и прославление французского языка», вышедшем в свет в 1549 г. поэт Жоашен Дю Белле не ратовал за национальную непорочность французского языка, напротив, он полагал, что «искусство переводчиков точных в данном случае очень полезно и необходимо, и не следует медлить, если встречаются иногда слова, для которых не находится подходящего слова во французском языке; ведь римляне считали не всегда необходимым переводить все греческие слова, такие, как *риторика*, *музыка*, *арифметика*, *геометрия*, *философия*, и чуть ли не все названия наук, фигур, трав, болезней, небесной сферы и ее частей и главным образом большинство терминов, употребляемых в естественных и математических науках. Эти слова будут в нашем языке, как иностранец в каком-нибудь городе; но перифразы, однако, будут слушать им переводчиками» [Дю Белле, с. 247].

Но пафос его трактата в первую очередь связан не с возможностями перевода, а с той ролью, которую его предшественники и современники отводили переводу в развитии национальных языков. Нужно иметь в виду, что целью трактата Дю Белле были защита и прославление французского языка, поэтому и вопросы перевода рассматриваются им сквозь призму проблемы развития французского языка.

Основной тезис Дю Белле состоит в том, что «переводы недостаточны, чтобы довести до совершенства французский язык». Именно так и называется одна из глав трактата.

Аргументацию против переоценки значения переводов для развития переводящего языка Дю Белле строит на основе анализа структуры ораторского искусства. Подобный подход вызывает определённый интерес уже потому, что сближает трактат Дю Белле с риторикой Ломоносова не только своей очевидной дидактической направленностью, но и обращением к классическим идеям «ученых авторов-риторов». Дю Белле выделяет в ораторском искусстве пять составных частей: изобретательность, способ выражения, композиция, память и произношение [там же, с. 242].

Две последние составляющие, по мнению Дю Белле, даются человеку от природы и никоим образом не связаны с преимуществом того или иного языка; память и произношение могут, разумеется, отшлифовываться упражнениями. Очевидно, что для этих составляющих ораторского искусства перевод не нужен. Композиция же, утверждает Дю Белле, «зависит больше от благоразумия и здравого суждения оратора» [там же], то есть от умения построить речь в соответствии с законами логики. Таким образом, остаются две составляющие — изобретательность и способ выражения.

Что касается изобретательности, под которой Дю Белле понимает умение много и красиво говорить на любую тему, то она формируется лишь в результате глубокого и разностороннего образования, благодаря обширным познаниям во всех науках.

Остается последняя и, по словам Дю Белле, самая трудная часть, «без которой все остальное оказывается как бы ненужным и походит на меч, еще не вынутый из ножен» [там же] — умение выбирать формы выражения. Лучший способ хорошо говорить, — продолжает Дю Белле, — «основывается на словах простых, распространенных, не чуждых общим употребительным нормам, на метафорах, аллегориях, сравнениях, уподоблениях, выразительности и многих других фигурах и украшениях, без которых все речи и стихи становятся голыми, всего лишенными и слабыми. И я никогда не поверю, что можно все это хорошо усвоить при помощи переводов, потому что невозможно передать все это с той же грацией, с какой сделал это сам автор; тем более, что каждый язык имеет нечто, свойственное только ему, и, если вы попытаете передать это на другом языке, соблюдая законы перевода, которые заключаются в том, чтобы не выходить за рамки, установленные автором, ваш перевод будет принужденным, холодным и лишенным грации» [там же].

Своеобразие языков вступает в противоречие с главным требованием к переводу — требованием не выходить за рамки, установленные автором. Именно это трудноразрешимое противоречие и лежит в основе скептического отношения Дю Белле к переводу как средству обогащения и развития переводящего языка. «Сколько бы старания и умения вы ни прилагали при переводах, — восклицает он, — этого совсем не достаточно, чтобы наш язык, еще ползающий по земле, смог бы поднять голову и встать на ноги» [там же, с. 244].

Пушкин занимал весьма взвешенную позицию в отношении влияния перевода на ход развития русской словесности.

С одной стороны, он видел негативное воздействие иностранной, в частности французской, словесности, пришедшей в Россию через переводы и подражания, и полагал, что она тормозила ход

русской словесности. Но негативное воздействие касалось, прежде всего, сферы поэзии.

С другой стороны, Пушкин весьма положительно расценивал воздействие переводов слов и выражений и прямых заимствований из французского языка для развития русской словесности в её непоэтических формах. В 1825 г. он писал: «Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены **создавать** обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что ленность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны» [А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 7. С. 31]. Слово «создавать» выделено в тексте самим Пушкиным. И, как известно, это «создание» оборотов речи родного языка осуществлялось Пушкиным в немалой степени по моделям французского языка, то есть путем перевода, калькирования, французских оборотов речи.

Забываясь о совершенствовании русского языка прозы, Пушкин довольно высоко оценивал роль французского влияния на русскую словесность. В письме П.А. Вяземскому году он писал: «Ты хорошо сделал, что заступился за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного точного языка прозы, т.е. мыслей)» [Пушкин, т. 10, с. 153].

По мнению Б.В. Томашевского, в переводах Пушкина с французского «цели перевода... ведут не столько к передаче подлинника, сколько к обогащению языка, на который делается перевод» [Томашевский, 1937, т. 31—32, с. 11].

Краткий экскурс в историю отношений перевода и принимающей культуры показывает неоднозначный характер этого взаимодействия. Диалектическая сущность этих отношений состоит, видимо, в том, что перевод — это всегда столкновение «своего» и «чужого». Для ассимиляции «чужого» в новом культурном пространстве требуется определенное время. Поэтому перевод — это ещё и столкновение двух состояний переводящего языка: статического и динамического. Статика характеризует состояние переводящего языка в момент перевода, то есть до того, как в принимающую культуру было привнесено переводом «чужое». Динамика же характеризует неопределённое по продолжительности состояние освоения чужого, его ассимиляции или, напротив, отторжения. Чем выше социальная значимость «чужого» в принимающей культуре, тем быстрее оно ассимилируется в ней, тем быстрее и легче закрепляются в переводящем языке новые формы, привнесённые переводом, благодаря частотности их употребления в речи.

Дискуссии о влиянии переводческой деятельности на состояние переводящего языка не прекращаются и в настоящее время.

Как и несколько столетий назад, повсеместно слышатся выступления в защиту национальных языков, утрачивающих свою самобытность и непорочность под натиском английского языка, стремящегося к мировому языковому господству, и заявившему уже о себе как о «глобальном языке». Переводчиков обвиняют в ленности и небрежности: именно по их вине засоряется язык иноязычными элементами. В самом деле, скорость распространения информации не позволяет глубоко задуматься над подходящими вариантами. Поэтому современный дискурс избилует именами, не всегда понятными даже «продвинутому» пользователю современного русского языка.

Однако заимствованиями, более или менее многочисленными в различные периоды жизни того или иного языка, какими бы интересными ни были семантические и культурологические переходы, проблема влияния переводческой деятельности на словесность не ограничивается.

Несомненный интерес для теории перевода и для теории дискурса представляет вопрос о характере функционирования переводных текстов в дискурсивном пространстве принимающей культуры, об онтологии переводных текстов, о структуре так называемого «переводного дискурса».

3. Переводческая интерференция и «переводной дискурс»

Разнообразные дискурсивные стратегии и модели, лежащие в основе вариативности текстов на переводящем языке, предопределяют выбор переводчиком средств выражения. Однако переводные тексты в большей или меньшей степени несут отпечаток «чужого» текста, если переводчик старается следовать за оригинальным текстом и не превращает перевод в переделку или переложение.

Этот налёт «чужого» тем отчётливей, чем самобытней автор оригинального речевого произведения. Переводчик находится в плену *переводческой интерференции* — явления близкого *интерференции лингвистической*, но отличающейся от неё главным образом речевым, текстовым, а не системным языковым характером. Лингвистическая интерференция вызвана тем, что одна языковая система доминирует в языковом сознании билингва над другой. Поэтому при использовании подчинённой языковой системы в его речи наблюдаются некоторые искажения, привнесённые из доминирующей языковой системы. При переводческой интерференции в тексте перевода возникают некие формы, заимствованные из текста оригинала и нарушающие дискурсивные (но не языковые) нормы пе-

реводящего языка, даже если переводящий язык со всеми языковыми и узуальными нормами и традициями доминирует в его сознании.

Для иллюстрации явления «переводческой интерференции», т.е. влияния дискурсивных норм исходного текста на текст перевода, можно привести простой и очевидный пример, обобщающий эмпирические данные, полученные в результате анализа переводов в комбинации русского и английского, а также русского и французского языков. Анализ текстов художественных произведений, созданных на английском языке, показывает, что для сопровождения реплик персонажей в диалогах английская дискурсивная норма отдаёт явное предпочтение глаголу **to say**. Этот глагол может повторяться на протяжении всего диалога, а то и нескольких диалогов, отделённых друг от друга короткими фрагментами авторской речи. Аналогичная дискурсивная норма очевидна и во французском художественном тексте, где в подобной функции выступает глагол **dire**. Известно, что русский художественно-литературный дискурс предполагает значительную вариативность в употреблении глаголов речи, сопровождающих и комментирующих реплики персонажей в диалогах художественных произведений. Так, например, в новелле Сартра *Стена* финальная сцена включает два небольших по протяжённости диалога, в которых реплики персонажей, сопровождаются глаголами речи. В семи репликах из восьми в качестве авторского сопровождения используется глагол **dire**.

Французский исследователь и переводчик П. Баккаретти, анализирувший это явление в сопоставительном плане, отмечал, что французский глагол **dire** служит только для того, чтобы указать не смену говорящего в диалогическом речевом акте, и не несёт никакой дополнительной семантической нагрузки, свидетельствующей о психологическом состоянии говорящего [Vaccaretti]. Русское *сказал*, по мнению Баккаретти, более длинно, и его частое повторение может придать тексту определённую монотонность. Исследователь считает также, что русский язык более склонен «драматизировать» ситуацию и глаголы речи часто принимают функцию постановочных индикаторов, указывая на интонацию, чувства, переживаемые говорящими в момент речи, их жесты и движения, сопровождающие речь. Поэтому в переводе целесообразно находить для передачи глагола **dire** разные русские глаголы. Французский исследователь приводит длинный список русских глаголов, используемых в русском художественном дискурсе, и группирует их по дополнительным к основной семе речи элементам значения: по способу артикуляции (*пролетел*, *пробормотал* и пр.), по интенсивности звучания (*прокричал*, *заревел* и пр.), по месту реплики в структуре

диалога (*спросил*, *ответил* и пр.), по отношению говорящего к реплике собеседника (*согласился*, *возразил* и пр.), по характеру эмоций, сопровождающих речь (*обрадовался*, *усмехнулся* пр.) [Vaccaretti, 1986, p. 64—66]. Более того, по мнению Баккаретти, любой русский глагол, обозначающий душевный порыв, способен комментировать речевой акт. Для подтверждения этого положения исследователь приводит пример из произведения В. Аксёнова (название произведения не указано. — *Н.Г.*) и вариант перевода на французский язык [ibid, p. 66]:

«Мы замолчали и некоторое время сидели [...] в полной тишине.

— Знаешь, — вдруг *встрепенулся* он, — на Луну пилот Гагарин полетел (выделено мной. — *Н.Г.*).

Nous nous tûmes et restâmes assis un moment, parfaitement silencieux.

— Tu sais, me *dit-il soudain, comme s'il sortait d'un rêve*, vers la Lune y a Gagarine qui vole (выделено мной. — *Н.Г.*).

Во французском переводе русская простая глагольная конструкция *встрепенулся он* передаётся целым развёрнутым описанием душевного состояния говорящего субъекта: *вдруг сказал он, будто отпрянув ото сна*. Использование простого глагола во французском дискурсе оказывается невозможным.

Наблюдения Баккаретти интересны ещё и тем, что он отыскивает во французском языке формы, способные передать значения почти всех русских глаголов, используемых для обозначения речевого поведения. Но французская дискурсивная традиция отдаёт предпочтение глаголу **dire**, который не несёт никакого иного значения помимо акта локуции. Баккаретти ссылается при этом на мнение авторитетного издания нормативной грамматики французского языка *Le bon usage* М. Гревиса, в котором фразы типа “Je suis d'accord, — sourit-il” (*Согласен, — улыбнулся он*) считаются нежелательными [ibid].

Но рекомендации компаративистов и стилистов по употреблению глаголов речи в переводах далеко не всегда реализуются в полной мере [см.: Гарбовский, 2000].

Можно привести и другие примеры дискурсивной асимметрии, в частности многократное использование в текстах на английском и французском языках личных местоимений в текстовой структуре параллельного типа, где ряд высказываний имеют в качестве субъекта один и тот же актанта.

Так, в одном из фрагментов упоминавшейся уже новеллы *Стена* в трёх следующих друг за другом предложениях повторяется личное местоимение **il**:

«Un rat partit sous nos pieds et ça m’amusa. Je me tournai vers un des phalangistes et je lui dis:

“Vous avez vu le rat?”

Il ne répondit pas. Il était sombre, il se prenait au sérieux».

Под ногами пробежала крыса, и мне стало весело. Я обернулся к одному из фалангистов и спросил:

— Крысу видели?

Тот не ответил. Он был хмур и сидел с самым серьёзным видом.

Нормативная структура французского высказывания должна претерпеть изменение в переводе. Сохранение аналогичной текстовой структуры в русском переводе придало бы тексту значительно большую психологическую напряженность по сравнению с текстом оригинала: ‘Он не ответил. Он был хмур. Он сидел с серьёзным видом’.

Но в реальной переводческой практике такие кальки встречаются нередко. И дело здесь не в недобросовестности или недостаточной компетентности переводчиков, точнее, не всегда только в этом. Переводчик постоянно находится под воздействием оригинального текста, его дискурсивных норм. Конкретные речевые формы оригинального текста постоянно сопоставляются в его сознании с абстрактной системой переводящего языка и его дискурсивных норм. Именно конкретность и материальность, осязаемость, форме оригинального текста по сравнению с абстрактностью системы переводящего языка в сознании переводчика вызывают переводческую интерференцию и обуславливают возникновение в переводящем языке особого типа текстов, отличного от текстов, изначально создаваемых на переводящем языке, а именно, «переводного дискурса».

То, что переводные тексты отличаются от текстов, изначально созданных на переводящем языке, и имеют некий особый статус, было подмечено относительно давно.

В этой связи весьма интересно обратиться к концепции израильского исследователя Гедона Тури, о так называемом «промежуточном языке» [Тоугу], располагающемся между языком оригинала и переводящим языком.

Главный вопрос, который ставил перед собой исследователь, состоял в том, чтобы определить характер функционирования текста перевода в дискурсивном пространстве переводящего языка.

Автор не без оснований утверждал, что текст перевода функционирует в принимающей культуре не только как текст на переводящем языке, но именно как переводной текст. Переводные тексты обладают особыми признаками, отличающими их от текстов, изначально созданных на переводящем языке.

Г. Тури высказывает на первый взгляд парадоксальное мнение о том, что переводной текст может считаться таковым даже если у него и нет оригинала. На самом деле, такой текст вполне возможен: учёный пишет статью и выступает на иностранном для него языке. Он не переводит с родного языка на иностранный готовый текст. Он сразу строит его на иностранном языке. В большинстве случаев его текст будет отличаться от дискурсивных моделей, принятых той словесностью, в которую он вводит свой текст.

Художественный перевод также может порождать «промежуточные тексты», Это особенно очевидно в тех случаях, когда переведённый текст не подвергается редактированию стилистом (редактором), анализирующим и выправляющим текст перевода в соответствии с дискурсивными нормами принимающей словесности без его соотнесения с оригиналом.

Таким образом, реальная переводческая практика порождает «переводной дискурс», который, занимая особое место в дискурсивном пространстве принимающей культуры, при длительных контактах с исконными речевыми произведениями не может не оказывать существенное воздействие на всё это пространство. Одна из задач современных исследований перевода состоит именно в том, чтобы определить параметры переводных текстов, обуславливающие их особое положение в словесности принимающих культур.

4. Влияние словесности принимающей культуры на переводческую деятельность

Особый статус переводного дискурса, разумеется, не делает его чем-то абсолютно чуждым дискурсивным нормам принимающей культуры. Переводные тексты, несмотря на некоторую обособленность, всё же являются текстами, создаваемыми с учётом дискурсивных норм принимающей культуры. В самом деле текст перевода не может быть вовсе неприемлемым, «чужим» для принимающей культуры. В нём должно сохраняться ровно столько «чужести», сколько позволит носителями принимающей культуры его воспринимать. Превышение уровня «чужести», проявляющееся в пренебрежении вольном или невольном дискурсивными нормами принимающей культуры, сделает текст информативно перенасыщенным, что затруднит его восприятие.

Начиная с откровений Цицерона, переводческие трактаты, появившиеся в течение двух тысячелетий, определявшие либо оправдывавшие переводческую стратегию, уделяли первостепенное значение соответствию текста перевода дискурсивным нормам переводящего языка, т.е. его приемлемости для принимающей культуры.

Цицерон, перелагая речи греческих ораторов, старался использовать слова, *привычные латинскому обычаю*, т.е. основывался на современных ему дискурсивных нормах латинской словесности. Св. Иероним задумывается над тем, нужно ли с надоедливым рвением переводить слоги и даже буквы, чего ни греческий, ни латинский языки не допускают. Французские гуманисты XVI в. Доле и Дю Белле утверждали, что наилучший способ перевода состоит в том, чтобы основываться на словах простых, распространённых, не чуждых общим употребительным нормам. Наша современница, талантливая переводчица Нора Галь, повторяла те же переводческие правила: «За исключением редких случаев, когда того особо требует характер повествования или героя, русское слово всегда лучше и уместнее иностранного. Это справедливо и для газеты, для публицистики, но стократ — для художественной прозы» [Галь, с. 54]. В этих высказываниях разделённых друг от друга многими столетиями, угадывается одна и та же мысль: не следует путать язык и дискурс. Язык содержит огромное множество вариантов способов выражения, а дискурс диктует переводчику их выбор.

Дискурс как совокупность текстов, построенных в соответствии с определёнными для различных коммуникативных ситуаций нормами выбора и использования форм выражения, построения текстов определяет адекватность переводного текста, т.е. соответствие текстов перевода ожиданиям получателей. Но в своём стремлении к достижению адекватности переводчик ограничен рамками оригинального текста и подвержен переводческой интерференции. Всякий перевод представляет собой известный компромисс между стремлением к адекватности, предполагающей следование дискурсивным нормам переводящего языка при выборе форм выражения, и жесткими структурами уже созданного кем-то текста.

Этот компромисс между «своим», приемлемым, обусловленным дискурсивными нормами принимающей культуры, и «чужим», предопределённым текстовыми формами оригинала, создаёт представления о цели перевода, определяющей переводческую стратегию.

Но цель перевода может оказаться неким недостижимым идеалом, если будет опираться исключительно на переводческую интуицию. Напротив, системный и множественный сопоставительный дискурсивный анализ корпусов текстов, позволит построить с достаточной точностью переводческие, двуязычные, модели дискурсов, на основе схем построения речи в определённых коммуникативных ситуациях, интуитивно и сознательно используемых носителями языков, сталкивающимися в акте перевода [см.: Гарбовский, 1988, 2009].

Список литературы

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М., 1975.
- Галь Н.* Слово живое и мёртвое // Из опыта переводчика и редактора. М., 1987. С. 54.
- Гарбовский Н.К.* Авторский план как переводческая проблема // Тезисы выступления на конференции «Текст 2000». Ижевск, 2000.
- Гарбовский Н.К.* Сопоставительная стилистика профессиональной речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988; Изд-во URSS, 2009.
- Дю Белле Ж.* Защита и прославление французского языка. Гл. 5 // Эстетика Ренессанса. Т. 2. М., 1981.
- Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию. Цит. по: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-0892.htm>
- Ломоносов М.В.* Российская грамматика. Цит. по: http://imwerden.de/pdf/lomonosov_rossijskaya_grammatika_1755.pdf
- Лудольф Г.* Русская грамматика / Переиздание, перевод, вступит, статья и примеч. Б.А. Ларина. Л., 1937. Цит. по: http://ksana-k.narod.ru/menu/slave/ludolf_1696.html
- Макеева В.Н.* История создания «Российской грамматики» М.В. Ломоносова. Л., 1961.
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1954.
- Томашевский Б.В.* Пушкин и французская литература // Литературное наследство. Т. 31—32. М., 1937.
- Baccaretti P.* Manuel de thème russe. Paris, 1986.
- Berman A.* L'épreuve de l'étranger. Paris, 1984.
- Toury G.* In Search of a Theory of Translation. Tel-Aviv, 1980.

А.С. Микоян,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ, руководитель Отделения теории и практики перевода филологического факультета МГУ; e-mail: aschen@wdcб.ru

РОЛЬ ПЕРЕВОДА ВО ВЗАИМОПОЗНАНИИ И ВЗАИМООБОГАЩЕНИИ КУЛЬТУР

Статья, написанная по материалам доклада на конференции «Проблемы филологии: диалог культур» (МГППУ, 2011 г.), посвящена рассмотрению той роли во взаимном общении мировых (прежде всего европейских) культур, которую на протяжении истории человечества играл перевод и без которой достижение разноразличными культурами взаимопонимания было бы невозможным.

Ключевые слова: алфавит, античность, Библия, внутриязыковой перевод, взаимодействие/взаимообогащение/взаимопонимание/взаимопроникновение/диалог культур, интерпретация, культура, литература, межкультурная коммуникация, междзыковой перевод, перевод культур, письменный перевод, переводчик/и, посредник/и, посредничество, поэзия, Средние века, язык.

Aschen S. Mikoyan,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of English Linguistics, Head of Translation Theory & Practice Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: aschen@wdcб.ru

The Role of Translation in Mutual Understanding and Mutual Enrichment of Cultures

The article, based on a paper given at a conference on cross-cultural communication (“Philological Issues and a Dialogue of Cultures”, Moscow State Teacher-training and Psychological University, 2011), addresses the role which translation has played in the communication of world (primarily European) cultures throughout the history of mankind and which has been essential to the mutual understanding of cultures representing different languages.

Key words: alphabet, Antiquity, Bible, culture/s, cross-cultural communication, dialogue/interaction/mutual enrichment/mutual understanding of cultures, intralingual translation, interlingual translation, interpretation, interpreter/s, language, literature, mediation, mediator/s, Middle Ages, poetry, translating cultures, translator/s.

Любой вид словесного взаимодействия культур, представляющих разные языковые общности, осуществляется посредством или при участии перевода. Можно предположить, что именно перевод является одним из древнейших видов межкультурной деятельности и одновременно одним из необходимых условий для осуществления межкультурной коммуникации.

Учитывая, что из четырёх миллионов лет существования человечества лишь около шести последних тысячелетий приходятся на зарождение и развитие письменной формы языков (при этом этот приблизительный рубеж относится только к самым «передовым»

на то время цивилизациям), то очевидно, что древнейшим видом межкультурного языкового посредничества являлся *устный* перевод. Как и кем он осуществлялся, какова была его адекватность, судить сейчас невозможно, однако понятно, что без перевода, пусть даже самого примитивного и приблизительного, более или менее полноценное и плодотворное общение между представителями разных языковых общностей, не знающими язык друг друга, было бы невозможно.

Как только возникли первые системы письменности, тут же должен был появиться и *письменный* перевод, а с ним и первые попытки фиксации междзыковых сопоставлений. *Самый ранний* из известных нам примеров этих попыток — это шумерско-эблаитские таблички (середина III тыс. до н.э.) с текстами и параллельными списками слов на двух языках, а *самый известный* из известных — это знаменитый Розеттский камень (196 г. до н.э.), сделавший возможным прочтение древнеегипетских иероглифов благодаря параллельному тексту на греческом языке. Оба примера свидетельствуют не только о соприкосновении и взаимодействии соответствующих культур, но и о посредничестве перевода, при помощи которого это взаимодействие осуществлялось.

Однако роль перевода в процессе коммуникации можно понимать и шире, чем посредничество между различными языками и культурами. Знаменитый литературный критик, лингвист, писатель и переводчик Джордж Стайнер, давший своей фундаментальной книге о переводе характерное название «После Вавилонского столпотворения» [Steiner, 1975], пишет в ней, что *любое* человеческое общение — как в случае разных языков, так и внутри одного языка, — подразумевает *перевод*, лежащий в основе понимания любого высказывания, в том числе и на родном языке. Даже если счесть это некоторым преувеличением — по крайней мере в отношении родного языка — трудно не признать той очевидной истины, что полное и адекватное понимание высказываний на незнакомом языке без перевода невозможно или крайне затруднительно. Но всё же и при общении в пределах одной культуры и одного языка нередко возникают ситуации, в которых говорящие (вслух) и/или слушающие (про себя — «в уме») прибегают к интерпретации, используя синонимичные выражения и/или парафразы. Об этом пишет в своей давно ставшей классической статье «О лингвистических основах перевода» Роман Якобсон, называя эти процессы *внутриязыковым переводом* [Якобсон, 1978, с. 17]. Внутриязыковой перевод обычно происходит без посредника, т.е. без участия собственно переводчика/интерпретатора. В то же время легко можно представить себе ситуации, в которых участие такого посредника оправданно или даже необходимо (например, адвокат, разъясняющий клиенту изложенное не понятным для последнего юриди-

ческим языком положение закона). В обыденных ситуациях, в повседневном общении на родном языке мы обычно не сосредотачиваемся на необходимости интерпретации, но при этом, осознанно или нет, прибегаем к последней весьма часто — переспрашивая, проясняя для себя/других нечто непонятое или имплицитно выраженное, «декодируя» и заново «кодируя» другими языковыми единицами (вслух или про себя) смысл сказанного или написанного. То есть, можно сказать, что внутриязыковой перевод является *естественной, изначально заданной составляющей* общения в рамках родного языка.

Что же касается *межъязыкового* перевода, то в нём посредничество «третьей стороны», т.е. переводчика, как правило, необходимо (разумеется, если речь идёт о ситуациях общения, участники которого не владеют языками друг друга), и именно от него зависит то, насколько полноценным и успешным это общение окажется. Под «общением» здесь понимается не только устный диалог (или вообще восприятие *звучащей речи* на иностранном языке), но и «общение» с любым *письменным текстом*, родившимся в рамках другой культуры и написанным на другом языке.

В последние десятилетия слово «культура» все чаще и чаще звучит рядом со словом «перевод», и тезис о том, что переводчик переводит не только с одного языка на другой, но и «с одной культуры на другую», уже давно не нуждается в доказательстве. В англоязычной литературе о переводе это обозначается как “*translating cultures*” («перевод культур»), а также вслед за Сьюзен Басснетт и Андре Лефеве́ром как “*cultural turn*” (букв. «культурный поворот», что можно понять как поворот, обращение теории перевода к межкультурным вопросам) — словосочетания, которые все чаще появляются и в текстах, и в названиях публикаций на тему перевода, написанных на английском языке¹.

Осознание роли «перевода культуры» в процессе перевода и самого перевода в межкультурной коммуникации сопровождается признанием необходимости междисциплинарного подхода к изучению перевода с привлечением различных областей знания (помимо такого традиционного «спутника» переводоведения, как лингвистика) — как, например, этнография, антропология, история и теория литературы, социолингвистика, психолингвистика и, разумеется, культурология.

Все эти тенденции отражают происходящие в современном мире процессы взаимопроникновения культур, являющиеся од-

ним из самых заметных следствий глобализации, миграции и различных иных факторов. Это взаимопроникновение, как это ни парадоксально, проявляется в двух противоположных формах — в ассимиляции (когда, например, культура иммигрантов в той или иной степени ассимилируется с принимающей культурой) и, напротив, в обособлении (когда иммигрантские сообщества не только «не подчиняются» принимающей культуре, но и осознанно/неосознанно противопоставляют себя ей). Последняя тенденция, как всем известно, нередко ведёт к конфликтам на национально-этнической почве, и их число, интенсивность и серьёзность их последствий, к сожалению, возрастают.

На этом фоне развитие любого «позитивного» диалога культур ради достижения или углубления их взаимопознания, взаимопонимания и взаимодоверия — это единственный путь, ведущий от конфликта к их, культур, мирному сосуществованию и взаимодействию. Этот путь невозможен без посредничества перевода — во всех его формах и проявлениях. Поэтому в сегодняшнем мире со всем его этническим, национальным, религиозным и т.п. многообразием, роль перевода и переводчика, пожалуй, стала ещё важнее, чем она была в те времена, когда границы между национально-культурными сообществами были более закрытыми, более непроницаемыми и более чёткими, чем теперь.

Но это ни в коем случае не означает, что роль перевода как посредника в диалоге культур когда-либо была мала или незначительна. И перевод устный, и перевод письменный — как художественных, так и иных текстов, — во все исторические времена выполнял посредническую миссию, способствуя взаимодействию и взаимообогащению культур, народов и индивидуумов. Естественно, что со временем (а также от страны к стране) представления о том, каким должен быть перевод, и то, как и по каким канонам он выполнялся, и отношение к переводчикам, а следовательно, и их статус в современном им обществе. И если относительный статус устного переводчика традиционно зависел прежде всего от ранга и положения его «патрона» или нанимателя, то статус письменного переводчика определялся не только рангом заказчика перевода, но и значимостью переводимого им текста.

Если говорить о письменном переводе в рамках европейской цивилизации, то в дохристианскую эпоху среди «статусных» текстов, чтимых в Древней Греции и Древнем Риме, были трактаты философов, риториков и историков, сочинения драматургов и, конечно, эпическая поэзия Гомера. Поэтому не случайно, что первый переводчик, чьё имя дошло до нас с III в. до н.э., Луций Ливий Андроник, был переводчиком «Одиссеи» Гомера (помимо ряда греческих трагедий и комедий). Его имя осталось в истории, не-

¹ Например: *Harish Trivedi. Translating Culture vs. Cultural Translation; Translating Cultures: Perspectives on Translation and Anthropology / Ed. by Paula G. Rubel and Abraham Rosman; Bassnett S., Lefevre A. The Cultural Turn in Translation Studies // Translation, History and Culture / Ed. by S. Bassnett, A. Lefevre at al.*

смотря на то, что она сохранила для нас не более 100 строк из всего, что было им создано. Но мы знаем, что его вклад в диалог двух культур — древнегреческой и древнеримской — был значителен и неоспорим, и что он не сводился лишь собственно к переводу, как бы значителен ни был сам факт перевода им «Одиссеи». Как и многие переводчики в более поздние исторические времена, он был ещё и поэтом (или, как многие поэты, он был ещё и переводчиком) и драматургом, и его двуязычие и сочетание поэтического и переводческого талантов подвигли его на создание собственных произведений на латинском языке в тех жанрах, которые были до него неизвестны или несвойственны римской литературе. Иначе говоря, Луций Ливий Андроник был первым из известных нам в истории переводчиков, обогативших принимающую культуру не только *литературными произведениями* иноязычной культуры, но и новыми *литературными жанрами*, заимствованными им из неё. (Много веков спустя аналогичный вклад в развитие своих национальных культур и литературных традиций сделают многие другие переводчики-поэты и переводчики-драматурги — такие, например, как Джеффри Чосер и Томас Уайетт в Англии, Василий Сумароков, Денис Фонвизин, Михайло Ломоносов, Василий Жуковский в России.) Интересно, что даже та ничтожная доля наследия Ливия Андроника, которая дошла до наших дней, показывает, что он следовал принципу перевода не только языка, но и культуры (хотя вряд ли он этот принцип для себя формулировал). Примером этого служит его перевод слов «Патрокл, равный богам...» («Πάτροκλος, θεόφιν μῆστωρ...»). Зная, что в римской культуре, в отличие от греческой, уподобление смертного богам было неприемлемо, Ливий Андроник выбрал нейтральный вариант, который не мог бы оскорбить религиозные чувства римлян: «Патрокл, первый среди мужей» («summus adprimus Patroclus...»). Это можно рассматривать как один из первых в истории примеров того, что Юджин Найда впоследствии назовёт «динамической эквивалентностью» [Nida, 1964, p. 159], и как один из первых известных нам примеров проявления осознанного внимания к различиям между исходной и принимающей культурами.

С распространением христианства самым «статусным» и самым значимым текстом в христианских культурах стала Библия, в то время как древнейшая её часть, Ветхий Завет, точнее Пятикнижие (Тора) чтится в качестве важнейшего текста в иудаистской культуре ещё с более ранних времён. В отличие от имени первого переводчика «Одиссеи» имена тех, кто осуществлял самые ранние (до н.э.) переложения ветхозаветных текстов с древнееврейского на арамейский (Вавилонский таргум) и на греческий языки (Септуагинта), нам не известны. Однако известно, что осознанное от-

ношение к культурным различиям иногда проявлялось и ими. Так, Александр Мень в своей многотомной «Истории религии» отмечает, что фраза «*Элогим ло текалел*», означающая «*Бога не поноси*» (Исход 22:28), была переведена в Септуагинте как «*богов не поноси*» (курсив мой. — А.М.), и сделано это было скорее всего с целью «пропаганды» религиозной терпимости верующих по отношению к окружающим язычникам — как египтянам, так и грекам. «Иными словами, — пишет Александр Мень, — переводчики истолковали этот текст как призыв к веротерпимости» [Мень, 1992]. Этот перевод осуществлялся в тогдашней столице Египта Александрии по заказу фараона Птолемея II из греческой династии Птолемеев, т.е. в контексте взаимодействия сразу *трёх* культур — египетской, иудаистской и греческой². Помимо проявления того, что по-английски называется ёмким словосочетанием “cultural awareness” («осознание культурных особенностей/различий»), мы наблюдаем здесь стремление переводчиков влиять на принимающую аудиторию с помощью перевода.

Ещё один древний пример подобного стремления — и тоже из гуманных соображений — перевод Библии на готский язык, сделанный в IV в. н.э. Ульфиллой (Вульфиллой). Зная воинственный характер готов, которые, начиная по крайней мере с III в. н.э., осуществляли набеги на Римскую империю, Ульфила принял смелое (по нынешним меркам, пожалуй, слишком смелое!) переводческое решение и полностью опустил в своей версии Библии текст Книг Царств. В этих книгах Ветхого Завета повествуется о многочисленных войнах, и Ульфила скорее всего не хотел, чтобы его соплеменники восприняли это как «руководство к действию» [Delisle, Woodsworth, 1995, p. 9]. (Например: «*И собрались Филистимляне воевать с Израильтянами. И было слово Самуила ко всему Израилю. И выступили Израильтяне против Филистимлян на войну и расположились станом при Авен-Езере, а Филистимляне расположились при Афеке. И выстроились Филистимляне против Израильтян, и произошла битва, и были поражены Израильтяне Филистимлянами, которые побили на поле сражения около четырёх тысяч человек*»³.)

Но вклад Ульфилы в древнегерманскую культуру, как известно, не ограничивается переводом Библии на готский язык — этому

² Интересно, что в англоязычной «Библии Короля Иакова» (King James Version, 1611) множественное число («богов») сохранилось (Thou shalt not revile **the gods**, nor curse the ruler of thy people / Exodus 22: 28, KJV), а в русской Синодальной Библии вместо «богов» сказано «судей»: «*Судей не злословь и начальника в народе твоём не поноси*» (выделено мной. — А.М.). Александр Мень в примечаниях к Главе 9 (т. 6) его «Истории религии», где комментируется эта фраза, указывает, что формально слово «Элогим» может быть переведено во множественном числе (примечание 37).

³ Ветхий Завет, 1-я Книга Царств, 4:1—2.

переводу предшествовало не менее важное его деяние — создание им готского алфавита, благодаря которому у готов появилась своя письменность. Так Ульфилла стал первым из нескольких известных сегодня переводчиков, которые, кроме собственно переводов, обогатили свои культуры (а один из них, Джеймс Эванс, — чужую) письменностью.

В Средние века обретение письменности придавало языкам статус, если не равный, то по крайней мере сопоставимый с классическими языками античности и раннесредневековой Европы — греческим и латинским, — не говоря уже о современных им национальных языках, и тем самым давало возможность равноправного межкультурного общения с другими народами Европы. Помимо этого обретение письменности, естественно, способствовало развитию национальной литературы, а также распространению переводных текстов — иначе говоря, взаимодействию с иноязычными культурами.

Что же касается готской Библии, или Библии Ульфиллы, то сохранившиеся её фрагменты, как известно, на сегодняшний день являются *единственными* текстами на готском языке и тем самым единственным источником современных знаний об этом языке. Таким образом, вклад Ульфиллы в просвещение готов и в открытие для них христианской культуры Римской империи имели далеко идущие культурологические последствия, которые вряд ли он сам мог даже предвидеть.

Хронологически сразу вслед за Ульфиллой в ряду создателей алфавитов должен быть упомянут армянский переводчик, просветитель и христианский миссионер Месроп Маштоц, создавший в самом начале 400-х гг. н.э. армянский алфавит; затем на несколько веков позднее — родившиеся в Византии христианские проповедники Кирилл и Мефодий, которые во второй половине IX в. подарили письменность славянам; и, наконец, уже упомянутый Джеймс Эванс, канадский лингвист и христианский миссионер первой половины XIX в., создавший письменность для канадских индейцев племени равнинных кри. (Благодаря чему это многочисленное племя в течение нескольких последующих лет обрело почти стопроцентную грамотность.) Стоит ещё раз подчеркнуть, что все перечисленные здесь создатели алфавитов были *переводчиками*, и их главной непосредственной миссией, для осуществления которой необходимо было наличие национальной письменности, был перевод на соответствующий язык основного христианского текста — Библии.

Вслед за Библией стали переводиться и другие богослужебные книги, за которыми последовали и переводы светской литературы самых разнообразных жанров — от научных трактатов до поэзии.

Нечего и говорить, что в этом процессе «перенесения» произведений художественной литературы в иноязычные культуры — процессе, не только продолжающемся до сих пор, но и постоянно набирающемся обороты (что, правда, не всегда идёт на пользу качеству) — переводчикам и переводческой деятельности принадлежит определяющая роль (хотя отбор произведений для перевода нередко находится в руках издателей, ориентирующихся на соображения спроса и на вкусы массового читателя). Вот как пишет о роли перевода для английской национальной культуры Роберт Уиндер в статье с характерным названием «Заметки о том, что приобретается в переводе»:

Мы живём в стране, чьи обе важнейшие книги⁴ — Библия и Шекспир — немыслимы без перевода. Библия — это не что иное, как перевод, а что до Шекспира, то где бы были его римские пьесы без Плутарха, а его сонеты — без Петрарки? [Winder, 1998].

В этом процессе, если взглянуть на него в диахроническом плане через призму отношений между определёнными национальными культурами, были свои «открытия», свои кульминационные моменты, равно как и свои периоды упадка или застоя. Так, взаимное открытие западноевропейских и российской культур посредством художественного перевода началось с открытия Россией французской и английской литературы в XVIII в. (причём некоторые произведения английской литературы, как известно, изначально вошли в русскую культуру через переводы и переделки с французского, как это было с первой русскоязычной версией «Гамлета», созданной А.П. Сумароковым [Левин, 1988, с. 12—13]). С тех пор и по крайней мере до середины прошлого века, в качестве «почтовых лошадей просвещения» России относительно западноевропейской литературной культуры (особенно поэзии) выступали выдающиеся представители культуры нашей собственной — среди них Фонвизин, Ломоносов, Жуковский, Гнедич, Вяземский, Пушкин, Лермонтов, Крылов, Островский, в XX в. — Мандельштам, Гумилев, Брюсов, Чуковский, Гребнев, Пастернак, Цветаева, Ахматова, Маршак и многие другие писатели и поэты. Один этот неполный перечень звучит почти как оглавление антологии русской поэзии! Их переводческая деятельность не только обогащала русскую культуру, открывая для неё поэзию других народов, но и придавала новые грани их собственному творчеству, подсказывая им новые жанры и вдохновляя на поэтические подражания.

Открытие же русской литературной культуры Западной Европой начало происходить (за отдельными исключениями, как, например, ранние переводы произведений Карамзина) существенно позднее,

⁴ Букв. «книги необитаемого острова» — “two desert island books — the Bible and Shakespeare”. — А.М.

и первый настоящий его пик пришёлся на конец XIX — начало XX в., когда, в частности, английская читающая публика вдруг открыла для себя богатство русской литературы, до тех пор почти ей неизвестное. И здесь тоже можно назвать имена некоторых из тех, благодаря кому это открытие состоялось, — имена переводчиков, которые впервые проторили путь в англоязычную культуру Толстому, Достоевскому, Тургеневу, Александру Островскому, Чехову и другим. В первую очередь это Констанс Гарнетт (1861—1946), которая перевела около семидесяти произведений русских писателей, прежде всего Чехова и Толстого. И хотя переводы её грешили вольностями и были не всегда совершенны (хотя совершенных переводов, пожалуй, не бывает вообще), её самоотверженный труд сделал главное — он прорубил для всех англоговорящих любителей чтения (не только британцев, но и американцев) литературное «окно в Россию», которая до тех пор была для них во многом *terra incognita*. Второе имя, которое можно назвать, это имя жившего в Англии эмигранта из России Самуила Котелянского (1880—1955), переведившего, в частности, рассказы Бунина (его переводы выходили под редакцией Д.Г. Лоренса и В. Вулф). Вот что пишет о значительности открытия англоязычной культурой русской литературы индийский филолог-англист Хариш Триведи:

Первым из них («трёх важнейших переводческих событий XX века». — *А.М.*) было согласованное движение по переводу русской литературы на английский язык, начавшееся в 1890-х и продолжавшееся до 1930-х годов и явившее читателям художественное богатство, рождённое за пределами Западной Европы. Оно было настолько новым и волнующим, что почти шокировало и даже породило нечто, что было вскоре названо «русской лихорадкой». Писатели столь разные, как Виржиния Вулф и Д.Г. Лоренс, не только восторженно отзывались о вновь открытых мастерах русской литературы XIX в., но и помогали их переводить, сотрудничая с русским *émigré* С.С. Котелянским [Trivedi, 2007, p. 277]⁵.

Возвращаясь к ранним переводам Библии, нельзя не вспомнить, что позднее, чем Ульфила, и почти одновременно с Месропом Маштоцем над переводом Библии работал ещё один человек, вошедший благодаря своему переводческому труду в историю мировой культуры, — Иероним, известный в христианской традиции как св. Иероним Блаженный. Значение и масштаб того филологического подвига, который совершил Иероним, работая над переводом Библии, трудно переоценить. Потратив несколько лет на перевод сначала Нового, потом Ветхого Заветов с греческого языка (используя в качестве исходного текста Септуагинту с опорой на су-

ществующие латинские — древнеиталийские — версии), он взялся затем за *новый* перевод Ветхого Завета, на этот раз — с древнееврейского языка. Таким образом, Иероним стал первым переводчиком Ветхого Завета на латынь с того языка, на котором он был изначально написан. Это может показаться парадоксальным, но в то время его подвиг оценён был далеко не всеми. Как видно из письма Иерониму от Аврелия Августина (Блаженного Августина), прихожане одного из епископов в Нумидии (римской провинции в Северной Африке, где жил тогда Августин) восприняли прочитанный во время службы фрагмент книги пророка Ионы в латинском (сделанном с иврита) переводе Иеронима как *недопустимое искажение* текста, известного им по Септуагинте, и/или старой латинской Библии. «Великое волнение поднялось среди людей, — пишет Августин, — особенно когда запротестовали ещё и греки, которые начали кричать, в бранной манере, о фальсификации. <...> И что же? Чтобы избежать великой опасности, епископ был вынужден поправиться, сделав вид, будто бы ошибся [*читая текст*], ибо не хотел лишиться своих прихожан»⁶ [Lefevere, 1992, p. 16]. Описанный Августином случай — иллюстрация того, как перевод может влиять на восприятие текста и как велика поэтому роль переводчика, переносящего текст из одной культуры в другую, в том, какое место займёт в принимающей культуре этот текст, в том, будет ли он этой культурой принят или отторгнут. Что касается перевода Иеронима, то в конечном итоге его труд, как известно, получил достойное признание, и его знаменитая Вульгата, постепенно вытеснив собой старые латинские версии (*Vetus Latina*), на много веков стала канонической Библией всего католического мира, а кроме того (что особенно важно в свете темы настоящей статьи) — исходным текстом первых переводов Библии на национальные языки Западной и Центральной Европы. Последнее (перевод Библии на национальные языки не только с её латинской, но и с греческой и древнееврейской версий) в свою очередь оказало огромное влияние на развитие европейских языков и на формирование национальных литератур. А сама Библия на долгое время стала неисчерпаемым и самым популярным источником аллюзий, цитат и образов не только для европейской литературы, но и для живописи, музыки и других видов европейского искусства, являя собой некую общую данность, некий общий фон, на котором сосуществовали и взаимодействовали все национальные их проявления. Таким образом, переводческий труд Иеронима, а также переводчиков Библии на национальные языки стал неопределимым вкладом в формирование общеевропейской культурной традиции и самой

⁵ Перевод цитаты мой. — *А.М.*

⁶ Перевод цитаты мой. — *А.М.*

европейской цивилизации, которая, при всем многообразии её воплощений в разных национальных культурах, обладает общностью, выходящей за рамки общности чисто географической.

На протяжении последующей истории эта общность поддерживалась и развивалась (а временами и, напротив, в какой-то степени нарушалась) также путём соприкосновения и взаимодействия культур, а следовательно, в большой степени и посредством перевода. Важность роли перевода в развитии национальной культуры через её обогащение достижениями других культур оценивалась по-разному (чаще, возможно, недооценивалась) в разные времена разными народами и разными людьми. Но история сохранила пример высочайшей оценки роли перевода — и не просто для развития, а для *спасения* национальной культуры, пришедшей в упадок в результате долгого периода войн и иностранных нашествий. Речь идёт, в частности, об англо-саксонском короле Альфреде Великом (IX в. н.э.), который именно *в переводе* (на англо-саксонский язык) важных текстов, порождённых европейской культурной традицией, видел путь к спасению культуры своего народа, утраченной за целое столетие, в течение которого продолжались набеги викингов. Только к сорока годам, изучив латынь, король Альфред сам взялся за перевод с этого языка некоторых важных для того времени произведений («Пастырского правила» папы Григория Великого, «Утешения философией» Боэция, «Монологов» Августина, «Истории против язычников» Орозия и др.). В своём предисловии к переводу «Пастырского правила» (“Regula pastoralis” в переводе Альфреда Великого — “Pastoral Care”, по альтернативному заглавию книги Григория, а именно “Cura pastoralis”), адресованном епископу Верферту, король Альфред сетовал на утрату его подданными прежней образованности и прежних знаний (в частности, знания латыни) не только среди мирян, но и даже среди клириков. Последние, обладая богатейшими книжными сокровищами, не могли ими воспользоваться, ибо «ничего в них не понимали, так как они были написаны не на их языке»⁷. Помимо приглашения учителей и образованных людей из других стран Европы (а также из Уэльса, которого не коснулся упадок культуры, вызванный в Англии нашествиями викингов) Альфред видел выход из создавшейся плачевной ситуации в переводе нужных книг на английский язык.

«И тогда я вспомнил, — пишет Альфред, — как закон, написанный прежде на языке иудеев, потом, когда греки узнали его, был переведён ими на их язык, а с ним также и другие книги. И потом

⁷ King Alfred the Great. Preface to Pastoral Care (transl. into modern English). <http://www/departments.bucknell.edu> (перевод цитаты на русский язык мой. — А.М.).

и римляне, узнав их, перевели их, с помощью просвещённых переводчиков, на свой язык. И все другие христианские народы также переводили их на свои языки. И поэтому, мне кажется, [*будет*] лучше, если и тебе кажется так же, чтобы мы тоже перевели некоторые книги, которые всем людям нужнее всего знать, на язык, который мы все понимаем, <...> так, чтобы все молодые люди из числа свободных, имеющие на это средства, занялись бы учением, <...> пока они не научатся хорошо читать то, что написано по-английски. А тех, кого стоит учить далее, чтобы дать им более высокое положение, можно будет затем обучить латыни»⁸. Таким образом, представляя епископу Верферту свой перевод «Пастырского правила», Альфред приглашает его и других знающих латынь епископов (которым были разосланы копии этого послания) последовать его примеру и взяться за переводы ради просвещения нации.

В истории европейской цивилизации можно найти немало и других примеров того, как благодаря переводу осуществлялось взаимообогащение культур, и того, как благодаря инициативе и самоотверженности конкретной личности — переводчика, осознававшего важность своего труда, — открывались новые грани и новые горизонты общения культур. В некоторых случаях можно даже сказать, что, не будь этого вклада переводчика или переводчиков, известных или безымянных, развитие европейской цивилизации как таковое могло замедлиться или пойти иначе.

В ряду таких повлиявших на историю европейской цивилизации переводчиков, безусловно, стоят Герард Кремонский, Иоанн Севильский и другие переводчики знаменитой Толедской школы (XII—XIII вв.), равно как и её основатель архиепископ Раймонд Толедский, самоотверженный труд которых открыл средневековой Европе достижения арабской науки, а также через ранее сделанные арабами переводы — труды древнегреческих учёных и мыслителей (например, «Геометрию» Евклида, труды Аристотеля и др.). Один только Герард Кремонский (ок. 1114—1187) перевёл с арабского языка на латинский более восьмидесяти книг (по другим данным — семьдесят одну, что тоже немало!), охватив своими переводами впечатляюще широкий диапазон областей знания, от астрономии и математики до медицины. Среди переведённых им трудов — «Канон врачебной науки» Авиценны (Ибн-Сины)⁹, «Альмагест» Клавдия Птолемея, «О небесах» Аристотеля, «Об измерении круга» Архимеда, трактаты Гиппократ, Галена и многие другие труды древних и средневековых учёных.

⁸ Там же (перевод цитаты на русский язык мой. — А.М.).

⁹ Возможно, что перевод «Канона» Ибн-Сины был сделан другим Герардом из Кремоны, жившем в XIII в.

Эти и другие переведённые переводчиками Толедской школы работы греческих и арабских учёных не только заложили основы европейской науки и дали толчок её последующему самостоятельному развитию, но и во многом определили пути этого развития, тем самым оказав огромное влияние на развитие европейской цивилизации как таковой. Даже цифры, которые принято называть «арабскими», как известно, пришли в Европу на смену римским благодаря переводчику того времени, работавшему в Испании и Италии, уроженцу Англии Аделяру (Аделярд) Батскому, переведшему труды по астрономии, математике и философии.

Не оставалась в стороне от общеевропейского культурного обмена и Россия, которая, правда, в Средние века взаимодействовала прежде всего с Византией, благодаря чему большинство переводов осуществлялось с греческого языка. Помимо перевода Библии, Псалтыри и других богослужебных книг активно переводились, как отмечает Ю.Л. Воротников, и так называемые *флорилегии* — «переводные сборники изречений, приписываемых древним мудрецам или отцам Церкви» [Воротников, 2002, с. 37]. Эти сборники оказали влияние не только на непосредственных читателей, но и на древнерусскую культуру в целом. «...Значение переводных сборников изречений для истории русской литературы и русской образованности трудно переоценить, — пишет Воротников. — Они знакомили древнерусского читателя с именами античных авторов и сюжетами их произведений, углубляли его исторические и естественно-научные познания и способствовали тому, что уже с первых шагов становление древнерусской культуры осуществлялось на фундаменте богатейшей античной традиции» [там же, с. 38].

Чтобы не возникало впечатления, что процесс взаимного литературно-художественного обогащения культур посредством перевода закончился где-то в первой трети XX в. (что, разумеется, не так уже хотя бы потому, что переводческая деятельность, в том числе и в области художественной литературы, постоянно продолжается), в заключение приведём ещё один, относительно недавний пример такого обогащения, относящийся к концу прошлого века. Дуглас Хофстадтер в эссе, название которого почти дословно совпадает с упомянутой выше статьёй Роберта Уиндера, — «Что приобретается в переводе» [Hofstadter, 1996] — описывает, как он открыл для себя «Евгения Онегина» Пушкина, благодаря поэме (или роману в стихах) под названием «Золотые ворота». В свою очередь индийский поэт и прозаик Викрам Сет создал свои «Золотые ворота» под непосредственным и очевидным влиянием пушкинского «Евгения Онегина». И не «Евгения Онегина» вообще, а именно в переводе

Чарльза Джонстона¹⁰ — далеко не единственного, хотя, возможно, лучшего переводчика Пушкина на английский язык. Викрам Сет не только написал свою поэму онегинской строфой, но и посвятил одну из её нескольких сотен строф вдохновившему его произведению, призывая своего читателя самому обратиться к «первичному источнику блаженства»:

Reader, enough of this apology;
But spare me if I think it best,
Before I tether my monology,
To stake a stanza to suggest
You spend some unfilled day of leisure
By that original spring of pleasure:
Sweet-watered, fluent, clear, blithe
(This homage merely pays a tithe
Of what in joy and inspiration
It gave me once and does not cease
To give me) — Pushkin's masterpiece
In Johnston's luminous translation.)

[Seth, 1986, p. 102]

Это, возможно, единственный (или по крайней мере чрезвычайно редкий) случай упоминания переводчика в тексте художественного произведения, когда автор открыто, «эксплицитно» отдаёт дань его труду. Но это также и пример того, что британский поэт и переводчик Питер Робинсон в своей недавно вышедшей книге «Поэзия и перевод: искусство невозможного» назвал «межнациональным переносом поэтического влияния, порождающим новое искусство» (“the international transfer of poetic influence that generates new art”) [Robinson, 2010, p. 45].

Ряд подобных примеров, а также примеров влияния перевода на язык, в прошлом и настоящем, можно было бы продолжать почти бесконечно, если бы не естественные ограничения, налагаемые рамками статьи. Однако хочется думать, что иллюстрации, приведённые на этих страницах, достаточно убедительно подтверждают высказанную ранее основную мысль статьи, а именно то, что переводческая деятельность во все времена не только служила посредником в диалоге культур, но и активно способствовала их взаимопознанию и взаимообогащению.

¹⁰ Sir Charles Hepburn Johnston (1912 — 1986). Его перевод «Онегина» вышел в 1977 г. Интересно, что через свою женитьбу (в 1944 г.) на княжне Наталье Багратион-Мухранской Джонстон породнился с единственным известным поэтом и переводчиком в русской императорской фамилии, знаменитым К.Р. Мать жены Джонстона, по рождению великая княжна Татьяна Константиновна (умерла в Женеве в 1946 г.), была дочерью К.Р. — великого князя Константина Константиновича Романова (1858—1915).

Список литературы

- Библия, Ветхий Завет, 1-я Книга Царств. М.: Российское Библийское общество, 2007.
- Воротников Ю.Л. Круг чтения наших предков. Переводные сборники изречений // Вестн. Российской академии наук. 2002. Т. 72. № 1.
- Левин Ю.Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука, 1988.
- Левин Ю.Д. История переводческой мысли // Русская литература. 1988. № 1.
- Мень А. История религии. М.: «Слово», 1992. Т. 6. Гл. 9.
- Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978.
- Bassnett, S., Lefevere, A. The Cultural Turn in Translation Studies / Ed. by S. Bassnett, A. Lefevere // Translation, History and Culture. 1990.
- Bassnett S., Lefevere A. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. England, Clevedon: Multilingual Matters, 1998.
- Delisle J., Woodsworth J. (eds.). Translators through History. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, UNESCO Publishing, 1995.
- Hofstadter D. What's Gained in Translation // New-York Times. N.Y., 8 December 1996.
- Johnston Ch. (translator). Pushkin A. Eugene Onegin. London: Penguin Classics Ltd, 1979.
- King Alfred the Great. Preface to Pastoral Care (transl. into modern English). <http://www/departments.bucknell.edu>
- Nida E.A. Towards a Science of Translating. Leiden, 1964.
- Robinson, R. Poetry & Translation: the Art of the Impossible. Liverpool, 2010.
- Rubel P., Rosman A. Translating Cultures: Perspectives on Translation and Anthropology. Oxford, UK, N.Y., USA, 2003.
- Seth V. The Golden Gate. Faber & Faber. London, 1986.
- Steiner G. After Babel. OUP, England, 1975.
- Trivedi H. Translating Culture vs. Cultural Translation // Translation — Reflections, Retractions. Transformations / Ed. by St- P. Pierre, P. Kar. Amsterdam: John Benjamins Translation Library, 2007.
- Winder R. Notes on What is Gained in Translation // The Independent. London, October 11, 1998.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Н.Н. Миронова,

доктор филологических наук, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: nnmironova@yandex.ru

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ В ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЯ РЕЦЕПЦИИ И ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА

Статья посвящена рецепции произведений великого русского просветителя, поэта и учёного М.В. Ломоносова в Германии и основана на материале биографического дискурса, представленного в работах немецких и отечественных авторов. Особое внимание уделяется вкладу Ломоносова в само становление русского литературного языка и разработанные им теорию стихосложения и теорию стиля. Приведён историко-литературный анализ фрагментов поэтических текстов в вариации языков русский — немецкий, автором и/или переводчиком которых был М.В. Ломоносов.

Ключевые слова: биографический дискурс, «Российская грамматика», теория стиха, теория стиля, Ломоносов-переводчик с русского и немецкого, Marburg, “Academia Marburgensis”, Christian Wolff, Elisabeth Christine Zilch.

Nadezhda N. Mironova,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: nnmironova@yandex.ru

Mikhail Lomonosov in Germany: History of Reception and History of Translation

The article focuses on the reception of Mikhail Lomonosov's (the great Russian enlightener, poet and scientist) works in Germany and is based on the material of biographical discourse found in various works by German and Russian authors. Special attention is paid to Lomonosov's contribution to the very formation of the Russian literary language as well as the versification theory and the style theory he developed. The article contains a historical and literary analysis of Russian-German variations in a number of poetic texts authored and/or translated by Mikhail Lomonosov.

Key words: biographical discourse, “Russian Grammar”, theory of versification, theory of style, Lomonosov as a translator from Russian and German, Marburg, “Akademia Marburgensis”, Christian Wolff, Elisabeth Christine Zilch.

«Блеск на плоскости спайности стеклянный до алмазного»

(Из характеристики минерала ломоносовита)

Широкий диапазон темы позволяет осветить несколько сторон: биографию Михайло Ломоносова в период 1736—1741 гг., его лингвистические способности в вариации языков немецкий-русский и русский-немецкий, проявленные им в этот период и позже в России и, наконец, вопросы рецепции произведений Ломоносова в Герма-

нии, начиная с середины XVIII в. по настоящее время. Особенность предпринятого описания заключается в том, что различные направления, которые названы выше, постоянно переплетаются друг с другом, что вполне естественно при попытке взглянуть на великого соотечественника, который был необыкновенно цельным человеком, единственным в своём роде, как Леонардо да Винчи, Иоганн Вольфганг Гёте. Это были исследователи, объединившие в себе естественно-научные и гуманитарные способности самого высокого ранга. А.С. Пушкин говорил: Ломоносов создал первый университет, правильнее говоря, он сам был первым русским университетом.

Получив самостоятельное начальное образование, в декабре 1730 г. Ломоносов выехал в Москву, а уже в январе 1731 г. поступил в московскую Славяно-греко-латинскую академию. Основанная в 1685 г. и размещавшаяся в центре Москвы в Заиконоспасском монастыре, Академия унаследовала лучшие церковно-богословские и культурно-исторические традиции Православия. Она была первым высшим учебным заведением в России, которое готовило молодых людей к государственной и церковной службе. Здесь большое внимание уделялось изучению древнегреческого и латинского языков, церковной риторики, логики, естественной философии (физике) [http://www.mpda.ru/history/history_mpda].

В начале 1736 г. вместе с несколькими студентами Ломоносов был переведён в университет при Петербургской Академии наук, в этом же году он был отправлен вместе со студентами в Марбургский университет.

Куратором Михайло Васильевича был профессор Христиан Вольф — философ, ученик Лейбница. Вольфу принадлежат философские трактаты, в которых излагаются универсальные правила познания мира. Его называют «радикальным просветителем»: философию он определяет как «науку познания всех возможных вещей». Об этом говорят и его труды: «Разумные мысли о силе человеческого разума и его правильном применении в познании истины» (“*Vernünftige Gedanken von den Kräften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkenntnis der Wahrheit*”, 1713); «Разумные мысли о Боге, мире и душе человека» (“*Vernünftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen*”, 1720); «Разумные мысли об общественной жизни человека» (“*Vernünftige Gedanken von dem gesellschaftlichen Leben der Menschen*”, 1721) [Scheibert, 1977, s. 231—240].

Известно, что профессор Вольф был очень отзывчивым человеком. Из его переписки с президентом Петербургской Академии наук Корфом мы узнаем, что, когда стало известно о фантастических долгах трёх русских студентов, Вольф оплатил их, хотя сумма долга составляла 1936 талеров, т.е. более 10 000 рублей. Как указы-

вает один из биографов [Димов, 2006, с. 267], долги были следствием «беспорядочной жизни».

Отметим, однако, что жизнь и немецких студентов не была аскетической. Сошлось на записанные 1878 г. впечатления Марка Твена о Гейдельбергском университете, где он обнаружил университетскую тюрьму для провинившихся студентов — дуэлянтов, дебоширов, воришек... [Twain, 2010, s. 242—248].

Отечественные биографы отмечают, что судьба развела пути немецкого математика Леонарда Эйлера и Ломоносова, приехавшего в Германию тогда, когда Эйлер, напротив, выехал в Россию. В жизнеописаниях Ломоносова встречаются предположения о том, что направление научных исследований выдающегося русского учёного могло сложиться иначе, то есть было бы более продуктивным в математике и физике. Высказывают мнение, что Вольф влиял на студентов из России более в философском смысле, чем научном. В немецких источниках роль Вольфа в изучении точных наук не оспаривается. Часто приводятся примеры великодушия и заботы. Об этом можно узнать, изучая переписку Вольфа и Корфа на немецком языке (двухтомник избранных произведений опубликован в Германии в 1961 г.) и на русском языке в полном собрании сочинений М.В. Ломоносова (т. 1—10), выходящем с 1950 по 1959 г. Как это ясно видно, обоим изданиям предшествовала огромная работа по атрибуции текстов. Она была выполнена ведущими учёными обеих стран и посвящена 250-летию юбилею М.В. Ломоносова.

В последующие годы выходили книги, основанные на этих изданиях, и отдельные статьи, само появление которых было связано с находками в архивах обеих стран [Lomonosov, 1755; Lomonosov, 1961; Lomonosov, 1980; Morosow, 1954].

С появлением Интернета на сайтах энциклопедий и издательств можно познакомиться с этими текстами в электронном виде. К сожалению, неточности перешли из письменных текстов в электронные. Так, биографические статьи в энциклопедиях содержат искажения, касающиеся места рождения Ломоносова: село Денисовка или деревня Мишанинская близ Холмогор Архангельской области, а также неверно определено соотношение старого и нового стиля при обозначении даты рождения (8./19 November 1711 вместо 6./19) и даты смерти († 4./15 April 1765 вместо 2./15) [Heller, 1993, Sp. 207].

М.В. Ломоносов — универсально образованный мыслитель и учёный. Он проложил путь русским исследователям в физике, химии, астрономии, механике, геологии, географии, метеорологии, картографии и лингвистике. Он открыл законы во многих областях исследований. Как государственный муж он выступал за преодоление технической и экономической отсталости России, за развитие

национальной экономики, науки, культуры и медицины, улучшение социальных условий жизни народа. В отечественных энциклопедиях отмечается, что «Ломоносов считался одним из лучших латинистов Европы» [Прашкевич, 2000, с. 11]. Выдающийся филолог Ломоносов внёс большой вклад в развитие русского языка. В 1757 г. вышла первая русская грамматика, ставшая предвестником научных исследований родного языка. Поэт Ломоносов сочинял в классическом стиле оды, гимны, стихи, эпиграммы и трагедии. Ему принадлежат исследования по риторике, ярусскому стихосложению.

Литература о Михайле Васильевиче Ломоносове в России и Германии представлена в виде таких жанров, как биографический, энциклопедический, исторический, литературоведческий, что в своём единстве и составляет биографический дискурс Ломоносова [Lomonosov, 1961; Ноерр, 1957; Guntau, 1979]. Биографический дискурс можно охарактеризовать как область рецепции (восприятия, понимания).

Перевод и рецепция, как известно, находятся в отношениях сопоставления «общего характера эпохи и литературной жизни с особенностями индивидуального творческого метода, то есть эксплицитной и имплицитной поэтики» [Мальц, Тороп, 1987, с. 80]. Историческое изучение рецепции требует уточнения соотношения истории рецепции и истории перевода. С одной стороны, традиционно перевод является лишь одной из форм рецепции наряду с биографическими обзорами, научными, учебными или популярными статьями, предисловиями и комментариями, краткими информативными текстами и т.п. С другой стороны, можно говорить о рецепции посредством перевода, когда особенности метода перевода осмысливаются с точки зрения рецепции. Таким образом, переводческая деятельность изучается как в рамках истории рецепции, так и в рамках истории перевода. История методов перевода, эволюции отдельных переводчиков позволит более глубоко понять внутреннюю диалектику литературной жизни и преемственность в культуре... [там же, с. 81].

Свои естественно-научные работы Ломоносов писал на латыни и по-русски. Отечественный научный стиль был разработан М.В. Ломоносовым, он создал переводной язык физики, химии и других естественных наук. Н.К. Гарбовский называет это явление «перевод для развития словесности» [Гарбовский, 2007, с. 151]. Г. Кайперт первым обратил внимание на переводной язык Ломоносова в христианской литературе, в частности он отметил, что при переводе Псалмов 103 и 143 были использованы формулировки Мартина Лютера. Уникальны глубокие исследования Г. Кайперта и в отношении истории и рецепции переводов произведений Ломоносова [Keipert, 1981].

Немецкие биографы отмечают, что поэтический стиль Ломоносова проявлялся и в естественно-научных текстах, т.е. происходил перевод из среднего стиля в высокий (как известно, учёный выделял три стиля: высокий, средний и низкий).

Ломоносов прибыл в Германию без особых знаний немецкого языка, но со временем он овладел языком так, что немецкий стал его вторым языком: он слушал лекции на немецком, общался на нём с немецкими учёными в Академии, немецкими политиками при царском дворе, немецкий был для него и языком повседневного общения дома с женой и дочерью. Немецкие биографы отмечают, что Михайло Васильевич имел обыкновение делать заметки при обсуждении текущих вопросов по-немецки.

Как переводчику Ломоносову приходилось обрабатывать материалы на латинском языке, чтобы использовать их в дальнейшем в своих трудах по риторике. Он переводил с русского на немецкий. По своей стилевой принадлежности это были тексты поэзии и науки. В 1742 г. он перевёл оду своего коллеги по Академии Г. Юнкера, посвящённую коронации императрицы Елизаветы, с немецкого на русский. При его непосредственном участии в 1764 г. была переведена его русская грамматика (переводчик Й.Д. Грабенхаген) [Mengel, 1998].

В Марбургском журнале “Academia Marburgensis” традиционно появляются статьи, посвящённые Ломоносову-студенту и Ломоносову-исследователю, где отмечается, что незаконченное до сих пор изучение наследия учёного на немецком языке позволит открыть новые страницы в его жизни и творчестве [Scheibert, 1977, s. 240].

Русский просветитель и учёный Михаил Васильевич Ломоносов — именно так называют Ломоносова в Марбурге. На стене Старого университета недалеко от университетской церкви можно увидеть памятную доску. На ней высечены строки из оды М.В. Ломоносова императрице Елизавете на русском и немецком языках:

Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего ещё не видел свет.

Überall erforschet ohne Unterlass,
Was herrlich ist und wunderschön,
Was die Welt noch nicht geseh'n.

[Ode vom 27. August 1750, in: Kuße,
<http://universitaetskirche.de/streifzug-durch-die-geschichte/>]

В университетской церкви Ломоносов венчался 6-го июня 1740 г. с жительницей Марбурга Элизабет-Христианой Цильх (Elisabeth Christiane Zilch) — дочерью пивовара Генриха Цильха, члена городского совета и старосты протестантской общины. Именно в доме протестанта Цильха (ум. в 1939 г.) Ломоносов снимал квартиру [Kuße, <http://universitaetskirche.de/streifzug-durch-die-geschichte/>].

В России, куда в 1943 г. приехала вместе со своими братом и дочерью Элизабет-Христиана Цильх, её имя звучало по-русски как Елизавета Андреевна Ломоносова, в 1949 г. у неё родилась вторая дочь — Елена Михайловна Ломоносова (1749—1772), ставшая в замужестве Константиновой [Ломоносов, 1950—1959, с. 120—123; Письмо М.В. Ломоносова..., с. 274].

Для рассмотрения вопроса по рецепции перевода остановимся на переводческом анализе одной из самых поэтичных од М.В. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния».

Справа приведены примеры передачи устаревших грамматических и лексических словоформ в подстрочном переводе Рейнгарда Лауера [Lauer, 2002, s. 45]:

Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния	Abendliche Betrachtung über die Größe Gottes bei Gelegenheit des großen Nordlichts
Лице своё скрывает день; Поля покрыла <i>мрачна</i> ночь; Взошла на горы <i>чорна</i> тень; Лучи от нас склонились прочь; Открылась бездна звезд полна; Звездам числа нет, бездне дна. (1)	Antlitz die finstere Nacht die schwarze Nacht <i>in des Meeres Wellen</i>
Песчинка как в морских волнах, Как мала искра в вечном льде, Как в сильном вихре тонкой прах, В свирепом как перо огне, Так я, в сей бездне углублен, Теряюсь, <i>мысльми</i> утомлен! (2)	ermattet von Gedanken <i>Der Waisen Mund sagt uns</i>
<i>Уста премудрых нам гласят:</i> «Там разных множество светов; <i>Несчетны</i> солнца там горят, Народы там и круг веков: Для общей славы божества Там равна <i>сила естества</i> ». (3)	Unzählige Sonnen Die Kraft der Natur Doch, wo ist denn, Natur, dein Gesetz? Die Sonne stellt doch ihren Thron nicht dorthin?
Но <i>гдеж</i> , <i>натура</i> , твой закон? С полночных стран встаёт заря! Не <i>солнце</i> ль ставит там свой трон? Не <i>льды</i> стьль <i>мешут</i> огонь моря? Се <i>хладный</i> пламень нас покрыл! Се в ночь на землю <i>день</i> вступил! (4)	Die Eismeere werfen doch kein Feuer aus? Sieh da, kaltes Feuer hat uns zugedeckt! Sieh da, in der Nacht hat der Tag die Erde betreten! rascher Blick
О вы, которых быстрый <i>зрак</i> Пронзает в книгу вечных прав,	das Gesetz der Natur offenbart

<p>Которым малый вещи знак <i>Являет</i> естества устав, Вам путь известен всех планет; Скажите, что нас так <i>мятет</i>? (5)</p> <p>Что <i>зыблет</i> ясный ночью луч? Что тонкий пламень <i>в твердь</i> разум? Как молния без грозных туч Стремится от земли в зенит? Как может быть, чтоб мерзлый пар Среди зимы <i>раждал</i> пожар? (6)</p> <p>Там спорит <i>жирна</i> мгла с водой; Иль солнечны лучи блестят, Склонясь сквозь воздух к нам густой; Иль тучных гор <i>верхи</i> горят; Иль в море дуть престал <i>зефир</i>, И гладки волны бьют в <i>ефир</i>. (7)</p> <p>Сомнений полон ваш ответ О том, что <i>окрест</i> ближних мест. <i>Скажитеж</i>, <i>коль пространен свет</i>? И что малейших <i>дале</i> звезд? <i>Несведом</i> <i>тварей</i> вам конец? Скажитеж, коль велик <i>Творец</i>? (8)</p> <p>[Ломоносов, 1950—1959, с. 120—123]</p>	<p>Sag an, was uns so bedrückt? Warum macht der klare Lichtstrahl die Nacht schwanken? Warum schlägt eine schlanke Flamme gegen das feste Land? <i>Mitten im Winter einen Brand gebar?</i> Dort streitet fetter Dunst mit dem Wasser? Oder es brennen die Gipfel von dicken Bergen? Oder es hat der Zephyr aufgehört, aufs Meer zu blasen?</p> <p>Und glatte Wellen schlagen gegen den Äther? um die näheren Orte Sagt doch, wie geräumig ist die Welt? Und was befindet sich jenseits die kleineren Sterne?</p> <p>Ist euch das Ende der Schöpfung unermäßig? Sagt euch, wie groß ist der SCHÖPFER?</p>
---	--

Устаревшие немецкие грамматические (морфологические) формы в абсолютном большинстве переданы на современном немецком языке, исключая генитивные конструкции (“in des Meeres Wellen”, 2-я строфа; “Der Waisen Mund sagt uns”, 4-я строфа). Устаревшие лексические словоформы получили современное воплощение: в оригинале они обозначены курсивом. В целом можно сделать вывод о том, что поэзия М.В. Ломоносова пришла к читателям XX в. на понятном им языке, языке современных грамматических и лексических форм. При интерпретации этих языковых явлений только специалисты по истории языка и текстологии поддерживают интерес к той основе нашего родного языка и культуры, которая формировалась под влиянием М.В. Ломоносова.

Благодаря сопоставительному анализу вариантов перевода произведений великого соотечественника история перевода и критика перевода как дисциплины общей теории перевода, несомненно, обогащаются как в методологическом, так и практическом отношении. И, следовательно, могут быть востребованы студентами и аспирантами переводческих факультетов при исследовании вопросов рецепции переводов.

Список литературы

- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2007.
- Димов В.А. Уроки немецкого. Гуманитарный взгляд на Германию и немцев в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006.
- История Московской духовной академии. http://www.mpda.ru/history/history_mpda/
- Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 10 т. / Под ред. С.И. Вавилова и др. М.; Л., 1950—1959. Т. 8. С. 120—123.
- Мальц А.Э., Торон П.Х. Перевод и рецепция (Пушкин в Эстонии) // Пушкинские чтения в Тарту: Тез. докл. науч. конф. 13—14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 80—82.
- Письмо М.В. Ломоносова к И.И. Шувалову // Урания. Карманная книжка на 1886 год для любителей и любителей русской словесности / Примечания. С. 274.
- Прашкевич Г.М. Самые знаменитые учёные России. М.: Вече, 2000.
- Keipert H. Lomonosov als Übersetzungstheoretiker // Wiener Slavisches Jahrbuch. 1981. S. 27—48.
- Lomonosov M.V. Rossijskaja Grammatika pečatana // Sanktpeterburge pri Imperatorskoj Akademii Nauk. Sanktpeterburg, 1755.
- Lomonosov M.V. Russische Grammatik. Verfasset von Michail Lomonosow. Aus dem Russischen übersetzt von Johann Lorenz Stavenhagen. Nachdruck der Ausgabe Petersburg, 1764. München, 1980.
- Lomonosov M.V. Schriften in zwei Bänden: I Naturwissenschaften, II Geschichte, Sprachwissenschaft u. a. Briefe. Berlin, 1961.
- Heller W. Lomonosov Michail Vasil'evič // Bibliographisches Kichenlexikon. Band V. 1993. Spalten 207—213.
- Hoepp W. M.W. Lomonosow. Leben und Werk des großen russischen Gelehrten. Leipzig; Jena, 1957.
- Kuße H. <http://universitaetskirche.de/streifzug-durch-die-geschichte/>
- Guntau M. Michail Wasiljewitsch Lomonosow (1711—1765). Schriften zur Geol. Wiss., 14, 7—18. Berlin, 1979.
- Lauer R. Michail Lomonosov: Večernee razmyšlenie o božiem veličestve pri slučae velikago severnago sijanija // Die russische Lyrik / Hrsg. von Bodo Zelinsky. Böhlau Verlag Köln, Weimar, Wien, 2002. S. 45—50.
- Mengel S. Literatursprache — Standardsprache — Schriftsprache. Zur Klärung der Terminologie (am Beispiel der Geschichte der russischen Sprache) // S. Mengel, A. Richter [Hrsg.]. Die russische Literatursprache des 18—20. Jh. Bd 4. Halle, 1998. S. 115—124.
- Morosow A.A. Michail Wassiljewitsch Lomonosow. 1711—1765. Ins deutsche Übertragen von W. Hoepp. Berlin, 1954.
- Scheibert P. Lomonosov, Christian Wolff und die Universität Marburg // Academia Marburgensis. Beiträge zur Geschichte der Philipps-Universität Marburg. Bd 1. 1977. S. 231—240.
- Twain M. Der Karzer // Bummel durch Deutschland. Berlin: Inselverlag, 2010. S. 242—248.

И.Ю. Шабига,

кандидат исторических наук, доцент Высшей школы перевода (факультета) и исторического факультета МГУ; e-mail: shabag@land.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ М.В. ЛОМОНОСОВА ПРИ РАБОТЕ С НАУЧНЫМ ЛАТИНСКИМ ТЕКСТОМ

В статье показывается заслуга М.В. Ломоносова как первого русского переводчика научного латинского текста — «Волфианской экспериментальной физики» Л.Ф. Тюммига. Автор анализирует методы перевода М.В. Ломоносова и его усилия по созданию русской научной терминологии, лежащей в основе современного русского научного языка.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, «Волфианская экспериментальная физика» Л.Ф. Тюммига, латинский текст, первый русский перевод, способы перевода, научная терминология.

Irina Y. Shabaga,

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation and the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: shabag@land.ru

Scientific Latin Text and Translation Techniques Used by Mikhail Lomonosov

Mikhail Lomonosov's meritorious achievements as a first Russian interpreter of the scientific Latin text "The experimental Physics by Chr. Wolf translated into Latin by L.Ph. Tümmig" are revealed in this article. The author analyzes various translation techniques used by Mikhail Lomonosov as well as his efforts to develop a scientific terminology which, once in existence, laid the groundwork for today's scientific Russian.

Key words: M.V. Lomonosov, "The experimental Physics by Chr. Wolf translated in Latin by L.Ph. Tümmig", the first Russian translation, translation techniques, scientific terminology.

Роль М.В. Ломоносова в истории отечественной науки переоценить невозможно. Достаточно сказать, что он первым в России стал разрабатывать такие научные отрасли, как физика, химия, химические технологии, приборостроение, техника горного дела, стекольное и керамическое производства, оптика, астрономия, геология, минералогия, география, исследование Севера.

Будучи прежде всего учёным-естественником, М.В. Ломоносов был прекрасно образован и в области гуманитарных наук¹. Автор многочисленных поэтических произведений (в основном стихотворений и од, посвящённых по большей части императрице Елизавете Петровне), а также научных трудов по экономике, истории,

¹ М.В. Ломоносов получил образование в двух знаменитых высших учебных заведениях своего времени — московской Славяно-греко-латинской и Киево-Могилянской академиях.

теории русского языка, поэтике и риторике, он является и знатком древних языков и классической античной литературы.

Наиболее часто цитируемыми М.В. Ломоносовым античными авторами, которых он читал в подлиннике, были Цицерон, Демосфен, Курций Руф, Вергилий и Гораций; в его труде «Древняя Российская история» содержатся многочисленные ссылки на сочинения Геродота, Страбона, Плиния Старшего, Клавдия Птолемея и Прокопия Кесарийского.

Кроме того, М.В. Ломоносов сам переводил с классических языков как стихотворные, так и прозаические тексты. В частности, он перевёл отрывки из «Илиады» Гомера (VIII 1—15; IX 225—261: это был первый русский перевод Гомера) и ряд стихов Анакреонта и Горация, в том числе знаменитый Горациев «Памятник»: “Ad Mel-pomenen” (III 30).

Прекрасное знание латинского языка позволяло М.В. Ломоносову, с одной стороны, писать на латыни свои естественно-научные труды, а с другой — переводить на русский язык латинские научные тексты.

В частности, на латыни им был написан целый ряд научных работ по математической химии, физике и корпускулярной философии; первой из этих работ была “Dissertatio physica de corporum mixtorum differentia, quae in cohaesione corpusculorum constitit, quam exercitii gratia conscripsit Michael Lomonosow, matheseos et philosophiae studiosus, anno 1739, mense Martio”².

Примером перевода на русский язык латинского научного текста является его перевод так называемой «Волфианской экспериментальной физики», анализу которого и посвящена данная статья.

Чтобы понять, чем была вызвана необходимость данного перевода, скажем несколько слов о состоянии русской науки в первой половине XVIII в., когда трудился М.В. Ломоносов.

История планомерного развития естественно-научных знаний в нашей стране началась со времени организации в 1725 г. Петербургской Академии наук, которая начала разрабатывать прежде всего физико-математические науки, имевшие большое прикладное значение для развития военного дела и промышленности [Кононов, Спасский, 1961, с. 5—8; Елисеев, Литинецкий, 1961, с. 25—26]. При этом в физической науке в тот период шла борьба двух основных направлений: картезианского³ и ньютоновского.

² «Физическая диссертация о различии смешанных тел, состоящем в сцеплении корпускул, которую для упражнения написал Михайло Ломоносов, студент математики и философии в 1739 году в марте месяце».

³ *Картезианство* — учение французского философа Рене Декарта, или Картезиуса (1596—1650), и его последователей.

Основное различие между этими направлениями заключается в том, что картезианцы мало опирались на опыт, отдавая предпочтение построениям различных гипотез, в то время как приверженцы И. Ньютона считали, что установить истину можно только опытным путём. М.В. Ломоносов же выработал собственную научную концепцию, согласно которой необходимым условием развития как науки, так и производства является единство теории и эксперимента (опыта), причём теория должна опираться на опыт.

Поэтому, как справедливо полагал М.В. Ломоносов, России нужны были в первую очередь кадры исследователей-практиков, которые могли бы правильно поставить и провести разнообразные физические опыты. Таких кадров в нашей стране в то время не было. Более того, не было и учебного материала, который позволил бы их взрастить.

В этом М.В. Ломоносов убедился, когда, вернувшись на родину после длительной командировки в Германию (1736—1741), начал читать лекции и вести практические занятия по физике. За неимением русских учебников он порекомендовал своим ученикам, будущим академикам А.П. Протасову и С.К. Котельникову, приобрести учебники западноевропейских учёных, и в первую очередь очень популярную в то время в Европе «Волфианскую экспериментальную физику» Л.Ф. Тюммига.⁴ Однако оказалось, что даже её в университетской лавке не было. Тогда-то он и принял окончательное решение перевести эту книгу на русский язык.⁵

«Сия книжица, — писал М.В. Ломоносов в Предисловии к своему переводу, — почти только для того сочинена и ныне переведена на российский язык, чтобы по ней показывать и толковать физические опыты» [Ломоносов, 1950, с. 425].

Работа М.В. Ломоносова представляет собой перевод с перевода. Дело в том, что профессор математики и философии Л.Ф. Тюммиг написал на латинском языке краткое изложение написанного на немецком языке труда своего учителя, Хр. Вольфа «Физические эксперименты или всевозможные полезные опыты, которыми прокладывается путь к точному познанию природы и искусства»⁶

⁴ “Institutiones Philosophiae Wolfianae, in usus academicos adornatae opera Ludovici Philippi Thümmigii, professoris matheseos et plilos., ordinarii reg., soc. scient. bor. Sodalist: In 2 vol.” («Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращённая, с которого на российский язык перевёл Михайло Ломоносов, императорской Академии Наук член и химии профессор»).

⁵ Впервые мысль вести преподавание на родном языке возникла у М.В. Ломоносова в Германии, когда он слушал курс лекций знаменитого немецкого физика и философа Христиана Вольфа, который читал лекции на немецком языке, а не на латыни, как это было принято в научных и педагогических кругах того времени.

⁶ *Wolf Chr. Experimenta physica, oder aller handnützliche Versuche dadurchzugenaueuer Erkenntniss der Natur und Kunst der Weggebähnetwird. 3 Theile.*

[там же, с. 544]. Этот компендиум Л.Ф. Тюммига в семи частях был опубликован в Германии в 1725 г.

М.В. Ломоносов же выполнил перевод шестого раздела его книги, озаглавленного “*Institutiones Physicae experimentalis*”⁷. Этот перевод был сделан по тексту второго издания книги Л. Тюммига 1727 г., приобретённой М.В. Ломоносовым в Марбурге в 1738 г. [там же, с. 544]. Перевод был посвящён графу М.Л. Воронцову и опубликован по постановлению Сената в 1746 г. При этом рецензент перевода академик И.Г. Гмелин, высоко оценив качество сделанного М.В. Ломоносовым перевода, особо отметил, что русский текст даже более понятен, чем латинский оригинал [там же, с. 580].

Подлинной рукописи перевода М.В. Ломоносова не сохранилось, и в Архиве РАН хранится лишь экземпляр, написанный рукой А.П. Протасова. В 1760 г. вышло второе издание «Волфианской физики», для которого М.В. Ломоносов написал шесть небольших добавлений.

Труд М.В. Ломоносова — это не просто механический перевод, а осмысление и творческое изложение латинского текста Л.Ф. Тюммига. Поскольку до М.В. Ломоносова опыта перевода учебников по научным дисциплинам, в частности по физике, на русский язык не существовало, ему пришлось вырабатывать собственные приёмы перевода латинского научного текста.

Для анализа этих приёмов нами были выбраны несколько параграфов труда М.В. Ломоносова, которые наглядно показывают основные методы его работы с латинским и русским научным текстом.

Пример № 1

Si thermometrum aliquod Florentinum sub campana vitrea suspendatur et aere ope antliae pneumaticae summa accuracione exhausto carbones candentes vitro admoveantur, liquorem mox ascendere, carbonibus autem remotis rursus descendere videbis. (2) Immo si thermometrum in vacuo relinquatur, spiritus vini perinde ascendet atque descendet ac in alio extra vacuum collocato, calore diurno variato⁸ (IV 1⁹. § 110.).

⁷ «Наставления экспериментальной физики».

⁸ Латинский текст печатается по изданию: Editio nova. Francofurti et Lipsiae MDCCXXIX, полностью повторяющему издание 1727 г., с которого перевёл М.В. Ломоносов.

⁹ Раздел IV. «О опытах над чувственными свойствами тел». Гл. 1. «О теплоте».

Дословный перевод	Перевод М.В. Ломоносова ¹⁰
(1) Если какой-нибудь флорентинский термометр повесить под campanское стекло и, выкачав при помощи воздушного насоса воздух с большой тщательностью, придвинуть к стеклу пылающие угли, увидишь, что жидкость сейчас же поднимется, а после того, как угли отодвинуты, снова опустится.	(1) Когда флорентинский термометр повесишь под стеклянный колокол и, воздух из него вытянув со всяким прилежанием, горячие угли к оному близко поставишь, то увидишь, что водка в термометре поднимется и, после того как угли отложишь, скоро опустится.
(2) Мало того, если термометр будет оставлен в пустом пространстве, винный спирт точно так же будет подниматься и опускаться, как в другом расположенном вне пустого пространства [месте], причём ежедневная теплота разнообразна.	(2) Также, ежели термометр под колоколом оставлен будет, водка в нем от теплоты также станет подниматься, а от стужи опускаться, как бы она стояла в воздухе.

В текст этого параграфа М.В. Ломоносов внёс при переводе целый ряд изменений.

Во-первых, были убраны некоторые слова, присутствующие в оригинальном тексте: “*aliquod*” («какой-нибудь» <термометр>), “*antlia pneumatica*” («воздушный насос»), “*vitrum*” («стекло», т.е. «стеклянный сосуд»).

Во-вторых, были найдены русские эквиваленты ряда латинских понятий. Так, слова “*campana vitrea*” («camпанское стекло», т.е. стеклянный сосуд определённой формы), переведены как «стеклянный колокол»; “*spiritus vini*” («винный спирт») — как «водка»¹¹; слова “*in vacuo*” («в пустом месте/вакууме») заменены словами «под колоколом», а “*extra vacuum*” («вне пустого места») — «в воздухе».

С другой стороны, путём вставки отсутствующего в оригинале наречия «близко <поставить>», М.В. Ломоносов усиливает значение латинского глагола “*admove*re” «придвигать».

Кроме того, совершенно переосмыслен оборот “*Ablativus Absolutus temporis* “*calore diurno variato*”»: вместо дословного перевода «причём ежедневная теплота разнообразна», совершенно непонятного читателю, М.В. Ломоносов вводит в текст перевода слова «от теплоты» и «от стужи», адекватно передающих мысль оригинала.

¹⁰ Перевод М.В. Ломоносова, озаглавленный «Волфианская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращённая, с которого на российский язык перевёл Михайло Ломоносов, императорской Академии Наук член и химии профессор» (СПб., 1746), приводится по изданию: М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. I. С. 417—530.

Издатели специально оговорили, что все произведения М.В. Ломоносова печатаются по новой орфографии с заменой его пунктуации при сохранении, по возможности, присущих авторскому языку особенностей (Полн. собр. соч. I, с. 603).

¹¹ Также переведено и нейтральное латинское слово *liquor* «жидкость».

Пример № 2

(1) Materii frigidis inter se commixtis calorem, immo subinde flammam excitari, chymicis experimentis docetur, v. gr.¹² oleum vitrioli admixta aqua vel spiritu vini incalescit: imo ipsa glacies oleo vitrioli affuso calorem gignit. (2) Intensissimus oritur calor, si oleo terebinthinae affundatur, praesertim veteri, quod quodammodo inspissatum. (3) In casu enim posteriori accidit aliquando, ut vitro dissilente tanto impetus impingerent frusta in lagenas vitreas, ut hae ipsae diffringerentur, fumo ascendente ex vitro adhuc integro et guttulis olei ad insignem distantiam latissime sparsis. (4) Si oleum vitrioli aquae commisceatur et frustula chalybis vel ferri, quae Martis rasura nomine veniunt, injiciantur, vitro subinde agitato; solutio Martis cum caloris generatione contingit. (5) Metalla dum in aqua forti solvuntur, tantus gignitur calor, ut solutio fumis copiosissimis ascendentibus ebulliat. (6) Imprimis quoque notandum est, panem et carnem oleo vitrioli affuso insigniter incalescere (IV 1. § 116).

<i>Дословный перевод</i>	<i>Перевод М.В. Ломоносова</i>
(1) В химических опытах показывает-ся, что у холодных веществ, перемешанных между собой, создаётся теплота и время от времени даже пламень, например, купоросное масло, если примешена вода или винный спирт, нагревается. (2) мало того, сам лёд, если подлито купоросное масло, производит тепло. (3) Сильнейший жар возникает, если к теребинтовому маслу присоединяется, особенно к старому, каковое в какой-то мере уплотнено. (4) В самом деле, в последнем случае иногда случается, что, в то время как стекло трескается, осколки отбрасываются на узкогорлые стеклянные пузатые бутылки с ручками с такой силой, что сами они разбиваются, причём вверх поднимается пар из прежде целого стекла и брызги масла на заметное расстояние очень широко рассеяны.	(1) Химические опыты показывают, что чрез смешение холодных тел теплота или и пламень произведен быть может, напр., купоросная крепкая водка с приливою водою или двойною водкою согревается. (2) Также и лед теплоту производит, когда к нему помянутая купоросная водка прилита будет, (3) которая особливо со старым стужелым скипидаром соединившись, немалую горячность рождает; (4) из сосуда капли кверху скачут и далече разбрызгиваются; иногда стклянка, расскочившись от движения и жару слитых материй, обломками другие стклянки, подле себя поставленные, разбивает.

¹² Verbi gratia, т.е. «например».

<i>Дословный перевод</i>	<i>Перевод М.В. Ломоносова</i>
(5) Если купоросное масло соединить с водой и кусочки стали или железа, которые идут под именем «опилки Марса», вбросить после того, как стекло многократно потрясли, разложение Марса смежно с возникновением теплоты. (6) Пока металлы растворяются в сильной воде, возникает столь сильный жар, что разложение вскипает, причём вверх поднимаются обильные испарения. (7) При этом особенно следует отметить, что хлеб и мясо, если добавлено купоросное масло, поразительно нагреваются.	(5) Купоросная крепкая водка, водою разведенная, распускает в себе железные опилки, произведши нарочитую теплоту. (6) Также и другие крепкие водки, распускаючи в себе металлы, согреваются, пенятся и дым испускают. (7) При сем примечать надлежит, что мясо и хлеб, будучи политы купоросною крепкою водкою, нарочито теплы становятся.

В этом параграфе были произведены следующие переводческие трансформации.

1. Пассивные конструкции в первом и пятом латинском предложении изменены на активные: так, слова “chymicis experimentis docetur” («в химических опытах показывается») М.В. Ломоносов передаёт более естественным для русского уха образом «химические опыты показывают».

2. Конструкции, неуклюжие с точки зрения русского языка, упрощаются. Например, выражение «у холодных веществ, перемешанных между собой» заменяется более компактным «чрез смешение холодных тел», а столь же корявые в дословном переводе слова «разложение вскипает, причём вверх поднимаются обильные испарения» — гораздо более понятным предложением «крепкие водки... согреваются, пенятся и дым испускают».

3. Некоторые латинские слова в переводе были сняты: “oleum” («масло»), “subinde” («время от времени; часто»), “quodammodo” («в какой-то мере»), “quoque” («особенно»); в то же время в русском переводе добавлен ряд слов, отсутствующих в латинском тексте: «из сосуда», «другие» <крепкие водки>.

4. Сложные предложения были, по возможности, заменены простыми.

Так, большой латинский период “metalla dum in aqua forti solvuntur, tantus gignitur calor, ut solution fumis copiosissimis ascendentibus ebulliat”, в состав которого входят придаточные предложения времени “dum... solvuntur” (досл. «пока металлы растворяются в сильной воде») и следствия “ut solutio fumis copiosissimis ascendentibus ebulliat” (досл. «что разложение вскипает, причём вверх поднимаются обильные испарения»), М.В. Ломоносов перевёл

простым распространённым предложением «также и другие крепкие водки, распуская в себе металлы, согреваются, пенятся и дым испускают».

5. Наиболее существенным образом был переработан строй первого (со слов “*imo ipsa glacies*” («мало того, сам лёд...»)), второго и третьего латинских предложений, которые М.В. Ломоносов объединил в одну фразу, выпустив в переводе значительную часть третьего предложения; с другой стороны, он добавил отсутствующие в оригинале слова «также и лед теплоту производит».

6. Кроме того, был упрощён латинский термин “*lagena (lagoena) vitrea*” («узкогорлая стеклянная пузатая бутылка с ручками»), заменённый в переводе на «стеклянку» (склянку), т.е. небольшой стеклянный сосуд с горлышком, отсутствие ручек у которого препятствием для проведения опытов М.В. Ломоносов, по всей вероятности, не считал.

7. Упрощению подверглось и четвёртое латинское предложение (см. пункт 4), в котором более понятным для русского читателя образом — «железные опилки» — переведено длинное латинское выражение “*frustula chalybis vel ferri, quae Martis rasura nomine veniunt*” («кусочки стали или железа, которые идут под именем «опилки Марса»¹³).

8. Наконец, слова “*solutio Martis*” («разложение Марса») в переводе заменены глагольной формой «распускает».

Пример № 3

Corpora solida affricu incalescere notissimum est: sed inter rariora experimenta refertur, quod, si ferrum singulari quodam artificio cudatur, mallei ictibus ad angulum acutum factis, quemadmodum fieri solet, ubi chalybis atque silicis quoque collisione ignem excitamus, ipsum tandem prorsus excandescat (IV 1. § 117).

<i>Дословный перевод</i>	<i>Перевод М.В. Ломоносова</i>
<i>Очень широко известно, что твёрдые тела от трения нагреваются: однако среди довольно редких опытов записывается, что, если обрабатывать железо при помощи выдающегося мастерства, когда удары молота произведены под острым углом, как имеет обыкновение случаться, когда мы разжигаем огонь путём столкновения стали и кремня, в конце концов оно само совершенно раскаляется.</i>	<i>Сие очень известно, что твердые тела нагреваются, когда одно о другое будет терто; однако между редкими опытами сие почитается, ежели железо чрез особливое искусство так ковано будет, чтобы молоты по нем били вкось, как кремнем из огнива огонь высекают; ибо тогда железо докрасна раскаляется.</i>

¹³ Метонимия: Марс = железо.

М.В. Ломоносов значительно переработал вторую часть данного параграфа, представляющую собой сложноподчинённое предложение, которое состоит из главного предложения “*sed inter rariora experimenta refertur*” и непосредственно зависящего от него придаточного дополнительного “*quod... ipsum tandem prorsus excandescat*” с оборотом Ablativus Absolutus, в состав которого введены три придаточных предложения (условное, сравнительное и временное).

С целью добиться предельной ясности М.В. Ломоносов несколько изменил структуру придаточного предложения условного, введя в него отсутствующую в оригинальном тексте частицу «так» с тем, чтобы передать последующий оборот Ablativus Absolutus, явно имеющий временное значение, придаточным следствия. Придаточные же предложения сравнительное “*quemadmodum fieri solet*” и временное “*ubi chalybis atque silicis quoque collisione ignem excitamus*” он объединил в одно сравнительное предложение с использованием более привычных для русского читателя образов.

Так, вместо дословного перевода «когда мы разжигаем огонь путём столкновения стали и кремня» М.В. Ломоносов предлагает упрощённый и более понятный вариант «как кремнем из огнива огонь высекают»; вместо выражения “*ad angulum acutum*” («под острым углом») — наречие «вкось»; прилагательное в сравнительной степени “*rariora <experimenta>*” («довольно редкие» <опыты>) переводит просто как «редкие» <опыты>.

Кроме того, при переводе была изменена форма глагола-сказуемого: оригинальная форма “*excitamus*” («мы разжигаем») переведена неопределённо-личной формой «высекают».

Пример № 4

(1) *In his casibus omnibus non alia ratione produci posse calorem, quam quod materia calorifica seu ignis elementaris in corporibus latens (§ 110) ad motum concitetur, attentibus¹⁴ haud obscurum esse arbitramur.* (2) *Unde his experimentis perspicuum evadit, in unoquoque corpore dari quondam ignis elementaris quantitatem per massam ejus diffusam (IV 1. § 118).*

¹⁴ Слово *attentibus* в данном контексте не понятно; может быть, это опечатка и имеется в виду *attendentibus* (*participium praesentis activi D. pl. m* глагола *attendere*)? Во всяком случае, оно понято нами именно таким образом. В дословном переводе русский эквивалент взят в квадратные скобки и не учтён при анализе.

<i>Дословный перевод</i>	<i>Перевод М.В. Ломоносова</i>
(1) <i>Мы полагаем, что вряд ли не ясно [для тех, кто размышляет], что во всех этих случаях никаким иным образом теплота не может производиться, чем что дающая тепло материя или, иначе, элементарный/первичный огонь, скрытый в телах, в движение приводится.</i> (2) <i>Откуда из этих опытов явно следует, что в любом теле даётся некоторое количество первичного огня, рассредоточенного по его массе.</i>	(1) Отсюда явно быть кажется, что в сих случаях не иным каким образом теплота рождается, как только что огненная стихия, в телах сокровенная, в движение приведена бывает. (2) И чрез сии опыты явствует, что во всяком теле есть некоторое количество огненной стихии, по оному рассыпанный.

Первая фраза этого параграфа представляет собой период, в котором главное предложение “in his casibus omnibus non alia ratione produci posse calorem... attentibus haud obscurum esse arbitramur”, содержащее два оборота Accusativus cum infinitivo, разрывается длинным придаточным сравнительным “quam quod materia calorifica seu ignis elementaris in corporibus latens ad motum concitetur”.

Столь сложная структура фразы обуславливает громоздкий и неуклюжий дословный перевод. Поэтому М.В. Ломоносов был вынужден значительно его переработать, для чего первый оборот Accusativus cum infinitivo, соответствующий русскому придаточному дополнительному «что вряд ли не ясно», он объединил со сказуемым главного предложения «мы полагаем» в более краткую и категоричную, нежели в оригинале, конструкцию «отсюда явно быть кажется». Точно так же были объединены в одно сложное понятие «огненная стихия» термины “material calorifica seu ignis elementaris” («дающая тепло материя или, иначе, элементарный/первичный огонь»)¹⁵, а в выражении “in his casibus omnibus” («во всех этих случаях») опущено прилагательное “omnis” («весь, всякий»).

Во втором предложении были произведены небольшие языковые упрощения: дословное выражение «явно следует» (“perspicuum evadit”) М.В. Ломоносов заменяет словом «явствует»; «его масса» (“massa ejus”) — словом «оное».

Пример № 5

(1) Si vitrum conii truncate figuram referens et aqua plenum ad fenestram collocetur, casu saepius accidit, ut lumen Solis transmissum per refractionem in colores abeat, quales in iride observantur. (2) Quodsi

¹⁵ Или просто ignis elementaris.

vitrum nunc attolatur, nunc deprimatur, donec convenientem obtineat situm, in quacunque Solis altitudine refractione colores largitur. (3) Multo illustriores autem evadunt colores, lumine per prisma vitreum trigonum trajecto, praesertim si perspicuitate sese commendat et vitrum et experimentum in camera obscura capiatur. (4) Situm prismatis tentando desinere licet (V 2¹⁶. § 155).

<i>Дословный перевод</i>	<i>Перевод М.В. Ломоносова</i>
(1) <i>Если стекло, воспроизводящее форму урезанного конуса и полное воды, поставить на окно, ненароком довольно часто случается, что свет солнца, пропущенный путём изламывания, уходит в цвета, каковые наблюдаются в радуге.</i> (2) <i>Если это стекло то поднимать, то опускать, пока оно не достигнет подходящего положения, в какой бы то ни было высоте солнца изломление дарует цвета.</i> (3) <i>Но намного более яркими цвета выходят, когда свет пропущен через стеклянную треугольную призму, особенно если стекло зарекомендует себя прозрачностью, и опыт будет произведён в тёмной комнате со сводчатым потолком.</i> (4) <i>Положение призмы можно прекратив, испытывая.</i>	(1) Когда рюмка с водою на окне стоит, то часто не нарочно случается, что солнечный свет, в воде изломившись, в цветы переменяется, какие в радуге видны. (2) Рюмка с водою, в надлежащем положении будучи, всегда показывает цветы во всяком солнца повышении, что повышением и понижением рюмки сыскать можно. (3) Но цветы много чище выходят, ежели свет сквозь треугольный стеклянный брусок пропущен будет, а особливо ежели стекло очень чисто и опыт учинен будет в темной камерке. (4) Пристойное положение бруска сыскать можно, поворачивая его кругом.

В этом параграфе М.В. Ломоносов произвёл целый ряд переводческих трансформаций.

1. Прежде всего для латинских описательных конструкций он подобрал краткие русские эквиваленты: «рюмка с водою» вместо дословного «стекло (= стеклянный сосуд), воспроизводящее форму урезанного конуса и полное воды» (“vitrum conii truncate figuram referens et aqua plenum”); «рюмка с водою, в надлежащем положении будучи» вместо дословного «если это стекло то поднимать, то опускать, пока оно не достигнет подходящего положения» (“quodsi vitrum nunc attolatur, nunc deprimatur, donec convenientem obtineat situm”); «ежели стекло очень чисто и опыт учинен будет в темной камерке» вместо дословного «если стекло зарекомендует себя про-

¹⁶ Раздел V. «О оптических опытах». Гл. 2. «О цветах».

зрачностью, и опыт будет произведён в тёмной комнате со сводчатым потолком» (“si perspicuitate sese commendet vitrum et experimentum in camera obscura capiatur”).

2. Иностранные понятия были или заменены русскими эквивалентами: «брусок» вместо “prisma”¹⁷, «треугольный стеклянный брусок» вместо “prisma vitreum trigonum” («стеклянная треугольная призма»), — или вообще в переводе опущены (например, “refractio” «изломление»). Пассивные глагольные формы “attolatur” («его поднимают») и “deprimatur” («его опускают») заменены русскими отглагольными существительными «повышение» и «понижение».

3. Что касается синтаксических трансформаций, то они особенно заметны при переводе второго предложения. В оригинале оно представляет собой период, в котором главному предложению “in quacunque Solis altitudine refraction colores largitur” предшествуют два придаточных предложения: условное “quodsi vitrum nunc attolatur, nunc deprimatur” и временное “donec convenientem obtineat situm”.

4. М.В. Ломоносов совершенно меняет синтаксические связи внутри этого сложноподчинённого предложения и значительно упрощает его, так что в переводе оно состоит из главного «Рюмка с водою, в надлежащем положении будучи, всегда показывает цветы во всяком солнца повышении» и придаточного присоединительного [Касаткин, Клобуков, Лекант, 1991, с. 329—330] «что повышением и понижением рюмки сыскать можно».

5. Кроме того, в переводе добавлено слово «в воде <изломившись>», а слова “quod vitrum” («какое стекло»), исходя из контекста, заменено на «рюмку с водою».

6. Наконец, отметим такие изменения оригинального текста, как добавление наречия «всегда» во втором предложении и перевод сравнительной степени наречия saepius «довольно часто» более категоричным «часто».

Пример № 6

(1) Dudum quoque notatum est, magnetem ferro armatum fortius trahere non armato. (2) Sane Mersennus possedit magnetem, qui armatus IO. ferri libras attrahebat, cum non armatus non nisi semiunciam traheret (VI. 1¹⁸. § 211).

¹⁷ То есть однородная прозрачная среда, ограниченная несколькими пересекающимися плоскостями.

¹⁸ Раздел VI. «О разных смешанных опытах». Гл. 1. «О магнитных опытах».

Дословный перевод	Перевод М.В. Ломоносова
(1) Также давно замечено, что магнит, снабжённый железом, тащит сильнее не снабжённого. (2) Действительно, Мерсенн ¹⁹ имел магнит, который, будучи снабжён железом, притяги-вал десять фунтов, в то время как не снаб-жённый — только пол-унции.	(1) Уже давно примечено, что магнит, железом оправленный, сильнее притягивает. (2) Мерсенн имел такой магнит, который, не оправленный, три золотника, а будучи оправлен, десять фунтов притягивал.

Здесь мы встречаемся с ещё одним переводческим приёмом М.В. Ломоносова, направленным на создание более понятного для русского читателя текста, а именно: латинская аптекарская мера веса “semiuncia” («пол-унции» — около 13,6 г) заменена примерно соответствующей ей русской мерой «три золотника» (12,9 г)²⁰.

В то же время термин «фунт», использовавшийся и в русской весовой системе того времени, М.В. Ломоносов оставил без изменения. Правда, неясно, какой именно фунт он имел в виду, поскольку римский фунт (libra) составляет приблизительно 327,45 г, а русский — 409,5 г.

Строй второй фразы в русском переводе перевёрнут. Видимо, это сделано с целью сконцентрировать внимание читателя на более сильное действие «магнита, оправленного железом».

Пример № 7

Quodsi animalium in vacuo expirantium thoracem aperies, pulmones valde compressos et sinistram cordis auriculam sanguine plenissimam conspicies, ut adeo motus cordis ob nimium sanguinis affluxum et motus peristalctione venarum atque arteriarum ob nimiam a sanguine rarefacto (§ 256) expansionem stupet (VI. 4²¹. § 259).

Дословный перевод	Перевод М.В. Ломоносова
Если вскрыешь грудную клетку животных, умирающих в пустом пространстве, увидишь, что лёгкие сильно сжаты и что левое ушко сердца переполнено	Когда животных, без воздуха издохших, грудь распорешь, тогда увидишь, что легкое весьма стиснулось и что правое ушко сердца

¹⁹ Мерсенн Маренн (1588—1648) — французский математик, физик, философ и теолог. В частности, он произвёл множество самых разнообразных физических опытов. Более всего М. Маренн известен как исследователь так называемых «чисел Маренна», играющих важную роль в теории чисел, в криптографии и в генераторах случайных чисел.

²⁰ Подобная же замена произведена в § 41.

²¹ Гл. 4. «О опытах над животными, а особливо в безвоздушном месте».

Дословный перевод	Перевод М.В. Ломоносова
кровью, так что даже движение к сердцу вследствие слишком большого притока крови и движение из-за сокращения вен и артерий вследствие чрезмерного расширения от разреженной крови прекращается.	кровью чрез меру наполнено, так что от сего безмерного стиснения крови к сердцу движение оною воспящается, и сжатие жил и артерий от расширившейся крови (§ 256) перестает.

При анализе перевода этого параграфа внимание следует обратить прежде всего на то, что М.В. Ломоносов исправил допущенную в латинском тексте фактическую ошибку (неизвестно, авторскую или типографскую)²²: вместо оригинального “*sinistram* (выделено мною. — *И.Ш.*) *cordis auriculam*” («левое ушко сердца») в переводе исправлено «*правое* ушко сердца».

Структура фразы этого параграфа в целом сохранена, хотя в переводе придаточное условное заменено придаточным временным. В то же время М.В. Ломоносов несколько упростил русский текст: так, некоторые латинские слова он или вообще не перевёл, например, “*adeo*” («даже»), “*motus*” («движение»), или незначительно изменил: «без воздуха» вместо «в пустом месте» (“*in vacuo*”); «грудь» вместо «грудная клетка» (“*thorax*”); «лёгкое» вместо «лёгкие» (“*pulmones*”). Кроме того, глагол “*exspirare*” («испускать дыхание, умирать»), стоящий в латинском тексте в форме *participium praesentis activi* («умирающих»), переведён причастием прошедшего времени «издохших».

Подведём некоторые итоги нашего анализа.

В процессе перевода «Волфианской экспериментальной физики» М.В. Ломоносову пришлось преодолевать как обычные, так и специфические переводческие трудности. Под первыми имеются в виду те, которые обусловлены грамматическим строем латинского языка и с которыми неизбежно сталкивается переводчик любого античного текста вне зависимости от его жанровой принадлежности. Прежде всего это наличие особых синтаксических конструкций (*Nominativus/Accusativus cum infinitivo*, *Ablativus Absolutus*, etc.), не имеющих прямых аналогий в русском языке и потому требующих подбора соответствующих синтаксических эквивалентов [Шабага, 2009, с. 21—37.].

Особые приёмы используются и для перевода многочисленных латинских периодов, т.е. сложноподчинённых предложений, в которых придаточное предложение или ставится впереди главного, или вводится в его состав. При переводе на русский язык латинские периоды обычно дробятся на несколько самостоятельных предложений.

²² ПСС I. С. 581 (примеч. А.А. Елисеева).

Наконец, необычная с точки зрения русского языка сочетаемость латинских слов также требует особых приёмов их перевода на русский язык.

К этим обычным трудностям прибавились и трудности специфические, возникающие при работе с научным текстом. Главными из них сам М.В. Ломоносов считал те, которые связаны, во-первых, с недостаточной ясностью латинского текста Л.Ф. Тюммига, и, во-вторых, с выработкой русской научной терминологии.

Так, в Предисловии к своему переводу учёный написал: «Сократитель сих опытов (Л.Ф. Тюммиг. — *И.Ш.*) в некоторых местах писал весьма неявственно, которые в российском переводе по силе моей старался я изобразить яснее. Сверх сего принуждён я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако, надеюсь, что они со временем чрез употребление знакомее будут» [Ломоносов, 1950, с. 425].

Успешному разрешению первой проблемы способствовало то, что М.В. Ломоносов прекрасно владел научным материалом и мог правильно понять недостаточно ясно изложенные места в труде Л. Тюммига.

Над второй же проблемой, т.е. выработкой русской научной терминологии, ему пришлось работать очень напряжённо [Будилович, 1871, с. 105—151, 236—244]²³.

Посмотрим, какие русские эквиваленты были подобраны М.В. Ломоносовым для передачи соответствующих латинских терминов. Это удобно сделать при помощи приводимой ниже таблицы²⁴.

Латинский термин с дословным переводом	Термин, введённый М.В. Ломоносовым
1. <i>aqua fortis</i> (§ 116.5 ²⁵) <i>сильная вода</i> (алхим.)	крепкая водка (совр. азотная кислота)

²³ Проанализировав лексику М.В. Ломоносова на материале всех его стихотворных, а также трёх прозаических сочинений: «Краткое описание путешествий к Северным морям», «Волфианская экспериментальная физика» и «Описание кометы 1744 года», А.С. Будилович распределил её по следующим группам: 1. «Слова, употребительные и у нас, но в изменённом смысле»: например, «брусоч, воздушный канал, излом луча» (всего 362 слова); 2. «Слова, употребительные и у нас, но в изменённом виде»: «шелчинка» = шелковинка, «вертение» = круговращение, «зачнёт» = начнёт (всего 123 слова); 3. Архаизмы: «воспящается» = прекращается, «купно» = вместе, «едино есть» = всё равно (всего 144 слова); 4. Провинциализмы: «выкладка = вычисление» (всего 118 слов); 5. Иностранные слова и термины: «микроскоп, ватерпас, термометр, барометр, оптика, формула» и т.д. (всего 196 слов).

²⁴ См. также: *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1950. С. 581—591.

²⁵ После точки указывается порядковый номер предложения в данном параграфе.

<i>Латинский термин с дословным переводом</i>	<i>Термин, введённый М.В. Ломоносовым</i>
2. campana vitrea (§ 110.1) <i>кампанское стекло</i>	стеклянный колокол
3. chalybs <i>сталь</i> (§§ 116.4, 117)	сталь
4. cordis auricula <i>ушко сердца</i> (§ 259)	ушко сердца
5. ferrum <i>железо</i> (§§ 116.4, 117, 211.1)	железо
6. frustula chalybis vel ferri, quae Martii rasura nomine veniunt (§ 116.4) <i>кусочки стали или железа, которые идут под именем «опилки Марса»</i>	железные опилки
7. ignis elementaris (§ 118.1) <i>элементарный огонь</i>	огненная стихия
8. lagena vitrea (§ 116.3) <i>узкогорлые стеклянные пузатые бутылки с ручками</i>	стклянка (совр. стеклянный сосуд)
9. liquor (§ 110.1) <i>жидкость</i>	водка
10. magnes <i>магнит</i> (§ 211.1)	магнит
11. magnes ferro armatus (§ 211.1) <i>магнит, снабжённый железом</i>	магнит, железом оправленный (совр. ферромагнетик)
12. Mars <i>Марс</i> (бог войны)	железо (метонимия)
13. materia calorifica seu ignis elementaris (§ 118.1) <i>дающая тепло материя или, иначе, элементарный огонь</i>	огненная стихия
14. oleum terebinthinae (§ 116.2) <i>терпентинное масло</i>	скипидар
15. oleum vitrioli (§ 116. 1, 4, 6) <i>купоросное масло</i>	купоросная крепкая водка (совр. концентрированная серная кислота)
16. peristaltio <i>сокращение</i> (§ 259)	сжимание (совр. сокращение, перистальтика)

<i>Латинский термин с дословным переводом</i>	<i>Термин, введённый М.В. Ломоносовым</i>
17. prisma (§ 155.4) <i>призма</i>	брусочек (совр. призма)
18. prisma vitreum trigonum (§ 155.3) <i>стеклянная треугольная призма</i>	треугольный стеклянный брусочек
19. pulmones <i>лёгкие</i> (§ 259)	лёгкое
20. refractio (§ 155.1) <i>изламывание</i>	изломление (совр. рефракция)
21. semiuncia <i>пол-унции</i> (§ 211.2)	три золотника
22. silex (§ 117) <i>твёрдый камень, преимущественно кремь</i>	кремь
23. spiritus vini (§ 116.1) <i>винный спирт</i> (алхим.)	двойная водка (совр. этиловый спирт)
24. thorax <i>грудная клетка</i> (§ 259)	грудь (совр. грудная клетка)
25. vacuum <i>пустое <место></i>	колокол (§ 110.1) <место> без воздуха (§ 259) (совр. вакуум)
26. vitrum <i>стекло</i>	стекло (§ 155.3) стклянка (§ 116.3) рюмка (§ 155.2)
27. vitrum conii truncat figuram referens (§ 155.1) <i>стеклянный сосуд, имеющий форму усечённого конуса</i>	рюмка

Даже на этих немногих примерах мы видим, как напряжённо работал М.В. Ломоносов над выработкой русской научной терминологии, стремясь найти наиболее точный русский эквивалент латинских понятий. Например, из таблицы видно, что термин “vitrum” в зависимости от контекста М.В. Ломоносов переводил то как «стекло», то как «рюмка», то как «стклянка». Кроме того, термин «стклянка» в ином контексте переведено и выражение “lagena vitrea”.

Вообще же надо отметить, что большинство введённых М.В. Ломоносовым русских научных терминов представляет собой транс-

крипцию или транслитерацию соответствующих латинских терминов («атмосфера, микроскоп, селитра, горизонт, диаметр и т.д.»), а ряд понятий являются кальками с латинского («градусник, квадрат, кислота, равновесие и т.д.»).

Конечно, в научном обиходе закрепились не все предложенные учёным термины, однако его современникам используемые им русские эквиваленты были совершенно понятны.

Ещё одна труднейшая задача, стоявшая перед М.В. Ломоносовым, заключалась в том, чтобы сложный материал, полный незнакомых русскому читателю научных понятий и терминов, изложить предельно ясно и чётко. С этой целью он произвёл множество синтаксических и лингвистических трансформаций латинского текста.

Прежде всего М.В. Ломоносову очень часто приходилось изменять (полностью или частично) структуру сложноподчинённых латинских предложений, особенно периодов (§ 110.2; 116.1, 2, 3, 4, 5; 117; 118.1, 2; 155.2; 259).

Кроме того, им использовались следующие переводческие приёмы:

- 1) упрощение латинских терминов (§ 110.1, 2; 116.3; 118.1; 155.1, 2, 3);
- 2) выпуск отдельных слов, а в ряде случаев и частей оригинального текста (§ 110.1; 116.1, 2, 3, 6; 118.1, 2; 155.1; 259);
- 3) изменение формы слова (§ 117; 155.2; 259);
- 4) добавление слов в переводе (§ 110.1, 116.1, 5; 117; 155.1; 259);
- 5) замена латинских мер веса русскими (§ 211.2);
- 6) наконец, М.В. Ломоносову пришлось исправлять и фактические ошибки, вкрапившиеся в текст оригинала (§ 259).

В итоге всех этих переводческих преобразований появился компактный, ясный и понятный русский текст, доступный не только профессиональным учёным-физикам, но и студентам.

В начале статьи нами были перечислены те многочисленные области науки, толчок к развитию которых в России дал Михаил Васильевич Ломоносов. Добавим к ним ещё одну — научно-педагогическую — область, а именно создание первого переводного учебника по экспериментальной физике на русском языке.

Более того, чтобы создать этот учебник, М.В. Ломоносову пришлось не только проявить своё незаурядное мастерство переводчика, но и стать первопроходцем в области создания основ русского научного языка.

Список литературы

Будилович А. Ломоносов как писатель // Сборник материалов для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова. СПб., 1871.

Елисеев А.А., Литинецкий И.Б. М.В. Ломоносов. Первый русский физик. М., 1961.

Кононков А.Ф., Спасский Б.И. Ломоносов как физик. М., 1961.

Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. М., 1991.

Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 1: Труды по физике и химии. 1738—1746. М.; Л.: АН СССР, 1950.

Шабига И.Ю. Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу) / Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2009. № 2. С. 21—37.

Institutiones philosophiae Wolfianae, in usus academicos adornatae opera Ludovici Philippi Thümmigii, professoris matheseos et philos. ordinarii. Tomus prior / Editio nova. Francofurti et Lipsiae MDCCXXIX.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

В.А. Береснева,

кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», факультет лингвистики, кафедра романо-германской филологии; e-mail: avis@novo.kirov.ru

ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ СКРЫТОЙ СЕМАНТИКИ НА ОСНОВЕ МЕТОДА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА

На материале высказываний с немецким футуром I демонстрируется применение основных положений метода лингвистического синкретизма на этапе предпереводческого анализа с целью экспликации скрытой семантики для её последующей объективации в русском языке.

Ключевые слова: синкретичный языковой знак, скрытая семантика, предпереводческая экспликация, метод лингвистического синкретизма.

Victoria A. Beresneva,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Romance and Germanic Philology of the Faculty of Linguistics, Vyatka State University of Humanities, Russia; e-mail: avis@novo.kirov.ru

Pre-translation Explication of Covert Semantics through the Method of Linguistic Syncretism

Through the example of utterances containing the German tense form *Futurum I* the author demonstrates the basic principles of the method of linguistic syncretism at the stage of pre-translation analysis aiming at explicating the covert semantics for its further objectification in Russian.

Key words: syncretical language sign, covert semantics, pre-translation explication, method of linguistic syncretism.

В предыдущей статье [Береснева, 2010] мы высказали мысль о том, что успешность перевода синкретичного языкового знака предполагает прежде всего установление отобранной и актуализованной контекстом функции этого знака: в процессе анализа лингвистических и экстралингвистических контекстуальных средств переводчику необходимо выяснить, в пользу какой из заключённых в знаке как элементе языковой системы функций происходит «разрешение», т.е. устранение синкретизма. Мы также заметили, что абсолютно естественным и необходимым средством, используемым переводчиком для восприятия, понимания содержащего синкретичные языковые формы текста оригинала, является линг-

вистический синкретизм как метод объяснения происходящих в языке процессов парадигматического совмещения двух и более сигнификативных функций одним языковым знаком. В настоящей работе рассмотрим этот вопрос более подробно.

Сущность метода лингвистического синкретизма, находящегося в тесной связи с теорией синкретизма в языкознании, определяется кратко следующими основными положениями. В то время как язык служит формой объективации духовного (идеального), а духовному как одной из основных сфер бытия и самому бытию внутренне присуще единство, истоки языкового синкретизма восходят к онтологическому единству. С развитием научного осмысления действительности, строгой научной логики происходит обособление концептов, условное дробление единства мира. Ввиду того что ни один из концептов не может получить исключительного господства, они вынуждены искать для своего единства некоторый высший центр вне себя. Внутреннее единство образующих элементов органического целого в условиях вторичного восприятия реализуется в качественно новой, нерасчленённой, синкретической, превращённой форме. Обнаруживающаяся в рамках сознания би- и поликонцептность объективируется в языке как парадигматическое совмещение двух и более сигнификативных функций одним языковым знаком. Объединение в системе языка в общее целое сигнификативных функций языкового знака и составляет сущность лингвистического синкретизма. Синкретичность мышления вызывает синкретизм в языке.

В настоящей статье объектом исследования будет употребление временной формы футур I в немецком языке, которая, как мы покажем ниже, во внутрикатегориальном отношении включает в своём парадигматическом содержании наряду с сигнификативной функцией, тождественной денотативной функции данной временной формы, также сигнификативные функции, отражающие использование этой временной формы в первичной временной сфере употребления других временных форм. С целью показа приложимости выдвинутых постулатов о синкретической наполненности определённых языковых форм и её экспликации в переводе воспользуемся текстовыми фрагментами с немецким футуром I¹.

¹ Положения метода лингвистического синкретизма находятся в отношении взаимной обусловленности и общности. Но в конкретном синкретологическом исследовании не всегда требуется применение сразу всех положений метода. В этом случае не востребуемые положения, по словам А.М. Камчатнова, «присутствуют как бы имплицитно». А.М. Камчатнов говорит о не находящихся в конкретном герменевтическом исследовании применения категориях, образующих «логико-смысловую конструкцию слова» [Камчатнов, 1998, с. 101, 106—107]. Подробно теория синкретизма рассмотрена нами в [Береснева, 2011].

(1) “Gut”, sagte Schwamm, “ich **werde** das Bett **nehmen**” [Lenz, 1986b, S. 5];

(2) “Nur, wie Sie vielleicht **verstehen werden**, möchte ich wissen, mit wem ich das Zimmer zu teilen *habe...*” [ebd.];

(3) Als erster Angehöriger unseres Betriebes **werden** Sie gewiss unsere Arbeit mit Interesse **begleiten**; diese Schriften informieren Sie über Neuanfang und Aufstieg [Lenz, 1986c, S. 142];

(4) Er dachte an Anne, dachte: *jetzt wird* Evers bei ihr **sitzen** mit Bügelfalten und warmer Anteilnahme, **wird** ihr schonend **beibringen**, dass ihr Mann, einer unserer Besten, einem Unglücksfall zum Opfer fiel... [Lenz, 1986a, S. 63];

(5) “Der dicke Wirt *hat* einen Bruder”, sagte er. “Einen sehr jungen Bruder. Und der *fährt* einen roten BMW. Das **wird** wohl der Mann **sein**, den wir *suchen!*” [Nöstlinger, 1991, S. 73].

Очевидно, что лишь в первом предложении реализуется функция футура I, отражающая объективные свойства денотата: футуральность (будущность), неперфективность и неверифицированность на момент «актуального Теперь»². В остальных высказываниях обсуждаемая временная форма содержит одну из своих сигнификативных коннотаций, которая может быть обозначена как «презентный гипотетический футур I».

Производя предпереводческий анализ этих высказываний, мы выделяем два их типа. В первом типе высказываний различаются два случая реализации презентного гипотетического футура I. В первом случае должна быть ситуация, в которой на передний план выдвигается фатический (контактоустанавливающий) аспект [Malinowski, 1974, S. 350 ff.] (пример 2). Маркирование этого аспекта происходит за счёт присутствия шаблонных секвенций (ср., напр.: “wie Sie vielleicht verstehen werden” — «Вы же, наверное, понимаете» и т.п.). Можно сказать, что употребление самих шаблонных секвенций и выполняет фатическую функцию. Шаблонные секвенции малоинформативны и предположительно могут быть представлены в закрытом списке. Использование шаблонных секвенций является, по существу, попыткой установления или поддержания «контакта» со слушающим. Класс возможных глаголов ограничен глаголами типа *begreifen*, *bekannt sein*, *verstehen*, *verständigen (können)*, *wissen*, *zustimmen*, *einsehen*, *denken (können)*, *einigen (können)*, *glauben*, которые могут выступать в предикациях, относящихся в свою очередь к когнитивно-коммуникативным актам слушающего.

Кроме того, актуализация презентного гипотетического футура I обычно обеспечивается, как в нашем примере, соответствующей

речевой ситуацией и презентным окружением (см. также пример 1). Выражаемое временной формой предположение содержит допущение в отношении слушающего такого рода, что говорящий комментирует собственное высказывание с точки зрения слушающего. Признак «предположение (гипотетичность)» может эксплицироваться модальными выразительными средствами (в примере 2 — это наречие *vielleicht*), которые являются на первый взгляд более или менее избыточными, но все-таки диагностирующими скрытые синкретические значения [Dittmann, 1976, S. 213; Gelhaus, 1975, S. 129; Helbig, 1987, S. 154]. Поэтому они избыточны в той мере, что выражение предположения является обеспеченным в том случае, если высказывания с футуром I интерпретируются как соотносящиеся с настоящим (ср. также: [Москальская, 1975, с. 97]). Посредством же модальных выразительных средств уточняется степень уверенности или неуверенности.

Во втором случае наряду с фактическим аспектом также сообщается определённая информация (пример 3). В качестве средства отбора и актуализации рассматриваемой сигнификативной функции футура I выступает в вышеприведённом высказывании коммуникативная ситуация. В такого рода вербализациях не используются шаблонные секвенции, и предикация не ограничена когнитивно-коммуникативными актами; речь, скорее, идёт об обобщённо-когнитивных актах, в отношении которых высказывается предположение, касающееся настоящего. Признак «предположение» может эксплицироваться модальными средствами (в нашем примере — это наречие *gewiss*), которые являются избыточными в той же мере, что и в высказываниях первого случая. Необходимость выделения когнитивных актов из общего числа возможных действий объясняется тем, что в интеракции “face-to-face” представляется невероятным, что предположения о некогнитивных действиях выдвигаются партнёрами по коммуникации в отношении настоящего [Wunderlich, 1970, S. 138].

Во втором типе высказываний, не содержащих обращения к собеседникам, нет ограничений в отношении предполагаемых событий: возможна как ссылка на лица, так и на предметы. Речь снова идёт о предположении в отношении настоящего. Актуализация данной функции обеспечивается в примере 4 обстоятельством времени *jetzt*, а в примере 5 — презентным окружением. Признак «предположение» эксплицируется в пятом примере модальным наречием *wohl*. Модальные выразительные средства во втором типе высказываний также более или менее избыточны в означенном выше смысле.

Как мы могли наблюдать в примерах 2—5, в определённых контекстуальных условиях футур I способен подобно презенту в пер-

² Данный термин мы используем вслед за Э. Гуссерлем [Гуссерль, 1994, с. 38].

вичной функции выражать презентное неперфективное событие/бытие³, которое при этом, однако, в отличие от соответствующего события/бытия, выражаемого презенсом, лишь предполагается. Внутреннее свободное единство концептов «будущее относительно актуального момента» и «настоящее относительно актуального момента» реализуется как превращённое образование, концепт «предполагаемое настоящее», которому свойственна синкретичность, нерасчленённость (ср.: «настоящее» + «предположение»), проистекающая из синкретичности отражения нами объективной реальности. Полагаем, что происхождение модального признака «предположение», равно как и описываемое употребление футура I в целом, обусловлено денотативным содержанием этой формы, а именно: модальным признаком «неверифицированность на момент актуального Теперь» (ср. по этому вопросу мнение других исследователей, напр.: [Шендельс, 1970, с. 60—61; Schmidt, 1967, S. 222—223]). Форма футура I придаёт сообщаемому событию/бытию некоторый оттенок неуверенности, степень которой может уточняться посредством модальных наречий (*wohl, vielleicht, wahrscheinlich, freilich, gewiss, sicher* и т.д.).

Далее рассмотрим группу высказываний, в которых футур I выступает ещё с одной сигнификативной коннотацией. Это употребление футура I в сфере прошлого, которое нередко называется «историческим» или «повествовательным» (ср., напр.: [Жеребков, 1988, с. 164; Fabricius-Hansen, 1986, S. 145; Saltveit, 1970, S. 146; Steube, 1980, S. 27]). В случае «действительно вос-производящего, повторяющего воспоминания» [Гуссерль, 1994, с. 40] говорящий/пишущий как бы переносится в прошлое, и моментом Теперь считается (но лишь считается!) некоторый момент в прошлом, исходя из которого и осуществляется отсчёт времени. Событие/бытие, которое воспринимается относительно момента этого фиктивного Теперь как футуральное, обозначается футуром I, если говорящий/пишущий намерен представить это событие/бытие как неперфективное с точки зрения аспекта (вида):

(1) *Im Jahr 44 wird* Charlotte Jordan öffentlich — das heißt in ihrem Ladengeschäft — ...verlauten **lassen**: Den Krieg haben wir verloren, das sieht doch ein Blinder mit dem Krückstock [Wolf, 1983, S. 217—218];

(2) Es *war* ein Hitzetag wie dieser 10. Juli des Jahres 1971. Ja, die Luft *war* flüssig wie heute und *roch* nach heißem Sand und Beifuß und Schafgarbe, und in der Kartoffelfurche *fand* Nelly ihren Körperabdruck vor, eine Form, in die sie *sich legte* wie in einen Sarg. Du aber, neunundzwanzig Jahre später, **wirst** dich fragen **müssen**, wie viel verkapselte Höhlen ein Gedächtnis aufnehmen kann, ehe es aufhören muss zu funktionieren [ebd., S. 94—95];

(3) Hermann Menzel, einundsiebzig Jahre alt. Zum Sterben *hat* er eine schmale Kammer für sich allein, das *kennt* Nelly schon. Als sie *eintritt, ist* der Raum erfüllt mit seinem Röcheln. <...> Das Rasseln und Röcheln, als käme es nicht von ihm. Nelly *bleibt* an den Türrahmen gelehnt stehen. Sie *fasst* ihren Großvater nicht *an* — wie sie später die tote Großmutter, die tote Mutter **berühren wird** — es *scheint* ihr unmöglich [ebd., S. 500];

(4) Beim Essen mit dem Generalsekretär trifft Kinkel auch den Präsidenten der 51. Generalversammlung, Ismail Razali, der außerdem Malaysias UN-Botschafter ist. Razali habe ihn mit seiner zupackenden Art und seinem Selbstvertrauen sehr beeindruckt, **wird** Kinkel abends den Journalisten **berichten** [Schuler, 1996, S. 5].

Отбор и актуализация исторического футура I осуществляются в вышеприведённых высказываниях посредством обстоятельства времени (пример 1), претеритального окружения футура, создающего атмосферу прошлого (пример 2), совместного употребления с историческим презенсом (пример 3), ввелингвистического контекста (пример 4).

То, что футур I в данной сигнификативной функции выражает событие/бытие, которое может быть охарактеризовано как будущее относительно некоторого фиктивного момента Теперь в прошлом, часто манифестируется с помощью дополнительных языковых средств. В наших примерах такими средствами являются обстоятельства *neunundzwanzig Jahre später, später, abends*. Очевидно, эти лексические средства не имеют никакого отношения к системе временных форм. Их функция — вторично-эксплицирующая. Они относятся к другой темпоральной системе, а именно к лексико-хронометрическому счислению.

Футур I здесь употребляется в первичной временной сфере функционирования претерита. Следует, однако, подчеркнуть, что прошлое, изображаемое претеритом, и прошлое, представляемое историческим футуром I, неидентичны. Благодаря наличию в денотативном содержании формы футура I темпорального признака «футуральность, будущность» рассказчик посредством применения исторического футура I может выразить своеобразное классическое будущее в прошедшем, описать прошлое ярко, выразительно.

Заметим также, что футур I в рассматриваемом употреблении утрачивает модальный признак «неверифицированность на момент актуального Теперь» по той простой причине, что речь о данном признаке может идти только в случае обозначения футуром реального будущего, будущего события/бытия, интерпретируемого так относительно момента актуального Теперь.

Итак, на примере временной формы футур I мы могли видеть, как лингвистический и экстралингвистический контекст в соот-

³ Термин «событие/бытие» заимствован нами у В. Бартша [Bartsch, 1980, S. 27].

ветствии с общим коммуникативным заданием речи отбирает и реализует заключенные в языковом знаке заранее различные сигнификативные функции. Функция футура I по выражению будущего относительно актуального момента события/бытия воплощает первичную объективную информацию. Функции же выражения футуром I настоящего и прошлого обнаруживают интерпретацию вторичной информации, опосредованной первичной информацией, т. е. концептуальные тропы, и выступают в качестве языковых тропов, коннотаций.

Наши интерпретации языка подтверждают его статус как формы общественного познания, как способа объяснения и воплощения единства мира. Язык при этом не забывает эксплицировать, дифференцировать и коннотативно нагружать, т.е. переводить на субъективный уровень это познание единства мира.

Предпереводческое владение хотя бы основными моментами метода лингвистического синкретизма вносит, очевидно, определённый вклад в решение вопроса истолкования смысла синкретичного языкового знака в переводе.

Список литературы

- Береснева В.А.* К вопросу о переводе синкретичных языковых форм // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 4. С. 73—79.
- Береснева В.А.* Лингвистический синкретизм: онтология и гносеология / Отв. ред. В.А. Татаринев. Киров: ОАО «Первая Образцовая типография», филиал «Дом печати — ВЯТКА», 2011. 246 с.
- Гуссерль Э.* Собр. соч. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени / Пер. с нем.; сост., вступ. ст., пер. В.И. Молчанова. М.: Гнозис, 1994. 192 с.
- Жеребков В.А.* Стилистическая грамматика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1988. 222 с.
- Камчатнов А.М.* История и герменевтика славянской Библии. М.: Наука, 1998. 223 с.
- Москальская О.И.* Теоретическая грамматика современного немецкого языка. 2-е изд., доп. М.: Высшая школа, 1975. 368 с.
- Шендельс Е.И.* Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М.: Высшая школа, 1970. 208 с.
- Bartsch W.* Tempus, Modus, Aspekt. Die systembildenden Ausdruckskategorien beim deutschen Verbalkomplex. Frankfurt am Main; Berlin; München: Diesterweg, 1980. 135 s.
- Dittmann J.* Sprechhandlungstheorie und Tempusgrammatik. Futurformen und Zukunftsbezug in der gesprochenen deutschen Standardsprache. München: Max Hueber Verlag, 1976. 296 s.

- Fabricius-Hansen C.* Tempus fugit: über die Interpretation temporaler Strukturen im Deutschen. 1. Aufl. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann Bagel GmbH, 1986. 404 s.
- Gelhaus H.* Das Futur in ausgewählten Texten der geschriebenen deutschen Sprache der Gegenwart. Studien zum Tempussystem // Heutiges Deutsch. Reihe I: Linguistische Grundlagen. Bd 5. München: Max Hueber Verlag, 1975. 308 s.
- Helbig G.* Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1987. 737 s.
- Malinowski B.* Das Problem der Bedeutung in primitiven Sprachen // Ogden C.K., Richards I.A. Die Bedeutung der Bedeutung. Eine Untersuchung über den Einfluss der Sprache auf das Denken und Symbolismus. Frankfurt, 1974. S. 323—384.
- Salvzeit L.* Synonymik und Homonymie im deutschen Tempussystem // Sprache der Gegenwart. Bd 6. Studien zur Syntax des heutigen Deutsch. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1970. S. 137—153.
- Schmidt W.* Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. Berlin: Volk und Wissen volkseigener Verlag, 1967. 323 s.
- Steube A.* Temporale Bedeutung im Deutschen // Studia grammatica. XX. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. 219 s.
- Wunderlich D.* Tempus und Zeitreferenz im Deutschen // Linguistische Reihe. Bd 5. München: Max Hueber Verlag, 1970. 358 s.

Источники

- Lenz S.* Der Anfang von etwas // Lenz S. Der Anfang von etwas. Erzählungen. 2., erw. Aufl. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1986a. S. 50—64.
- Lenz S.* Die Nacht im Hotel // Lenz S. Der Anfang von etwas. Erzählungen. 2., erw. Aufl. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1986b. S. 5—8.
- Lenz S.* Nachzahlung // Lenz S. Der Anfang von etwas. Erzählungen. 2., erw. Aufl. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1986c. S. 135—151.
- Nöstlinger Ch.* Die Ilse ist weg. Berlin; München: Langenscheidt KG, 1991. 103 s.
- Schuler Th.* Diplomatische Kanäle am East River // Deutschland in den Vereinten Nationen. 1996. N 6. S. 4—7.
- Wolf Ch.* Kindheitsmuster. 8. Aufl. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1983. 534 s.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

А.А. Корниенко,

профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации Пятигорского государственного лингвистического университета; e-mail; sental@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ РАССКАЗЧИКА И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Статья посвящена проблеме выделения видов и типов категории рассказчика в современном нарративном французском тексте и роли, которую тип данной категории играет при переводе с французского на русский язык. Выделены следующие типы и виды рассказчика: повествующий, комментирующий, свидетель-комментатор и нулевой рассказчик. Выявление зависимостей между особенностями нарративного письма и конкретным типом рассказчика, а также осознание степени его участия в продуцировании современного текста обеспечат успешность поисков адекватных форм в целевом языке и во всей переводческой деятельности.

Ключевые слова: рассказчик (повествующий, комментирующий, коммуницирующий, нулевой, свидетель-комментатор), тип повествования, текстообразование, говорящий субъект, нарративный текст, трансформация, персонаж, читатель, полифония, смысл.

Alla A. Kornienko,

Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of French Philology and Cross-cultural Communication, Pyatigorsk State Linguistic University, Russia; e-mail: sental@mail.ru

Typology of the Narrator and Translation Issues

This article analyzes various forms and types of the Narrator category in the modern narrative French text as well as the role each particular type plays in translation from French into Russian. There have been identified such forms and types of the Narrator as: story-telling, commenting, communicating, eyewitness-commentator and zero-narrator. Identification of the interdependence between narrative writing particularities and a specific type of the Narrator as well as the perception of his/her role in the production of a modern text will facilitate the search for equivalents in the target language and in translation activity as a whole.

Key words: narrator (story-telling, commenting, communicating, zero, eyewitness-commentator), narration type, text production, speaker, "speaking subject", narrative text, transformation, character, polyphony, meaning.

Перевод современного французского художественного текста представляет собой серьёзную проблему для переводчиков в связи с изменившимися конфигурациями местоимённых, адвербиальных и временных форм, зачастую типичных только для французского

языка и практически не встречающихся в русском. Таковой является, например, французская наррация с неопределённо-личным местоимением "on" в качестве рассказчика. Эквивалент данного местоимения не представлен ни в русском, ни в большинстве других индоевропейских языков. Текст с рассказчиком "on" имеет отличную от других, характерную только для него форму подачи нарративной информации.

Свои собственные характеристики имеют и тексты, построенные на новых сочетаниях времён, местоимений и наречий ("Il + Présent/Passé composé + ici/maintenant", "Je + Passé simple-là/là-bas/ alors // Il + Présent/Passé composé/ ici/maintenant") и образующих парадигмы «я + здесь + сейчас», «я + здесь + всегда», «вы/ты + здесь + сейчас», «он + здесь + сейчас» и т.д. [Молчанова, 2008, с. 12—13].

На базе новых парадигм образуются новые виды рассказчиков, изучение которых является одной из широко разрабатываемых в нарративной лингвистике проблем: выявление типов и форм рассказчика, установление выполняемых им в тексте функций, определение механизма участия данной категории в процессе текстопродуцирования и ее влияние на жанровую принадлежность текста.

Интерес к данному кругу вопросов обусловлен прежде всего вниманием современной науки к человеку «говорящему»: как он выражает свои мысли, как он их скрывает, как ему удастся, говоря одно, сказать нечто противоположное и т.д. В формате лингвистического подхода исследуются грамматические категории, имена и структуры, диктующие говорящему выбор формы, которая наилучшим образом соответствует тому, что он желает выразить, чем и как желает поделиться с собеседником.

В лингвистических исследованиях, посвящённых тексту, говорящий субъект определяется как рассказчик и признается основной категорией текста, без которой последний не может существовать, так как историю персонажей кто-то должен рассказывать [Genette, 1983, s. 67—68].

Вместе с тем наши исследования свидетельствуют о том, что современное повествование не обязательно является диегетическим, т.е. построенным на категории рассказчика, но может быть основано на принципах мимезиса, т.е. текст может быть произведён исключительно на высказываниях персонажей. Данный тип текстообразования приводит к производству многоголосого, полифонического текста, в котором рассказчик как организующая инстанция, как инстанция, объединяющая все повествовательные нити в единый рассказ, отсутствует полностью, так как отсутствует *голос, ведущий повествование* [Корниенко, 2007, с. 344].

Уже один только этот факт побуждает к переосмыслению категории рассказчика, к уточнению его функций и характеристик, что и является темой предлагаемой статьи.

Исследования последних лет позволяют признать в качестве фундаментальной и универсальной категории текста любого вида и типа категорию «говорящего субъекта», предложенную и разрабатываемую в рамках лингвистики высказывания, потому что любой текст представляет собой предмет, сконструированный и созданный говорящим субъектом (Ш. Балли, Ж. Дамуретт и Э. Пишон, А. Рабатель и др.).

Данная категория лежит в основе типологии текстов. В зависимости от типа текста говорящий субъект либо излагает мысли от собственного имени (реальный автор текста), либо, говоря от имени маски, выполняет функцию рассказчика (фиктивного производителя текста).

Функция говорящего субъекта определяет тип текста и в некоторой степени его жанр: говорящий субъект в роли рассказчика создаёт художественный текст, в роли реального автора — не художественный: в научном тексте говорит учёный, в юридическом — специалист в области права, в газетной статье — журналист, политолог, экономист и т.д., и все от своего собственного имени.

В художественном тексте роль создателя берет на себя рассказчик, основная функция которого заключается в самом факте рассказывания.

Однако в современной литературе рассказчик не всегда и не обязательно рассказывает, т.е. ведёт повествование о некоей истории. Он также комментирует и коммуницирует, и в этом случае он уже не может считаться рассказчиком в начальном смысле слова, так как он не *рассказывает*.

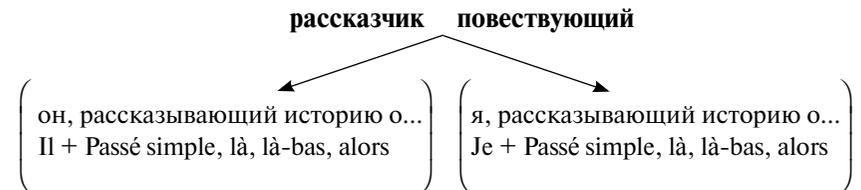
Функцию рассказывания он выполняет только тогда, когда, как отметил в своё время Э. Бенвенист [Бенвенист, 1974, с. 270—284], он коррелирует с нарративными местоименно-временными и адвербиальными формами. Эта ситуация прекрасно иллюстрируется на материале французского языка, в котором имеется группа времен, наречий и местоимений, используемых в процессе создания *рассказа* как типа повествования.

Идеальным нарративным местоимением во французском языке признается форма “il” (местоимение третьего лица единственного числа — «он»), которая в сочетании с Passé simple (аорист) и с наречиями là, là-bas и alors (там и тогда), производит наррацию (повествование об истории персонажей).

Однако местоимение первого лица единственного числа “je” («я») также используется для продуцирования наррации с перечисленными выше временными и адвербиальными формами, особенно данная местоименная форма характерна для классической наррации, для канонического художественного текста. При этом “je” используется и с временными и адвербиальными формами другой группы — так называемыми комментирующими формами [Weinrich, 1973, s. 306] — Passé composé (перфект), ici (здесь) и maintenant (сейчас). Текст, произведенный на категориях этой группы, определяется Э. Бенвенистом как речь (la parole), Х. Вайнрихом — как комментируемый мир.

Таким образом, опираясь на логику теорий Э. Бенвениста и Х. Вайнриха, возможно выделить три вида рассказчика: рассказчик повествующий, рассказчик комментирующий и рассказчик коммуницирующий.

Рассказчик повествующий обозначается двумя местоименными формами: «он» и «я», обе коррелирующие с одними и теми же временами и наречиями (Passé simple, là, là-bas, alors):

Повествующие «он» и «я» выполняют одну и ту же функцию — они продуцируют «рассказ о...»: о событии, о себе, об участниках истории, которая имела место давно и от которой их отделяют значительное пространство и время. У них одинаковые отношения с читателем — они с ним не беседуют, интрига развивается независимо от степени участия в её производстве данного актанта. Сфера читателя в таком тексте незначительна, так как он лишь наблюдает за развитием действия, но не выступает её соавтором.

При этом локализация «я» и «он» в определённой степени различна: первый рассказывает историю, развивающуюся на близком от него расстоянии, иногда собственную историю; второй рассказывает историю персонажей, находясь в неизвестном месте, «везде и нигде», откуда и проистекают другие различия психологического и когнитивного свойства, но оба выполняют одну и ту же функцию — ведут «рассказ о...».

Я рассказывающий, как и *он рассказывающий*, выстраивает рассказ о... себе, персонажах, событии, которые его касаются непосредственно, но при этом, несмотря на местоименную форму первого

лица, он не нуждается в участии читателя в процессе продуцирования текста.

Рассказчик комментирующий также может иметь форму «я», но он коррелирует в тексте с перфектом и наречиями «здесь» и «сейчас»:

рассказчик комментирующий

Je + Présent/Passé composé + ici et maintenant

Я комментирующий не имеет возможности сконструировать рассказ о..., так как находится внутри события, момент события и момент рассказа о нем совпадают, поэтому получается фрагментарное, эмоциональное повествование, часто обладающее сенсорной и/или визуальной характеристикой.

Сохраняя терминологию Х. Вайнриха, считаем возможным обозначить его как «комментирующего», так как он говорит здесь и сейчас о том, что в этот момент происходит. Впрочем, нарративное событие может произойти ранее, но, выбирая рассказчика комментирующего, автор представляет данное событие как одновременное с моментом высказывания.

Я комментирующий говорит в первую очередь для себя, стараясь понять, осознать нечто из своей жизни, выплеснуть эмоции и размышления наружу, зачастую чтобы избавиться от них. Читатель для него значим в той степени, в какой ему нужен слушатель, смысл присутствия которого заключается в выполнении функции «жилетки» — выслушать, погладить по головке, вместе погоревать. Но своё повествование *я комментирующий* строит, не вводя читателя-«жилетку» в текст, не обращаясь к нему. «Ты», либо какое другое местоимение, обозначающее партнёра по коммуникации, отсутствуют. *Я комментирующий* говорит не для читателя, а в его присутствии.

Его наррация не развивается плавно и логично, так как у него нет времени на обдумывание и конструирование «рассказа о...», она отрывочна и зачастую визуализирована (рассказываю, что вижу). От *я, рассказывающего историю о...*, его отличает то, что он представляет себя не как персонажа, а как персону, как личность (терминология А. Bansfildе et M. Zérafа), живущую и чувствующую сегодня и сейчас. При этом он не пытается вести разговор с персонажем текста или с читателем, он, скорее, себя ему показывает и о себе рассказывает.

К этой же группе рассказчиков относится *свидетель-комментатор*, т.е. рассказчик, который, будучи обозначенным местоиме-

нием третьего лица «он», коррелирует с комментирующими адвербиально-временными формами:

рассказчик — свидетель-комментатор

Il + Présent/Passé composé + ici et maintenant

Свидетель-комментатор находится где-то рядом с персонажами, их разделяет минимальная дистанция, он даже может находиться внутри нарративной ситуации. Как и *я комментирующий*, он говорит о том, что попадает в фокус его видения. Он эмоционален: он переживает, сомневается, предполагает, так как не обладает когнитивными компетенциями *он рассказывающего*.

Рассказчик коммуницирующий строится на тех же грамматических формах, что и *рассказчик комментирующий*, образуя парадигму “Je + Présent/Passé composé + ici et maintenant”. При этом он отличается от *рассказчика комментирующего* тем, что производит текст в виде ярко выраженной беседы с адресатом, функцию которого в подобных текстах может выполнять сам рассказчик, или некий персонаж, или читатель, которого он вводит в текст в качестве своего собеседника. Являясь сам персонажем, он беседует с другими персонажами, сам с собой или с читателем и может принимать формы «вы», «ты», «мы» или во французском языке форму неопределённо-личного местоимения “on”.

В результате проведённого анализа было установлено, что рассказчики «ты» и «вы» беседуют с собой, рассказчики «мы» и “on” беседуют с читателем.

Воспроизведение ситуации коммуникации возможно в связи с тем, что местоимения «вы», «ты», «мы» и “on” содержат в своей семантической структуре местоимение «я». Это «я» в зависимости от местоимённой формы ведёт беседу, обращаясь к себе, к «ты/вы»-собеседникам, а также ко всем, кто думает и ощущает мир, как «я», в тех случаях, когда рассказчик обозначен формой “on” [Корниенко, 2000, с. 170—237].

Я коммуницирующий говорит для партнёра по общению, ожидая его реакции, предвидя её, рассчитывая на неё. Он в определённой степени зависит от его понимания, сочувствия, поэтому задаёт вопросы своему собеседнику: собственному отражению в зеркале, своему виртуальному образу подростка, другому персонажу или читателю, которого он вводит эксплицитно в текст в форме «ты», «вы», “on”. Читатель, благодаря этому, становится неотъемлемой частью текстовой структуры, его со-рассказчиком.

Большой интерес представляет собой текст, в котором, как упоминалось выше, рассказчик отсутствует, назовём его *нулевой рассказчик*. В нем отсутствует собственно факт рассказывания, что нарушает принцип расположения событий на оси трансформации, здесь также нет самой трансформации — не происходит превращения начальной ситуации в финальную. Трансформация заменена на общение между собой множества коммуникантов. Голоса актёров-участников коммуникативной ситуации производят выраженный эффект полифонии: читатель «слышит» голоса персонажей и «видит» нарративную историю как происходящую у него на глазах.

Анализ фактического материала позволил выявить набор категорий и средств, которые в определённой степени позволяют организовать художественный текст без участия рассказчика, перераспределив между собой его функции.

К ним в первую очередь относится семантико-тематическое единство. Все участники коммуникации в этом случае говорят об одном и том же событии (предстоящая встреча, проводы на пенсию, безработица), вокруг которого разворачивается дискуссия. Ответственность за понимание истории ложится на читателя, который и должен самостоятельно составить для себя рассказ, основываясь на репликах беседующих между собой персонажей.

Суперструктура текста с *нулевым рассказчиком* образована исключительно *коммуникативными единствами*, что радикально отличает её от структурной организации текстов с *повествующим, комментирующим и коммуницирующим рассказчиками*, речь которых состоит из разного рода единств: нарративных, дескриптивных, визуальных, коммуникативных и т.д.

Организация современных нарративных французских текстов с новыми типами и формами рассказчика требует от переводчика особого внимания при переводе текста-источника, чтобы передать его особенности в целевом тексте, потому что, модифицируя текст в языке оригинала, они добавляют новые смыслы и производят многочисленные смысловые эффекты. Художественные тексты канонического свойства приучили читателя быть пассивным субъектом в процессе текстопорождения, современное же литературное письмо предполагает его активное участие, делает его со-рассказчиком. Представляется, что данный факт должен обязательно найти своё отражение в целевом тексте, что потребует новых способов перевода на русский язык.

Если произошедшие изменения касаются категории читателя и находят своё выражение в новых формах и типах рассказчика, то позволю себе предположить возможность того, что и характер переводческой деятельности также в некоторой степени модифицировался. Переводчик, являясь одновременно и читателем текста-ис-

точника, также берет на себя выполнение функции со-рассказчика с тем, чтобы максимально приблизиться к созданию типа рассказчика, адекватного рассказчику в тексте оригинала.

Выявление зависимостей между элементами всевозможных конфигураций текстообразующих категорий, осознание степени их участия в продуцировании нарративного письма нового типа и их влияния на жанровую принадлежность текста обеспечат успешность поисков адекватных форм в целевом языке и во всей переводческой деятельности.

Список литературы

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

Корниенко А.А. Нарративный текст без рассказчика // Мат-лы 2-й Междунар. науч. конф. «Исследования в области французского языка и французской культуры. Текст: проблемы смыслопорождения, перевода, преподавания». 26—27 апреля 2007 г. Пятигорск, 2007. С. 136—145.

Корниенко А.А. Современная французская новелла в поисках новых форм. Семио-лингвистическое исследование. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2000.

Корниенко А.А. Ситуация общения как элемент нарративной техники в современном французском новеллистическом тексте // IV Междунар. науч. конф. «Язык, культура, общество». Москва, 27—30 сентября 2007 г.: Тез. докл. М., 2007. С. 344.

Молчанова Н.А. Особенности функционирования комментирующих и нарративных времён и их роль в продуцировании современной французской наррации: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.

Genette G. Nouveau discours du récit. Paris; Seuil, 1983.

Weinrich H. Le temps. Paris; Seuil, 1973.

Т.М. Шомахова,

профессор кафедры романских языков Кабардино-Балкарского
государственного университета им. Х.М. Бербекова; e-mail: shomakhova@rambler.ru

ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВОКОНЦЕПТА *СОВЕСТЬ* В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА (на материале современного французского языка)

В данной статье рассматривается структурно-семантическая парадигма как средства эквивалентности перевода лингвоконцепта *совесть* в современном французском языке. Раскрываются смысловые компоненты, структурирующие лингвоконцепт *совесть*, смысловое содержание которых может быть реализовано не только в когнитивных, коммуникативных и прагматических функциях языка, но и через текст перевода, который на современном этапе становится объектом научных исследований в области семантической теории перевода. Структурируется семантико-когнитивная модель лингвоконцепта *совесть* с учётом прагматических отношений *ядро* ↔ *периферия*, способствующих наиболее чёткому и полному переводу семантики лексических единиц языка.

Ключевые слова: семантическая теория перевода, лингвоконцепт, структура, парадигма, смысл, совесть.

Tatyana. M. Shomakhova,

Professor at the Department of Romance Languages, Kabardino-Balkarian State University, Russia; e-mail: shomakhova@rambler.ru

Reflection of the Linguoconcept *Conscience* in Sematic Translation Theory (Based on Modern French)

This article analyses the structural and semantic paradigm as a means of appropriate translation of the linguoconcept *conscience* in the French language. It reveals the meaningful and structural components of the linguoconcept *conscience*, which can be realized not only in cognitive, communicative and pragmatic language functions but also through the translated text which is becoming nowadays the semantic translation theory's subject matter. The semantic and cognitive model of the linguoconcept *conscience* is structured considering the paradigmatic relations nucleus ↔ periphery that contribute to a more precise and complete translation of the semantics of lexical units.

Key words: semantic translation theory, structure, paradigm, sense, concept, conscience.

Большой интерес, проявившийся в последнее время к взаимодействию семантики, смысла и перевода, связанных с семантической структурой слова, объясняется лингвистами тем, что в тексте перевода раскрываются смысловые компоненты, структурирующие те или иные лингвоконцепты, смысловое содержание которых может быть реализовано не только в когнитивных, коммуникативных и прагматических функциях языка, но и в соотношении исходного текста и текста перевода, которые на современном этапе

становятся объектом научных исследований в области семантической теории перевода.

Действительно, проблема не нова и, согласно истории перевода восходит к Цицерону и Св. Иерониму [Гарбовский, 2009, с. 22; Костикова, 2011, с. 368]. Как отмечает Н.К. Гарбовский, если мы зададимся целью передать в переводе всю полноту семного состава исходного высказывания, в силу естественной асимметрии лексико-семантических систем возникает множество новых элементов смысла, отсутствующих в оригинале [Гарбовский, 2008, с. 43]. В таком случае перед исследователями возникает ещё одна проблема по семантической концепции У. Куайна, передачи *осмысленных выражений* (курсив мой. — Т.Ш.) структуры (цит. по: [Фесенко, 2002, с. 39]), а именно внутренней структуры слова. В этой связи нельзя не согласиться с А.В. Вдовиченко в том, что единицы смыслообразования предметны и уже по известной в античности схеме смыслообразования в речи происходит, по Соссюру, благодаря словам (или «языковым единицам»), в которых представлены понятия [Вдовиченко, 2008, с. 101].

Проблема соотношения семантики смысла приводит исследователей в области семантической теории перевода к постановке вопросов, связанных с семантическими эквивалентами, к изучению смыслового (содержательного) уровня эквивалентности «языков» и культур, иерархическая организация которых уже ни у кого не вызывает сомнения. Действительно, тема и содержание задаются финалом, но смысловое развитие, смысловое «дозревание» обеспечивает оригиналу перевод, так как именно в переводе, согласно Н.М. Нестеровой, могут раскрыться и актуализироваться («спящие») смыслы [Нестерова, 2009, с. 45].

Современная семантическая теория перевода характеризуется ещё с позиции её взаимодействия с категорией концепта. Можно сказать, что структура концепта в семантической теории перевода представляет собой содержание (смысл) в его логическом организованном виде, причём сама эта организация рассматривается как факт реальной действительности [Шомахова, 2009, с. 361].

Изучение концепта в парадигме семантической теории перевода позволяет обнаружить и раскрыть сущность (смысловую наполненность) универсальных, идиосинкретичных и контрастивных признаков концепта, в нашем случае лингвоконцепта «совесть» в современном французском языке. Неслучайно лингвоконцепт оценивается как семантическое образование, имеющее этнокультурную специфику, как единица этнокультурного менталитета (тесно связанного с культурой и социумом, с коллективным языковым сознанием), которая встраивается в систему — концептосферу как часть картины мира, основной конструкт культуры

в ментальном мире человека [Алеференко, 2005; Арутюнова, 1999; Лихачёв, 1997; Степанов, 1977; Телия, 1996] и др.

Таким образом, текст перевода находится на пересечении исследовательских зон языка, мышления и культуры, смысловая организация которых раскрывается на уровне концептосферы.

Говоря о концептосфере как о системе, можно перечислить свойства изучаемого предмета, которые позволяют рассматривать её как систему. Такими свойствами являются: целостность, структурность, множественность описаний каждой системы. Структурный каркас текста перевода состоит из элементов смысла, объединяемых внутри концептосферы вокруг единого семантического компонента (инварианта), которые представлены относительно однородными единицами или единицами одинаковой степени сложности одного и того же с ней уровня, но имеющими различный объём, могут быть частью более объёмных, выделение которых осуществляется по единым, общим для всех единиц языка признакам [Солнцев, 1977, с. 81; Кузнецова, 1983, с. 44; Савосина, 2010, с. 66].

По нашему мнению, единицами (структурантами) системы связей концептосферы являются смысловые компоненты (СК), вступающие в определённые парадигматические отношения, уровни которых представляют собой относительно автономные системы, обладающие набором единиц и сеткой связей (структурной), определяемые как подсистемы общей системы языка, в которых уровневые подсистемы являются частями общей системы, связанными иерархическими отношениями через свои единицы [Шомахова, 2007, с. 159].

Исследование лингвоконцепта «совесть» в семантической теории перевода строится нами в парадигме ядро ⇔ периферия, представленной ядерными центрами (ЯЦ), ближней периферийной зоной (БПЗ) и дальней периферийной зоной (ДПЗ). В дальнейшем приводится наш перевод.

1. Ядерные значения лингвоконцепта «совесть»

Conscience 'совесть' [k sjas] n. f. ■ Faculté qu'a l'être humain de connaître sa propre réalité et de la juger. I. (*Conscience psychologique*) 1. Connaissance immédiate de sa propre activité psychique /contr. **inconscience**/. *Avoir la conscience de soi, de soi-même. Conscience d'exister, de vivre. 2. Avoir, prendre conscience de qqch.*, une connaissance immédiate, spontanée. *J'en ai pris conscience récemment.* ⇒ **s'apercevoir**. II. (*Conscience morale*) 1. Connaissance intérieure que chacun a de ce qui est bien et mal et qui pousse à porter un jugement de valeur morale sur ses propres actes. Vous aurez cela. SUR LA CONSCIENCE: vous en

serez responsable, coupable. — EN CONSCIENCE: en toute franchise, honnêtement. *En mon âme et conscience* (formule de serment). 2. **BONNE CONSCIENCE**: état de la personne qui estime (souvent à tort) n'avoir rien à se reprocher. — *Avoir MAUVAISE CONSCIENCE*: sentiment pénible d'avoir mal agi. 3. **CONSCIENCE PROFESSIONNELLE**: l'honnêteté que l'on apporte à l'exécution de son travail. ► **conscientieux, ieuse** adj. 1. Qui obéit à la conscience morale, qui accomplit ses devoirs avec conscience. ⇒ **honnête**. *Employé conscientieux*. 2. Qui est fait avec conscience. *Examen, travail conscientieux*. /contr **bâclé**/ ► **conscientieusement** adv. ► **conscient, ente** adj. et n.m. 1. (Personnes) Qui a conscience (I) de ce qu'il fait ou éprouve. *L'homme est un être conscient. Elle est consciente de ses responsabilités, de la situation*. 2. (Choses) Dont on a conscience (I). *États conscients*. — N.m. *Le conscient et l'inconscient*. <► **consciemment, inconscient, subconscient**> [Robert, 1988, p. 258]. 'Способность человека понимать свою собственную сущность и способность её оценивать. I. (*Психологическая совесть*) 1. Непосредственное осознание своего собственного психологического действия /противоп. **бессознательность**/. *Иметь совесть. Существовать, жить с чистой совестью*. 2. *Сознавать что-л.*, непосредственное осознание, произвольная, спонтанная сознательность. *Я это недавно осознал ⇒ замечать что-л., осознавать*. II. (*Моральная совесть*) 1. Внутреннее осознание того, что каждый имеет хорошую и плохую сторону и кто продолжает судить моральное значение своих собственных действий. — По совести: чистосердечно, порядочно. По душе и по совести (клятвенно обещать). 2. **Добросовестный**: состояние человека, который уважает (ценит) (часто напрасно) человека, будучи ничего не знающим о нем. — *Иметь плохую совесть*: чувство мучительное от того, что ты плохо поступил. 3. **ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОВЕСТЬ**: честность, с которой люди выполняют свою работу ► **добросовестный**, прилаг. 1. Тот, кто следует моральным принципам, кто выполняет свои обязанности на совесть ⇒ **честный, порядочный**. *Добросовестный работник*. 2. Тот, кто работает на совесть. *Выполненная на совесть работа, экзамен* /противоп. **сделанный кое-как, спустя рукава**/ ► **добросовестно**, нареч. ► **сознающий, -ая**, прилаг. 1. (Люди) Тот, кто осознает то, что он делает или причиняет страдание. *Человек — это сознательное существо. Она осознает свою ответственность, сложившуюся ситуацию*. 2. (Предметы) То, за что несут ответственность. (I). *Сознательные существа* — Сознательный и несознательный. <► **сознательно, бессознательный, подсознательный**>'

1. Смысловые компоненты ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «осознание»: способность, сущность, чувство, честность, ответственность, уважение, порядочность.

2. Ближняя периферийная зона лингвоконцепта «совесть» в современном французском языке

2.1. **Connaissance ‘осознание’** [klɛsãs] n.f. I. 1. Le fait ou la manière de connaître. ⇒ **conscience; compréhension** /contr. **ignorance**/. *Connaissance intuitive. Connaissance abstraite expérimentale. La connaissance d'une langue étrangère (par qqn)*. 2. Loc. *Avoir connaissance de, connaître, savoir. Je n'ai pas eu connaissance de ce dossier. — A ma connaissance autant que je sache. — Prendre connaissance (d'un texte, etc). — En connaissance de cause, avec raison et justesse à bon escient. Parler, agir en (toute) connaissance de cause*. 3. **Dans des loc.** Le fait de sentir, de percevoir. ⇒ **conscience, sentiment**. *Avoir toute sa connaissance*. ⇒ **lucidité**. *Perdre connaissance* ⇒ **s'évanouir**; fam. *tomber dans les pommes*. *Être sans connaissance, évanoui*. 4. *Les connaissance (sens objectif), ce que l'on sait, pour l'avoir appris*. ⇒ **culture, education, savoir**. *Connaissances acquises. Approfondir, enrichir ses connaissances. Il a de grandes connaissances en électronique*. II. 1. FAIRE CONNAISSANCE: connaître (qqn) pour la première fois. *J'ai fait connaissance avec lui, j'ai fait sa connaissance. Nous avons fait connaissance. Faire plus ample connaissance avec qqn. — Lier connaissance avec qqn. — DE CONNAISSANCE: connu. Une personne, un visage de connaissance*. 2. UNE CONNAISSANCE: une personne que l'on connaît ⇒ **relation**. *Ce n'est pas un ami, c'est une simple connaissance*. ► **connaisseur** n.m. ■ **Personne compétente**. ⇒ **amateur**. *Être connaisseur en vins. Le critique d'art examinait les tableaux en connaisseur. — Adj. Il, elle est très connaisseur* [Robert, 1988, s. 257] '1. Дело, поступок или способность понимать что-л. ⇒ **совесть, понимание** /противоп. **незнание, неведение**/. *Знание иностранных языков. Интуитивное осознание. Абстрактное, отвлечённое, экспериментальное осознание*. 2. Оборот речи. *Иметь знания в чем-л., понимать, знать что-л. Я не могу понять суть этого дела. Насколько мне известно, насколько я знаю. Ознакомиться с чем-л. (с текстом и т.д.). Со знанием дела, с рассудительностью и точностью. Говорить, действовать со знанием дела*. 3. В оборотах речи: чувствовать, испытывать ⇒ **совесть, чувство**. *Иметь хорошие знания в чем-л. ⇒ ясность. Потерять сознание ⇒ падать в обморок; фам. упасть в обморок. Быть без сознания, в обмороке*. 4. *Познания, то, что узнают о чем-л., чтобы быть в курсе. ⇒ культура, образование, знания. Приобретённые знания*. II. 1. Знакомиться: знакомиться с кем-л. в первый раз. *Я с ним знаком. Мы познакомились. Быть более близко знакомым с кем-л. Завязывать знакомство с кем-л. — известный, знакомый. Знакомый человек, знакомое лицо*. 2. Знакомство: человек, с которым познакомились. ⇒ **знакомый**. *Это не друг, это просто знакомый*. ► **знаток** ■ **Сведущий человек** ⇒ **любитель**. *Быть знатоком в винах. Он, она большой знаток.*'

Смысловые компоненты БПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «осознание»: понимание, знание, рассудительность, чувство.

2.2. **Faculté ‘способность’** [fakylte] n.f. 1. Litter. Possibilité de faire qqch. *Laisser à qqn la faculté de choisir*. 2. Aptitude, capacité. Il ne jouit plus de toutes ses facultés (mentales, intellectuelles). Il a une grande faculté d'attention [Robert, 1988: 517] '1. Лит. Возможность делать что-л. *Позвонить кому-л., сделать выбор*. 2. **Способность, пригодность, одарённость**. *Он больше не пользуется своими способностями (мысленные, умственные). Он бывает очень внимательным.*'

Смысловые компоненты БПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «способность»: возможность, выбор, пригодность, одарённость, мышление, ум, внимательность.

2.3. **Essence ‘сущность’** [esãs] n.f. 1. Fond de l'être, nature des choses. ⇒ **nature, substance** — (Opposé à existence). Platon pense que l'essence précède l'existence. 2. Ce qui fait qu'une chose est ce qu'elle est: ensemble des caractères constitutifs et invariables (⇒ **essentiel**). *L'essence de l'être humain réside en la pensée. — PAR ESSENCE loc. adv. littér.: par sa nature même ⇒ par définition*. <► **essentiel** [Robert, 1988: 478] '1. Человеческая сущность, природа вещей ⇒ **натура, сущность** (противоп. существованию). *Платон полагает, что человеческая сущность предшествует существованию*. 2. Тот, кто делает что-л. и то, что он делает: совокупность основных, определяющих черт характера (⇒ **основной**). *Человеческая сущность заключается в его мысли (ментальности). В сущности. Оборот речи. Нареч. Лит.: по своей природе ⇒ по определению <► существенный, основной>*'

Смысловые компоненты БПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «сущность»: природа, вещь, натура, естественность.

2.4. **Sentiment ‘чувство’** [sãtimã] n.m. I. 1. Conscience plus ou moins claire, connaissance comportant des éléments affectifs et intuitifs. ⇒ **impression** ≠ *sensation*. *Avoir le sentiment de sa force. Il éprouvait un sentiment de solitude*. 2. Capacité d'apprécier (un ordre de choses ou de valeurs). ⇒ **sens** (I, 3). *Il a le sentiment du comique*. 3. Littér. Avis, opinion. *C'est aussi mon sentiment*. II. 1. État affectif complexe, assez stable et durable ⇒ **émotion, passion**. *L'amour, l'espoir sont des sentiments fondamentaux. Manifester, dissimuler ses sentiments. Le sentiment religieux, esthétique. — Amour. Un sentiment partagé*. Loc. fam. *Ça n'empêche pas les sentiments, ça ne veut pas dire qu'il n'y ait pas d'affection (souvent iron.) — Les sentiments, les bons sentiments, les sentiments généreux, les inclinations altruistes. — (Dans les formules de politesse) Recevez l'expression de mes sentiments respectueux, de mes sentiments les meilleurs*. 2. Absolt. La vie affective, la sensibilité (opposé à l'action ou à la réflexion). Le sentiment ne suffit pas! — *Démonstrations sentimentales. Pas tant de sentiment! Faire du sentiment. — Fam. Avoir qqn AU SENTIMENT: réussir à l'apitoyer,*

à l'attendrir. — Expression de la sensibilité. *Elle a chanté avec beaucoup de sentiment* ► **sentimental, ale, aux, adj.** 1. Qui concerne la vie affective, l'amour. ⇒ **amoureux**. *Sa vie sentimentale est assez agitée*. 2. Qui provient de causes d'ordre affectif, n'est pas raisonné. *Un point de vue sentimental* (opposé à réaliste). — *La valeur sentimentale d'un objet*. 3. Qui est sensible, rêveur, donne de l'importance aux sentiments tendres et les manifeste volontiers. ⇒ **romanesque**. — N. *C'est un(e) sentimental(e)*. 4. Empreint d'une sensibilité mièvre, de sentiments romanesques. *Des romances sentimentales* ► **sentimentalement** adv. ► **sentimentalité** n.f. ■ Caractère sentimental (3, 4). <► assentiment, dissentiment, ressentiment> [Robert, 1988, s. 1178] 'I. 1. Более или менее чистая совесть, знание, содержащее в себе интуитивные элементы. ⇒ **впечатление** ≠ ощущение (восприятие). *Сознавать свою силу. Он испытывал чувство одиночества*. 2. Способность оценивать (порядок вещей или ценностей) ⇒ **сознание**. (I, 3) *Он осознает свой комизм*. 3. Лит.: мнение, взгляд. *Я тоже так думаю*. II. 1. Сложное эмоциональное состояние, достаточно стабильное и длительное ⇒ **эмоция, страсть**. *Любовь, надежда являются основными чувствами. Открыто выражать, скрывать свои чувства. Религиозное, эстетическое чувство*. — Любовь. Разделённое чувство.оборот речи. Фам. *Это не мешает чувствам, это не значит, что не было привязанности* (ирония, чаще). — *Чувства, хорошие чувства, благородные чувства, альтруистические склонности*. — (в вежливых речах). *Примите выражение моего искреннего уважения, наилучшие пожелания*. 2. Эмоциональная жизнь, чувствительность, восприимчивость (противоп. активности или соображению). *Чувств недостаточно* — демонстрация чувств. *Не проявляйте свои чувства! Чувствовать, ощущать* — Фам. *Иметь чувства*: уметь вызвать жалость, растрогать. — Выражение чувствительности. *Она спела с большим чувством*. ► **сентиментальный, -ая, -ые** — прилаг. I. Тот, кто живёт эмоциональной жизнью, кто выражает любовь. ⇒ **влюблённый**. *Его сентиментальная жизнь достаточно буйная*. 2. То, что проистекает из эмоций, не будучи обдуманным. *С точки зрения чувств. Сентиментальное значение вещей*. 3. Чувствительный, мечтательный, тот, кто придаёт большое значение нежным чувствам и возвышенным речам. ⇒ **романтический**. — *Это очень сентиментально*. 4. Отпечаток хрупкой чувствительности, романтических чувств. *Сентиментальные романсы*. ► **сентиментально** — нареч. ► **сентиментальность**, ж. ■ сентиментальный характер (3, 4) <► согласие, одобрение, разногласие, злопамятство>'

Смысловые компоненты БПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «чувство»: осознание, эмоции, интуиция, впечатление, ощущение, восприятие, сознание, оценка.

2.5. **Honnêteté 'честность'** n.f. ■ Qualité d'une personne honnête ou de ce qui est honnête. ⇒ **droiture, intégrité, probité** /contr. **malhonnêteté**/.

Un homme d'une parfaite honnêteté. L'honnêteté de ses intentions. Aie au moins l'honnêteté de reconnaître ton erreur. ⇒ **bonne foi**. <► **deshonnête, malhonnête**> [Robert, 1988, s. 632] 'Качество честного человека или тот, кто обладает этим качеством. ⇒ **прямота, честность, порядочность** /противоп. **нечестность, невежливость**/. *Потрясающе честный человек, честность его намерений, недостаточно честности, чтобы признать свою ошибку.* ⇒ **добросердечность** <► **бессердечие, недобросовестный**>'

Смысловые компоненты БПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «честность»: качество, порядочность, добросердечность.

2.6. **La responsabilité 'ответственность'** n.f. I. Obligation de réparer le dommage que l'on a causé par sa faute, dans certains cas déterminés par la loi. *La responsabilité de l'employeur dans les accidents du travail*. 2. Obligation morale d'assumer les conséquences de ses actes. *Avoir de lourdes responsabilités. Accepter, assumer une responsabilité. Prendre la responsabilité de qqch.*, accepter d'en être tenu pour responsable. *Prendre ses responsabilités*, agir, se décider en acceptant toutes les conséquences. *Décliner toute responsabilité*. 3. Situation d'une autorité politiquement responsable. *Le Premier ministre a engagé la responsabilité du gouvernement*. <► **irresponsable**> [Robert, 1988, s. 1114]. 'Обязанность исправить ошибку, которая произошла по твоей ошибке, в определённой ситуации, согласно законодательству. *Ответственность рабочего в несчастных случаях в процессе работы*. 2. Моральный долг исправить ошибку, выполнить долг, отвечать за последствия своих поступков. *Иметь тяжёлые последствия. Принимать, брать на себя ответственность; действовать, принимая во внимание все последствия. Отклонять, не брать на себя ответственность*. 3. Ответственность, которая возложена на политического деятеля. *Правительство возложило ответственность на премьер-министра*. <► **безответственный**>'

Смысловые компоненты БПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «ответственность»: обязанность, исправление, долг, действие.

2.7. **Estime 'уважение'** [estim] n. f. I. 1. Sentiment favorable né de la bonne opinion qu'on a du mérite, de la valeur (de qqn.) ⇒ **consideration, respect** /contr. **dédain, mépris**/. *Avoir de l'estime pour qqn. Tenir une personne en (grande) estime. Il a monté, baissé dans mon estime. Vous remontez dans mon estime*. 2. Sentiment qui attache du prix à qqch. *Sa ténacité inspire de l'estime. Succès d'estime* (d'une œuvre qui n'obtient pas la faveur du grand public). II. Loc. À L'ESTIME: en estimant rapidement, approximativement. *À l'estime, il vous en faut cinq mètres. Naviguer à l'estime*, d'après les instruments de navigation [Robert, 1988, s. 480] 'Благоприятное чувство, возникшее в результате хорошего мнения,

в основе которого лежит достоинство и доблесть. ⇒ **уважение, почтение** /противоп. **пренебрежение, презрение**/. *Иметь уважительное отношение к кому-л. Держать человека в почёте. Он поднялся, опустился в моих глазах. Вы снова поднялись в моих глазах.* 2. Чувство, в основе которого лежит цена чего-л. *Его упорство вызывает уважение. Умеренный успех* (работа, которая не вызвала расположения у большой публики). II.оборот речи. Приблизительно: быстро оценивая, примерно. *Плывать приблизительно, с прибором навигации.*

Смысловые компоненты БПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «уважение»: чувство, мнение, достоинство, доблесть, почтение, почёт.

2.8. **Probité ‘порядочность’** n.f. ■ Vertu qui consiste à observer scrupuleusement les règles de la morale sociale, les devoirs imposés par la justice ⇒ **honnêteté, intégrité**. Doutez-vous de ma probité? [Robert, 1988, s. 1016] ‘Добродетель, которая заключается в тщательном соблюдении правил общественной морали, обязанностей, предписанных законом ⇒ **честность, неподкупность**. *Вы сомневаетесь в моей порядочности?*

Смысловые компоненты БПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «порядочность»: добродетель, мораль, честность, неподкупность.

3. Дальняя периферийная зона лингвоконцепта «совесть» в современном французском языке

3.1. **Compréhension ‘понимание’** n.f. 1. Faculté de comprendre, de percevoir par l’esprit, par le raisonnement. *La compréhension du problème* ⇒ **intelligence**. 2. (Choses) Possibilité d’être compris. ⇒ **clarté**. *La ponctuation est utile à la compréhension d’un texte.* 3. Qualité par laquelle on comprend autrui. ⇒ **indulgence, tolérance**. *Être plein de compréhension à l’égard des autres.* ⇒ **compréhensif**. *Manquer de compréhension /contr. incompréhension, intolérance/ <► incompréhension>* [Robert, 1988, s. 246]. ‘1. Способность понимать, воспринимать умом, рассудком. *Понимание проблемы* ⇒ **разум**. 2. (Вещи, предметы) Возможность быть понятным ⇒ **ясность**. *Пунктуация используется для понимания текста.* 3. Качество, благодаря которому понимают другого человека. ⇒ **снисходительность, толерантность**. *Быть понятливым, терпимым по отношению к другим.* ⇒ **понимающий**. *Не хватать внимания /противоп. непонимание, нетерпеливый/ <► непонимание>*

Смысловые компоненты ДПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «понимание»: способность, понимание, восприятие, ум, рассудок, разум, ясность, качество, снисходительность, толерантность.

3.2. **Raison ‘рассудительность’** [ʁɛzɔ̃] n.f. I. (Pensée, jugement). 1. La faculté qui permet à l’être humain de connaître, juger et agir conformément à des principes ⇒ **compréhension, entendement, esprit, intelligence**, et spécialt de bien juger et d’appliquer ce jugement à l’action ⇒ **discernement, jugement, bon sens**. *Un choix conforme à la raison* ⇒ **raisonnable, rationnel**. *Contraire à la raison.* ⇒ **déraisonnable**. — Loc. *L’âge de raison*, l’âge auquel on considère que l’enfant possède l’essentiel de la raison (environs 7 ans.). *Ramener qqn à la raison*, à une attitude raisonnable. *Mettre qqn à la raison*, le contraindre par la force ou l’autorité à une attitude raisonnable. — (Opposé à instinct, intuition, sentiment). Pensée logique. *La raison et la passion. Un mariage de raison* (et non d’amour). 2. Les facultés intellectuelles (d’une personne), dans leur fonctionnement normal. *La raison de qqn, sa raison* ⇒ **lucidité**. *Perdre la raison*, devenir fou. *Il n’a plus toute sa raison.* 3. Loc. **PLUS QUE DE RAISON**: au — delà de la mesure raisonnable. *Il a bu plus que de raison.* ⇒ **à l’excès** — Littér. **COMME DE RAISON**. 4. Connaissance à laquelle l’être humain accède sans l’intervention d’une foi ou d’une révélation. *Mysticisme et raison.* ⇒ **rationalisme**. Le culte de la Raison, sous la Révolution française. 5. (Dans des loc où le mot est opposé à tort). Jugement, comportement en accord avec les faits. **AVOIR RAISON**: être dans le vrai, ne pas se tromper. *Je te prouverai que j’ai raison.* — *Vous avez raison de dire...* vous êtes dans le vrai en disant... — **DONNER RAISON** à qqn: reconnaître qu’il a raison. *Je te donne raison sur ce point.* II. (Principe, cause). 1. Ce qui permet d’expliquer (l’apparition d’un événement, d’un fait). *Mon moteur est en panne; je n’en comprends pas la raison.* ⇒ **cause**. — Ce qui permet d’expliquer (un acte, en sentiment). ⇒ **motif**. *Un mouvement d’humeur dont on s’explique mal la raison. Il s’est absenté sans donner de raison.* — Loc. **PAR, POUR LA RAISON QUE**. ⇒ **parce que**. *Je ne l’ai pas vu pour la (simple) raison que je me trouvais absent. Pour quelle raison? ⇒ pourquoi.* *Pour une raison ou pour une autre*, sans raison connue. — **EN RAISON DE...**: en considération de... ⇒ **à cause**. *Le départ est retardé en raison du mauvais temps.* — **SE FAIRE UNE RAISON**: se résigner à admettre ce qu’on ne peut changer, prendre son parti. *S’il le faut, je me ferai une raison.* 2. Motif légitime qui pousse à faire (qqch.) ⇒ **fondement, sujet**. *Avoir une raison d’agir, d’espérer. Cet enfant est sa raison de vivre.* ⇒ **but**. *Avoir de bonnes, de fortes raisons de croire, de penser que* (+ indicatif). — *Ce n’est pas une raison, ce n’est pas une bonne excuse. Il n’y a pas de raison. Raison de plus pour que* (+ subjonctif), *c’est une raison de plus pour.* — Loc. (au sing.) **AVEC (JUSTE) RAISON**: en ayant une raison valable. ⇒ **à juste titre**. — **À PLUS FORTE RAISON**: avec des raisons encore plus fortes, meilleurs. ⇒ a fortiori. **SANS RAISON**: sans motif, sans justification raisonnable. *Il s’est fâché, non sans raison, avec raison.* 3. Au plur. Arguments destinés à prouver. *Se rendre aux raisons de qqn*, à ses

arguments. 4. **AVOIR RAISON DE** qqn., qqch. loc. verb.: vaincre la résistance, venir à bout de (qqn., qqch.). *Les excès ont eu raison de sa santé.* III. **LA RAISON SOCIALE** d'une société: le nom, la désignation de cette société. IV. Sciences. Proportion*, rapport. — *Augmenter, changer.* **EN RAISON DIRECTE, INVERSE** de... — **À RAISON DE** loc. prép. ► **raisonnable** [reznabl] adj. 1. Doué de raison (I), de jugement. ⇒ **intelligent, pensant.** *L'homme, animal raisonnable.* 2. (Personnes) Qui pense et agit selon la raison. ⇒ **réfléchi, sensé.** *Un enfant raisonnable. Sois raisonnable!* — (Choses) Conforme à la raison. *Opinion, conduite raisonnable.* ⇒ **judicieux, sage.** — Attribut; impersonnel. *Il est raisonnable de croire que, de dire que* (+ indicatif). ⇒ **naturel, normal.** 3. Qui consent des conditions modérées, en affaires. *Le vendeur a été très raisonnable.* — *Prix raisonnable.* ⇒ **acceptable.** ► **raisonnablement** adv. ■ D'une manière raisonnable. *Agir raisonnablement.* — *C'est ce qu'on peut raisonnablement demander,* sans prétention excessive. ► **raisonnement** n.m. 1. *Le raisonnement,* l'activité de la raison (I), la manière dont elle s'exerce. *Opinion fondée sur le raisonnement.* ⇒ **théorique** ou *sur l'expérience* — *Le raisonnement* (opposé à la foi, la passion, l'intuition). 2. Le fait de raisonner en vue de parvenir à une conclusion. *Les prémisses, la conclusion d'un raisonnement. Un raisonnement juste; faux.* — Fam. *Ce n'est pas un raisonnement! votre raisonnement est mauvais. D'après ce raisonnement..., à ce compte — là...* ► **raisonner** v. ■ conjug. 1. I. 1. Faire usage de sa raison pour former des idées, des jugements. ⇒ **penser.** *Raisonner sur des questions générales.* ⇒ **philosopher.** *Raisonner sur des détails.* ⇒ **ratiociner.** — Au p.p. *Voilà qui est bien, mal raisonné,* conforme ou non aux règles du raisonnement. 2. Employer des arguments pour convaincre, prouver ou réfuter. *Il a la manie de raisonner.* ⇒ **raisonneur** — Loc. fam. *Raisonner comme un panier percé, comme une pantoufle,* mal. 3. Enchaîner les diverses parties d'un raisonnement pour aboutir à une conclusion. *Raisonner faux, juste.* II. 1. *Raisonner qqn,* chercher à l'amener à une attitude raisonnable. *On ne peut pas le raisonner.* 2. v. pron. **SE RAISONNER:** écouter la voix de la raison. *Tâche de te raisonner.* — (Sentiment, impulsion). Pouvoir être contrôlé par la raison. *L'amour ne se raisonne pas.* ≠ **résonner.** ► **raisonnant, ante** adj. ■ *Folie raisonnante,* délire nourri de raisonnements. ► **raisonné, ée** adj. 1. Soutenu par des raisons (II), des preuves. *Projet raisonné,* étudié, réfléchi: /contr. **irraisonné**/. 2. Qui explique par des raisonnements (et ne se contente pas d'affirmer) ⇒ **rational.** *Méthode raisonnée de grammaire, d'anglais.* ► **raisonneur, euse,** n. et adj. ■ Personne qui discute, réplique. Faire la raisonneuse. Un insupportable raisonneur. — Adj.: Il est très raisonneur <► arraisonner, déraison, irraisonné [Robert, 1988, s. 1056—1057] 'I. (Мышление, суждение). 1. Способность, которая позволяет человеку понять, судить в соответствии с принципами. ⇒ **понимание, рассудок, ум, разум,** и способность правильно судить и применять

это суждение в действии. ⇒ **здоровое суждение, суждение, здравомыслие.** *Выбор соотнесен с мышлением.* ⇒ **благоразумный, рациональный.** *Противоречащий здравому смыслу.* ⇒ **неблагоразумный.** *Оборот речи. Сознательный возраст,* возраст, когда полагают, что ребёнок обладает основным интеллектом (около 7 лет). *Приводить кого-л. в сознание,* в разумное поведение. *Образумить кого-л.,* принуждать силой или влиянием на разумное поведение (противоп. инстинкту, интуиции, сознанию). *Логически мыслить. Разум и страсть. Благоразумная женитьба* (и без любви). 2. Умственные способности (человека), в их нормальном действии. *Рассудительность кого-л., его интеллект.* ⇒ **ясность (ума).** *Лишиться ума,* становится безумным. Он не в здоровом уме. 3. *Оборот речи. БОЛЬШЕ, ЧЕМ СЛЕДУЕТ:* за рамками разумного. *Он выпил больше, чем следует.* ⇒ **в избытке.** — Лит. **ЗДРАВО РАССУЖДАЯ:** 4. Сознание, при котором человек соглашается без вмешательства убеждения или разоблачения. *Мистицизм и рассудительность.* ⇒ **рационализм.** *Культ разума Французской революции.* 5. (В оборотах речи, где слово противоположено неправоте). Суждение, поведение, согласованное с фактами. **БЫТЬ ПРАВЫМ:** быть искренним, не обманывать. *Я тебе докажу, что я прав. Вы имеете право говорить...* **ДАВАТЬ ПРАВО** кому-л.: осознать, что он прав. *Я даю тебе право заниматься этим вопросом.* II. (Принцип, причина). 1. То, что позволяет объяснить (событие, ситуация, факт). *Мой мотор сломался, я не понимаю, в чем причина.* ⇒ **причина.** То, что позволяет объяснить (поступок, ощущение). ⇒ **мотив.** *Переменчивость настроения, которая плохо объясняется здравым рассудком. Он отлучился без объяснения причин.* — *Оборот речи. ПО ТОЙ ПРИЧИНЕ, ЧТО...* ⇒ **потому, что.** *Я его не увидел по той простой причине, что я отсутствовал. По какой причине?* ⇒ **почему.** *По одной причине или по другой,* без известной причины. **ПО ПРИЧИНЕ...:** принимая во внимание... ⇒ **из-за.** *Отъезд был отложен из-за плохой погоды.* — **ПОКОРИТЬСЯ:** смириться с тем, что нельзя изменить, примириться с чем-л. *Если это необходимо, я смирюсь.* 2. Законный мотив, который толкает на то, чтобы сделать (что-л.). ⇒ **основание, повод.** *Иметь основание действовать, надеяться. Этот ребенок имеет право жить.* ⇒ **цель.** *Иметь веские основания полагать, думать, что* (+ индикатив). — *Это не причина, это не достаточное оправдание. Без оснований. Причина, достаточно веская* (+ сослагательное наклонение). — *Оборот речи (в ед. ч.). С* (справедливость) **РАССУДИТЕЛЬНОСТЬЮ,** имея законные основания. ⇒ **с полным правом.** ⇒ **БОЛЕЕ ВЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ:** с причинами более основательными, более убедительными. ⇒ **тем более.** **БЕЗ ПРИЧИНЫ:** без мотива, без разумного оправдания. *Он рассердился без причины, по причине.* 3. Во мн.ч. Необходимые аргументы для доказательства. *Уступить аргументам кого-л.* 4. **БЫТЬ СОЗНА-**

ТЕЛЬНЫМ к кому-л., чему-л.оборот речи: побороть сопротивление, покончить с (чем-л., кем-л.). *Экссессы произошли из-за его здоровья.* III. **Торговая фирма** общественная: название, обозначение этого общества. IV. Наука. Пропорция. Рапорт. — *Увеличивать, менять.* **В ПРЯМОМ СМЫСЛЕ, ПРОТИВОПОЛОЖНОМ... — ПО ПРИЧИНЕ.**оборот речи, предлог ► **разумный**, прилаг. 1. Наделенный умом, здравым смыслом. **умный, мыслящий.** *Разумный человек, животное.* 2. (Люди) Кто мыслит и поступает разумно. ⇒ **вдумчивый, рассудительный.** *Рассудительный ребенок. Будьте благоразумным!* — (Вещи) Разумный подход. *Мнение, разумное поведение.* ⇒ **здравомыслящий, мудрый** — принадлежность; безличный. *Разумно думать, что..., говорить, что* (+ изъявительное наклонение). ⇒ **естественный, правильный.** 3. Тот, кто соглашается на умеренные условия, в делах. — **Разумная цена.** ⇒ **приемлемый** ► **разумно**, нареч. ■ **Разумным образом.** *Поступать благоразумно. Это то, о чем можно спрашивать только благоразумно, без чрезмерных требований.* ► **рассуждение**, сущ., м.р. 1. Рассудительность, активность интеллекта, способ его развития. *Мнение, обоснованное рассудительностью.* ⇒ **теоретический** или на основе эксперимента. — Рассудок (противоп. доверию, страсти, интуиции). 2. Рассуждение, основанное на выводе. *Опыт, умозаключение. Точное суждение, неправильное.* — Фам. *Это не довод! Ваше рассуждение неправильное. Следуя этому доводу..., учитывая это...* ► **рассуждать**, спр. I гр. I. V. 1. Учиться рассуждать для того, чтобы формировать идеи, суждения. ⇒ **думать.** *Рассуждать о главных вопросах.* ⇒ **философствовать.** *Раздумывать о мелочах.* ⇒ **рассуждать.** Во мн.ч. *Вот тот, кто хорошо, плохо рассуждает, придерживающийся или не придерживающийся правил рассуждения.* 2. Использовать аргументы, чтобы убедить, доказать или опровергнуть. *У него манья делать заключения.* ⇒ **резонёр.**оборот речи. Фам. *Рассуждать как дырявая корзина, как домашняя туфля (глупо), дурно.* 3. Вычленять разные части, чтобы прийти к какому-то выводу. *Рассуждать верно, неверно.* II. V. **Размышлять о чем-л.** Стараться привести его в разумное положение. *Об этом нельзя рассуждать.* 2. Местоим. **УБЕЖДАТЬ САМОГО СЕБЯ:** слушать голос разума (внутренний голос). *Постараться убедить самого себя.* — (чувство, побуждение) Уметь себя контролировать. *Любовь не поддается убеждению.* ≠ **звучать** ► **разумный, ая**, прилаг. ■ **Умеренная глупость**, насыщенный рассуждениями. ► **обоснованный, ая**, прилаг. 1. Обоснованный доводами, доказательствами. *Толковый проект, продуманный, обдуманый* /противоп. **безрассудный**/. 2. Тот, кто аргументирует (и не довольствуется утверждениями). ⇒ **Рациональный.** *Обоснованный доводами грамматический метод, по английскому.* ► **болтун, болтуня.** ■ Человек, который

спорит, возражает. *Несносный болтун.* прилаг. *Он очень болтливый.* <► **производить осмотр**, безрассудство, неразумный>’

Смысловые компоненты ДПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «рассудительность»: способность, понимание, рассудок, ум, разум, суждение, здравомыслие, благоразумие, рациональность, логика, мышление, честность, сознание, рационализм, суждение, поведение, искренность, право, принцип, причина, мотив, примирение, база, повод, основание, беспричинность, оправдание, аргумент, вдумчивость, разумность, мудрость, естественность, правильность, рассуждение, опыт, умозаключение, довод, убеждение, самоубеждение, чувство побуждение, довод.

3.3. **Possibilité ‘возможность’** [plisibilite] n.f. 1. Caractère de ce qui peut se réaliser. (⇒ **possible**). *La possibilité d’une guerre.* ⇒ **éventualité** /contr. **impossibilité**/. *Il n’y a entre eux aucune possibilité d’échanges.* 2. Chose possible. *Envisager toutes les possibilités.* ⇒ **cas.** *Les deux possibilités d’une alternative.* ⇒ **option.** 3. Capacité (de faire). ⇒ **faculté, moyen, occasion.** *Je viendrai, si j’en ai la possibilité. Il ne m’a pas laissé la possibilité de refuser.* 4. Au. plur. Moyens dont on peut disposer; ce qu’on peut tirer d’une personne ou d’une chose. *Chacun doit payer selon ses possibilités. Un enfant plein de possibilités.* ⇒ **capacité** [Robert, 1988, s. 986—987] ‘Характерная черта того, кто может самореализоваться (⇒ **возможный**). *Возможность войны.* ⇒ **возможный случай** /противоп. **невозможность**/. *Не существует никакой возможности обмена между ними.* 2. Возможная вещь. *Рассматривать все возможности.* ⇒ **случай.** *Две возможности чередования.* ⇒ **выбор.** 3. Способность (делать что-л.). ⇒ **способность, средство, случай.** *Я приду, если будет возможность. Он не оставил мне возможности отказаться.* 4. Во мн.ч. Средства, которыми можно распоряжаться: то, что можно вытянуть из человека или предмета. *Каждый должен платить в зависимости от своих возможностей. Ребёнок, полный возможностей.* ⇒ **одарённость.**’

Смысловые компоненты ДПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «возможность»: черта, самореализация, случай, выбор, способность, средство, одарённость.

3.4. **Choix ‘выбор’** [swa] n.m. 1. Action de choisir, décision par laquelle on donne la préférence à une chose, a une possibilité en écartant les autres. *Faire un bon, un mauvais choix. Son choix est fait.* ⇒ **décision, résolution.** 2. Pouvoir, liberté de choisir (actif); existence de plusieurs partis entre lesquels choisir (passif). *On lui laisse le choix.* ⇒ **option.** *Choix entre deux partis.* ⇒ **alternative, dilemme.** *Vous avez le choix. À (son, votre) choix. Les petits ou les grands, au choix.* — *N’avoir que l’embarras du choix.* — *Ne pas avoir le choix, être obligé de faire qqch.* 3. Ensemble de choses parmi lesquelles on peut choisir. *Ce magasin offre un très grand choix d’articles.* ⇒ **assortiment, éventail.** 4. Ensemble de choses choisies

pour leur qualités ⇒ **sélection**. *Choix de livres, de poésies*. ⇒ *antologie, recueil*. — **DE CHOIX**: de prix, de qualité. *Un morceau de choix* [Robert, 1988, s. 212] ‘1. Способ выбора, решение, при помощи которого отдают предпочтение вещи, возможности, опровергая другие. Сделать хороший, плохой выбор. Он сделал свой выбор. ⇒ **решение, решительность**. 2. Власть, свобода выбора (активный); существование нескольких сторон, между которыми делают выбор (пассивный). *Ему предоставляют право выбора*. ⇒ **выбор**. *Выбор между двумя сторонами*. ⇒ **альтернатива, дилемма**. *У вас есть выбор. По (твоему, вашему) выбору. Важный, не очень важный выбор. — Затрудняться сделать выбор. — Не иметь выбора, быть вынужденным сделать что-л.*’

Смысловые компоненты ДПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «выбор»: решение, предпочтение, возможность, решительность, власть, свобода, право, альтернатива, дилемма, ассортимент, антология, сборник.

3.5. **Utilité ‘пригодность’** n.f. 1. Caractère de ce qui est utile, satisfait des besoins matériels. *Utilité d’un instrument, d’une méthode. Ce procédé n’est d’aucune utilité dans nos recherches*. ⇒ **secours**. — (Personnes). *Elle m’est d’une grande utilité*. 2. Le bien ou l’intérêt (de qqn). *Pour mon utilité personnelle*. ⇒ **convenance**. — *Association reconnue d’utilité publique*. 3. Emploi subalterne d’actuer. *Jouer les utilités*. ► **utilitaire** adj. et n. 1. Qui vise essentiellement à l’utile. *Arts utilitaires*. ⇒ **pratique**. — *Véhicules utilitaires*, camions, autocars... (opposé à véhicules de tourisme). 2. Péj. Préoccupé des intérêts matériels. *Préoccupations utilitaires*. ⇒ **intéressé**. <► inutile, réutiliser> [Robert, 1988, s. 1327—1328] ‘Свойство вещи быть полезной, соответствующей материальным нуждам. *Польза от инструмента, от метода. Этот метод не имеет никакой пользы в наших поисках (исследованиях)*. ⇒ **помощь** (люди). *Она мне очень помогла*. 2. Польза или участие (сочувствие) (кого-л.). *Для моей собственной выгоды*. ⇒ **соответствие** — *Ассоциация, признанная общественно полезной*. 3. Подчиненное положение актера (мелкий актер). *Быть на выходах*. ► **утилитарный**, прилаг. и сущ. 1. Тот, кто делает акцент на полезность. *Утилитарные искусства*. ⇒ **целесообразный**. — *Утилитарные повозки, грузовики, автобусы...* (противоп. туристическому транспорту). 2. Пренебрежительный. Сильно озабоченный материальными интересами. *Утилитарные заботы*. ⇒ **участвующий**. <► бесполезный, снова использовать>’

Смысловые компоненты ДПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «пригодность»: свойство, польза, помощь, участие, сочувствие, выгода, соответствие, целесообразность.

3.6. **Capacité ‘одаренность’** [kapasite] n.f. I. Propriété de contenir une certaine quantité de substance. ⇒ **contenance, mesure, quantité, volume**. *La capacité d’un récipient. Récipient d’une grande capacité*.

II. 1. Puissance pouvoir de faire (qqch). ⇒ **aptitude, force**. *Capacité productrice d’une société. — L’usine a doublé sa capacité de production*. 2. Qualité d’une personne qui est en état de comprendre, de faire (qqch). ⇒ **capable; compétence, faculté**. — Au plur. Moyens possibilités. *Capacités intellectuelles*. 3. Capacité en droit, diplôme délivré aux étudiants non bacheliers (deux ans d’études). <► incapacité> [Robert, 1988, s. 172] ‘1. Свойство вещи содержать определенное количество вещества. ⇒ **вместимость, размер, величина, объём**. *Вместимость сосуда. Резервуар большой вместимости*. II. 1. Способность, быть в состоянии сделать (что-л.) ⇒ **способность, сила**. *Производительная пригодность предприятия. — Завод увеличил в два раза свою производительность*. 2. Качество человека, который в состоянии понять, сделать (что-л.). ⇒ **способный; компетенция, способность**. Во мн.ч. Возможные средства. *Интеллектуальные способности*. 3. *Правовая способность, диплом, выданный студентам не бакалаврам (2 года обучения)* <► неспособность>’

Смысловые компоненты ДПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «одаренность»: свойство, сила, пригодность, качество, состояние, понимание, компетенция, возможность.

3.7. **Pensée ‘мышление’** [pâse] n.f. **LA PENSÉE**. 1. Ce qui affecte la conscience; ce que qqn pense, sent, veut. *Laisse — moi deviner ta pensée. Ses mots ont dépassé sa pensée. — L’esprit qui pense desire, veut. Il a agi dans la pensée de bien faire*, dans l’intention, le dessein de. ⇒ **idée**. 2. Activité de l’esprit, faculté ayant pour objet la connaissance. ⇒ **esprit, intelligence, raison; entendement**. *La pensée abstraite. L’expression de la pensée par le langage*. 3. **LA PENSÉE DE qqn**: sa réflexion, sa façon de penser: sa capacité intellectuelle; sa position intellectuelle. *La pensée de Marx, de Gandhi*. ⇒ **philosophie, d’Einstein ⇒ théorie**. *Je partage votre pensée là — dessus*. ⇒ **point de vue; opinion**. Loc. *Aller jusqu’au bout de sa pensée*, ne pas craindre de surprendre, de choquer, en disant tout ce que l’on pense, en tirant toutes les conclusions d’une idée. 4. *En pensée, par la pensée*, en esprit (et non réellement). *Se transporter quelque part par la pensée*, par l’imagination. 5. Manière de penser. *Pensée claire*. 6. Ensemble d’idées, de doctrines, communes à plusieurs. *La pensée marxiste*. II. **UNE, DES PENSÉE**. 1. (Sens courant) Ensemble de représentations, d’images, dans la conscience d’une personne. ⇒ **idée, sentiment**. *Une pensée profonde, originale, superficielle, banale*. ⇒ **cliché**. — *Recevez nos plus affectueuses pensées*. 2. Au plur. Résultat, produit de l’activité de la conscience. *Lire dans les pensées de qqn*. ⇒ **idée**. *Des pensées profondes. Il reste absorbé dans ses pensées*. ⇒ **méditation, réflexion**. 3. Expression brève d’une idée (orale ou, plus souvent écrite). ⇒ **maxime, sentence**. Les «Pensées» de Pascal. III. **LA PENSÉE DE qqn, qch**: le fait de penser à. *La pensée de l’être aimé, l’a réconfortée. Il s’effraie à la seule pensée de prendre l’avion. — LA PENSÉE QUE: le fait de penser, de savoir que. *La pensée que Pierre**

l'aimait l'a réconfortée <► arrière — pensée, libre pensée> [Robert, 1988, s. 924]. I. **МЫШЛЕНИЕ**. 1. Тот, кто поступает по совести, то, что кто-л. думает, чувствует, хочет. *Позволь мне угадать твою мысль. Его слова обгоняют его мысли.* — Рассудок, который думает, желает, хочет. *Он действовал из добрых побуждений*, из намерения, с целью. ⇒ **идея**. 2. Активность рассудка, способность узнавать что-то новое. ⇒ **ум, способность мышления, интеллект; рассудок. Отвлечённая мысль. Выражение мысли через язык**. 3. **ЧЬЯ-ЛИБО МЫСЛЬ**: его размышление, его манера мысли; его интеллектуальная способность; его интеллектуальное положение. *Мысль Маркса, Ганди.* ⇒ **философия, Эйнштейна.** ⇒ **теория.** *Я разделяю ваше мнение по этому поводу.* ⇒ **точка зрения, мнение.** Оборот речи. *Соглашаться с его мнением*, не бояться застать врасплох, шокировать, говоря все, что думаешь, делая все заключения из определенной мысли. 4. *Мысленно, из мысли*, в смысле (и не действительно). *Мысленно перемещаться куда-л.*, воображая. 5. Манера думать. *Понятно мыслить*. 6. Совокупность мыслей, теорий. *Марксистские размышления*. II. **МЫСЛЬ, РАЗМЫШЛЕНИЯ**. 1. Совокупность изображений, образов в сознании человека. ⇒ **идея, чувство. Глубокое мышление, своеобразное, поверхностное, банальное.** ⇒ **клише.** — *Примите наши самые сердечные намерения*. 2. Во мн.ч. Результат, продукт деятельности сознания. *Читать мысли кого-л.* ⇒ **идея. Глубокие мысли. Он погрузился в свои мысли. ⇒ **размышление, обдумывание**. 3. Краткое выражение мысли (устное или чаще письменное). ⇒ **правило, изречение. Идеи Паскаля.** III. **Размышление кого-л., чего-л.:** факт обдумывания чего-л. *Размышление любимого существа утешило его. Он испугался от одной мысли лететь самолетом.* — **Мысль, что:** факт размышления, знать, что. *Мысль о том, что она любима Пьером, утешала её* <► задняя мысль, свободомыслие>'**

Смысловые компоненты ДПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «мышление»: поступок, совесть, чувство, слово, рассудок, желание, побуждение, намерение, цель, идея, ум, интеллект, точка зрения, мнение воображение, размышление, сознание, образ, чувство, клише, деятельность, обдумывание, изречение.

3.8. **Intelligence 'ум'** [etelizās] n.f. I. 1. Faculté de connaître, de comprendre; qualité de l'esprit qui comprend et s'adapte facilement /contr. **bêtise**/ *Cet enfant fait preuve d'une vive intelligence, d'une intelligence précoce. Cela ferait, douter de son intelligence.* 2. L'ensemble des fonctions mentales ayant pour objet la connaissance rationnelle (opposé à *sensation* et à *intuition*). ⇒ **entendement, raison. De l'intelligence.** ⇒ **intellectuel** (1). II. Personne intelligente. *C'est une intelligence remarquable.* III. **L'INTELLIGENCE DE qqch.:** acte ou capacité de comprendre (qqch.). ⇒ **compréhension**, sens. *Je lui envie son intelligence des affaires.* ► **intelligent, ente** adj. 1. Qui a la faculté de connaître et de comprendre.

⇒ **pensant. L'homme, être intelligent.** 2. Qui est, à un degré variable, doué d'intelligence. — Absolt. Qui comprend vite et bien, s'adapte facilement aux situations. /contr. **bête, inintelligent**/ 3. (Actes) Qui dénote de l'intelligence. *Un choix intelligent. Une réponse intelligente.* ► **intelligemment** [etelizamā] adv. ■ Avec intelligence. *Travailler, parler intelligemment.* (► **inintelligent**) [Robert, 1988, s. 688—689] 'I. 1. Способность знать, понимать: свойство рассудка легко понимать и адаптироваться /противоп. **глупость**/. *Этот ребёнок делает довод живым, ранним рассудком. Это вызвало сомнение в его умственных способностях.* 2. Совокупность мыслительных функций, являющихся для объекта правильным познанием (противоп. ощущению и интуиции). ⇒ **способность суждения, интеллект. Из понимания.** ⇒ **интеллектуальный**. II. Понятливый человек. *Это замечательная способность мышления.* III. **Понимание чего-л.:** акт понимания или способность понимать что-л. ⇒ **понимание, смысл.** *Я завидую его пониманию дела.* ► **умный, ая**, прилаг. 1. Тот, кто способен знать и понимать. ⇒ **мыслящий. Разумный человек, существо.** 2. Тот, кто в изменчивой степени одарен способностью мышления. — Тот, кто понимает быстро и правильно, кто быстро адаптируется в ситуациях /противоп. **глупый, непонятливый**/. 3. (Действия) То, что обозначает способность мышления. *Разумный выбор. Правильный ответ.* ► **умно**, нареч. ■ С умом. *Работать, говорить умно* <► **неумный**>'

Смысловые компоненты ДПЗ ЯЦ лингвоконцепта «совесть» со значением «ум»: способность, понимание, рассудок, мышление, познание, интуиция, интеллект, смысл, одарённость.

Таким образом, в ходе проведённого нами исследования мы рассматривали парадигматические отношения **ядро** ⇔ **периферия** лингвоконцепта «совесть». Ядерный центр лингвоконцепта «совесть» является полицентричным, его можно представить в виде сферической модели, в центре которой находится ядро, а вокруг него — смысловые компоненты ближней периферийной зоны и смысловые компоненты дальней периферийной зоны, которые в общем количестве составляют 33 лексические единицы, структурирующие ЯЦ лингвоконцепта «совесть»:

ЯЦ — способность, сущность, чувство, честность, ответственность, уважение, порядочность;

БПЗ — понимание, знание, рассудительность, чувство, возможность, выбор, пригодность, одарённость, мышление, ум, внимательность, природа, вещь, натура, естественность, осознание, эмоции, интуиция, впечатление, ощущение, восприятие, сознание, оценка, качество, порядочность, добросердечность, обязанность, исправление, долг, действие, чувство, мнение, достоинство, доблесть, почтение, почёт, добродетель, мораль, честность, неподкупность;

ДПЗ — способность, понимание, восприятие, ум, рассудок, разум, ясность, качество, снисходительность, толерантность, понимание, рассудок, суждение, здравомыслие, благоразумие, рациональность, логика, мышление, честность, сознание, поведение, искренность, право, принцип, причина, мотив, примирение, база, повод, основание, беспричинность, оправдание, аргумент, вдумчивость, разумность, мудрость, естественность, правильность, рассуждение, опыт, умозаключение, довод, убеждение, самоубеждение, чувство, побуждение, довод, черта, самореализация, случай, выбор, способность, средство, одарённость, решение, предпочтение, возможность, решительность, власть, свобода, право, альтернатива, дилемма, ассортимент, антология, сборник, свойство, польза, помощь, участие, сочувствие, выгода, соответствие, целесообразность, сила, пригодность, качество, состояние, компетенция, возможность, поступок, совесть, слово, желание, намерение, цель, идея, интеллект, точка зрения, мнение, воображение, размышление, образ, клише, деятельность, обдумывание, изречение, познание, интуиция, смысл, одарённость.

Список литературы

- Алеференко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики. М., 2005. 326 с.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
- Вдовиченко А.В.* Расставание с «языком». Критическая ретроспектива лингвистического знания. М., 2008. 512 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. Век XXI. От эмпиризма к рационализму // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 1. С. 29—47.
- Гарбовский Н.К.* Перевод и смысл: к постановке вопроса. М., 2009. С. 22—33.
- Костикова О.И.* Деонтология переводческой деятельности // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе. Салоники, 2011. С. 368—374.
- Кузнецова Э.В.* Язык в свете системного подхода. Свердловск, 1983. 114 с.
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997. С. 280—287.
- Нестерова Н.М.* Вторичность как онтологическое свойство перевода: лингвистический и философский взгляды // La traduction: philosophie, linguistique et didactique. Zille3., 2009. P. 43—46.
- Савосина Л.М.* Трансформационная парадигма предложения и ее соотносённость с актуализационной парадигмой // Вопросы языкознания. 2010. № 3. С. 66—74.
- Солнцев В.М.* Язык как системно-структурное образование. М., 1977. 340 с.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1977. 824 с.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 228 с.

- Фесенко Т.А.* Специфика национального и культурного пространства в зеркале перевода. Тамбов, 2002. 228 с.
- Шомахова Т.М.* Смысловое пространство концепта «достоинство» в русской и французской лингвокультурах // Наука о переводе сегодня. 2007. С. 254—261.
- Шомахова Т.М.* Лингво-концепт «медведь» в разносистемных языках // Исследования в области французского языка и французской культуры: Языковая картина мира и межкультурная коммуникация. Пятигорск, 2009. С. 361—367.
- Robert P. Le Robert Micro Roche.* Paris, 1993. Edition 4—1376 p.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
опубликованных в журнале «Вестник Московского университета.
Серия 22. Теория перевода» за 2011 год**

	№	Стр.
Общая теория перевода		
<i>Власенко С.В.</i> Референция и референциальность в межъязыковом переводе: диахронический ракурс	1	17
<i>Власенко С.В.</i> О событийной референции: на материале английских переводов русских волшебных сказок	3	3
<i>Гарбовский Н.К.</i> Новый перевод: свобода и необходимость	1	3
<i>Гарбовский Н.К.</i> Перевод и «переводной дискурс»	4	3
<i>Микоян А.С.</i> Роль перевода во взаимопознании и взаимообогащении культур	4	20
<i>Мишкурин Э.Н., Немов А.А.</i> Характерология военно-рекламного дискурса и его транснациональная переводческая адаптация к специфике ареала реализации (на материале английского, арабского и русского языков).	3	26
История перевода и переводческих учений		
<i>Гийом А.</i> Перевод в Средние века: чехарда смыслов (на французском и русском языках) / <i>Guillaume A.</i> La traduction médiévale sens dessus dessous	1	38
<i>Костикова О.И.</i> История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе.	2	3
<i>Миронова Н.Н.</i> Михайло Ломоносов в Германии: история рецепции и история перевода	4	35
<i>Шаталов Д.Г.</i> Метафорическое осмысление перевода религиозных текстов в России, Англии и Франции XVI—XVII вв. Метафоры идентичности	1	67
<i>Шаблага И.Ю.</i> Переводческие приёмы М.В. Ломоносова при работе с научным латинским текстом	4	45
Методология перевода		
<i>Береснева В.А.</i> Предпереводческая экспликация скрытой семантики на основе метода лингвистического синкретизма.	4	62

<i>Груздев Д.Ю.</i> Электронный корпус текстов как инструмент переводчика.	2	23
<i>Коростелёва А.А.</i> Проблема русификации коммуникативной дорожки в звучащем переводе (эмоциональный диалог в кино) . . .	3	42
<i>Пионтёк Б.</i> Соблюдение языковой традиции при переводе идеологем — названий польского государства	2	36
<i>Романовская А.А.</i> Интерпретация смыслов мифологических символов в художественном тексте	1	85
<i>Солдатова А.А.</i> К вопросу о классификации переводческих трансформаций в юридическом дискурсе	1	96
Лингвистические и культурологические аспекты перевода		
<i>Алексеева М.О.</i> В поисках утраченного смысла... (возможная трактовка стихотворения С. Есенина «Вижу сон. Дорога чёрная...» и проблемы его перевода на польский язык).	1	102
<i>Алексеева М.О.</i> Специфика религиозного дискурса как объекта исследования	3	59
<i>Андреев Н.И.</i> Особенности терминологии немецкого военно-политического дискурса в аспекте перевода на русский язык . . .	1	117
<i>Андреев Н.И.</i> Особенности метафоры в немецком политическом дискурсе	3	70
<i>Бердникова Д.В.</i> Особенности прозаического перевода шотландской народной баллады «Томас Рифмоплёт»	2	46
<i>Вотякова И.А., Керо Х.-Э.-Ф.</i> Сопоставительный анализ прилагательных, выражающих эстетическую оценку в русском языке, и их перевод на испанский	2	59
<i>Корниенко А.А.</i> Типология рассказчика и проблемы перевода . . .	4	70
<i>Купова Ю.Н., Купов С.С.</i> Лингвистическая и концептуальная характеристика медико-биологического термина «ткань» (сопоставительный и переводческий аспекты) в английском и русском языках	1	126
<i>Нестерова Н.М., Наугольных Е.А.</i> О «Загадочных» окказионализмах Дж. Джойса и способах их перевода.	2	74
<i>Петрина В.С.</i> Сопоставительное изучение русского и французского фразеосемантического поля «Спорт».	2	84
<i>Раздобудько-Чович Л.И., Чович Б.</i> Фразеологическая специфика художественных концептов «Жизнь» и «Смерть» в сборнике новелл Иво Андрича «Дом на отшибе» и его перевода на русский язык (к 120-летию со дня рождения Иво Андрича)	3	82
<i>Харацидис Э.К.</i> Взаимодействие культур как источник прогресса (миф о Полифеме в преданиях народов Кавказа)	3	105
<i>Шеришуква О.А.</i> Типология значений части у вещественных имён в португальском и русском языках	2	92

<i>Шомахова Т.М.</i> Отражение лингвоконцепта <i>совесть</i> в семантической теории перевода (на материале современного французского языка)	4	78
Вопросы терминологии		
<i>Павлова Е.К.</i> Многоязычный тезаурус как инструмент исследования концептов национального политического сознания и гармонизации перевода политической лексики	2	105
Дидактика перевода		
<i>Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н., Литвинова Г.М.</i> Особенности преподавания русского языка в русскоязычной и иностранной аудиториях: проблемы подготовки переводчиков	3	112

Информация для авторов журнала

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода” выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

Требования к статье:

- необходимо предоставить 2 рецензии;
- текст отправляется по электронной почте на адрес vestnik22@mail.ru или приносится лично в комнату № 1150 первого гуманитарного корпуса МГУ (на диске в формате RTF);
- *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;
- необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;
- наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;
- *примечания* в виде подстраничных сносок;
- *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [Ibid., p. 123] для иноязычных источников;
- *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1 учебный корпус ГФ, факультет “Высшая школа перевода”, комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

**Высшая школа перевода (факультет)
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Рабочая группа СИУТИ по повышению квалификации
преподавателей перевода**

объявляют о наборе слушателей на

**курс повышения квалификации «ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА»
с 8 по 28 июня 2012 г.**

Модуль 1: дистанционное обучение **8—15 июня 2012 г.**

Модуль 2: очное обучение (ВШП, МГУ, Москва) **18—28 июня 2012 г.**

Программа курса предназначена для повышения квалификации преподавателей вузов, желающих совершенствовать свои методические навыки, углубить знания, ознакомившись с новыми направлениями методики перевода и новейшими образовательными технологиями в этой области. Данный курс предоставляет возможность для установления профессиональных контактов с коллегами, обмена мнениями и опытом по вопросам организации обучения и системы оценки обучаемых, определения релевантных компетенций, создания и/или выбора учебно-методической литературы и т.д. Занятия проводятся преподавателями Высшей школы перевода МГУ, крупнейших европейских вузов (Женевский университет, Университет Майнца и т.д.), а также экспертами лингвистических служб ООН и профессиональными переводчиками.

Задачи

Научить(ся):

- внедрять достижения когнитивных наук в разработку методологии перевода;
- эффективно использовать технические и педагогические средства в дидактике перевода;
- организовывать и строить учебный курс;
- разрабатывать и обсуждать индивидуальные проекты;
- отвечать сегодняшним и будущим потребностям.

Руководство

Н.К. ГАРБОВСКИЙ, доктор филологических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, директор Высшей школы перевода, председатель рабочей группы;

Х. ЛИ-ЯНКЕ, доктор наук, профессор Женевского университета, президент СИУТИ;

М. ФОРСТНЕР, доктор наук, профессор Университета Майнца, генеральный секретарь СИУТИ.

Координация

О.И. КОСТИКОВА, кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: olga.kostikova@list.ru

Целевая аудитория

Переводчики, преподаватели иностранных языков, начинающие преподаватели перевода, желающие специализироваться в подготовке профессиональных переводчиков.

Аттестация

Удостоверение государственного образца о краткосрочном повышении квалификации выдаётся участникам, представившим и защитившим по окончании курса:

- реферат по одной из научных работ;
- проект курса/урока, учитывающий последние исследования в области экспертизы образования.

Содержание

Занятия предполагают неформальную обстановку и активное участие стажёров, которые будут иметь возможность высказать своё мнение и задать любые вопросы по различным аспектам методики перевода. Общая трудоёмкость курса — 72 часа.

Запись

Записаться на курс можно, отправив соответствующую заявку, размещённую на сайте Высшей школы перевода: www.esi.msu.ru не позднее 1 мая 2012 г.

Дополнительная информация

• Рабочие языки

Русский, английский, французский.

Индивидуальные проекты и доклады могут быть представлены на русском, французском, английском и немецком языках

• Количество участников

Лекционные занятия — поточные.

Практические занятия проходят в группах по 15 человек.

• Стоимость обучения

700 евро — за весь курс (специальный тариф для представителей факультетов и институтов — членов СИУТИ — **300 евро**).

Оплата осуществляется по безналичному расчёту после подтверждения получения заявки.

• Место проведения

Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, ГСП-1
д. 1/51 (1-й корпус гуманитарных факультетов).

*За более подробной информацией Вы можете обратиться
по тел.: +7 495-932-80-72 или + 7 495-939-16-18
и по адресу: kpk_translator@mail.ru*

III Международная научно-практическая конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода»

Конференция проводится при содействии:
Генерального консульства Российской Федерации в г. Салоники
Российского центра науки и культуры
при Посольстве Российской Федерации в г. Афины
Отдела культуры губернии Центральная Македония
Округа Халкидики губернии Центральная Македония

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

Высшая школа перевода (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 25–29 апреля 2012 проводит III Международную научно-практическую конференцию «*Русский язык и культура в зеркале перевода*». Место проведения: г. Салоники (Греция).

На конференции планируются выступления и дискуссии по следующим направлениям:

1. Теория, история и методология перевода:

- общая теория перевода;
- история перевода;
- методология перевода;
- лингвостилистические аспекты перевода;
- интерпретация художественного текста и перевод;
- вопросы взаимодействия культур в художественном переводе;
- русская литература в переводах на языки мира.

2. Культурно-антропологические аспекты межъязыковой коммуникации:

- культурно-антропологический аспект обучения русскому языку;
- эволюция русской языковой картины мира;
- язык, история и культура;
- вопросы взаимодействия культур в межъязыковой коммуникации;
- национальный менталитет русского народа в зеркале различных семиотических систем.

3. Русский язык в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации:

- теоретические проблемы изучения русского языка в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации;
- речевая культура переводчика: соотношение системы, узуса и нормы;
- современные концепции обучения русскому языку;
- проблемы лингводидактического описания и преподавания русской фонетики, лексики, грамматики в практике преподавания РКИ;
- научный и художественный текст в иноязычной аудитории;
- опыт создания национально-ориентированных словарей, учебников и учебных пособий;
- новые подходы к организации обучения РКИ: методы и технологии, учебники и учебные пособия, программы и планирование, контроль и тестирование;
- пути повышения мотивации изучения русского языка в современном мире.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-6636.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 4. 1–104.

Подробная информация о конференции размещена на сайте Высшей школы перевода МГУ им. М.В. Ломоносова (www.esti.msu.ru)

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГАРБОВСКИЙ Николай Константинович — главный редактор, профессор, доктор филологических наук,
КОСТИКОВА Ольга Игоревна — зам. главного редактора, доцент, кандидат филологических наук,
МОЗГОВАЯ Людмила Авраамовна — ответственный секретарь,
БЕЛЬСКИЙ Евгений Викторович — старший преподаватель Высшей школы перевода
ВИССОН Линн — профессор Высшей школы перевода Монтерейского института международных исследований (США), доктор философии,
ЕСАКОВА Мария Николаевна — доцент, кандидат филологических наук,
ЖАРКОВА Ольга Сергеевна — старший преподаватель Высшей школы перевода
ЗАБРОВСКИЙ Андрей Петрович — доцент, кандидат филологических наук
КОЛЬЦОВА Юлия Николаевна — доцент, кандидат филологических наук,
МАНЕРКО Лариса Александровна — профессор, доктор филологических наук,
МИРОНОВА Надежда Николаевна — профессор, доктор филологических наук,
МИШКУРОВ Эдуард Николаевич — профессор, доктор филологических наук,
МАТАСОВ Роман Александрович — кандидат филологических наук,
РЕЗНИЧЕНКО Ольга Леонидовна — кандидат филологических наук
ШАБАГА Ирина Юрьевна — доцент, кандидат филологических наук

Редактор *М.Л. Балашова*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Корректор *А.Я. Марьясис*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

*125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел. 697-31-28*

Подписано в печать 15.03.2012. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 6,28.
Тираж 236 экз. Изд. № 9266. Заказ № .

Ордена “Знак Почета” Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Типография МГУ.
119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

ISSN 0201-7385

ISSN 2074-6636